

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Каменск-Уральский краеведческий музей им. И.Я. Стяжкина»

Восьмые

Каменские чтения

Сборник материалов
историко-краеведческой конференции

Каменск-Уральский
2022

ББК 26.89 (235.55)

К18

К18 **Каменские чтения**

Сборник материалов историко-краеведческой конференции, 4 декабря 2021 г. / Муниципальное автономное учреждение культуры «Каменск-Уральский Краеведческий музей им. И. Я Стяжкина». – Каменск-Уральский, 2021 — 190 с.: ил.

Сборник содержит материалы историко-краеведческой конференции, которая состоялась 4 декабря 2021 года. В сборник включены не только доклады выступавших на конференции, но и других авторов, краеведов, историков, преподавателей ВУЗов и общеобразовательных школ, энтузиастов и исследователей родного края.

Сборник рассчитан на школьников и учителей, студентов и преподавателей и всех тех, кто не равнодушен к истории своей семьи, предприятия или учреждения, истории города и всей страны.

Тексты напечатаны в авторском варианте без редакции и корректуры.

Краеведческий музей выражает благодарность **Геннадию Николаевичу Виноградову**, директору ООО «Управляющая компания «Теплокомплекс», за помощь в издании сборника.

Содержание:

Аввакумова Галина Павловна	
Сюрпризы в поисках родственников.....	5
Деревня не думала и не гадала, как в большой город попала.....	10
Автаев Александр Владимирович	
Уральское генеалогическое общество сегодня (к 30-летию УГО).....	15
Анчугов Дмитрий Михайлович	
Кто является основателем Каменска?.....	18
Анчугов Дмитрий Михайлович, Лысков Антон Павлович	
Память и памятники.....	19
Вагина Елена Александровна	
Мы не знали, что такое война.....	23
Гусев Валерий Александрович	
Одна из многих.....	26
Гусева Евгения Сергеевна	
Петр Александрович Вознюк – труженик тыла.....	29
Зенкова Любовь Васильевна	
О покупке здания под заводской госпиталь.....	31
О чем нам расскажет первая часть сборника архивных документов.....	33
Корвякова Светлана Андреевна	
«О работе Каменской потребконторы в начальный период НЭПа».....	34
Лесунова Алла Юрьевна	
Кузнечный промысел в Каменском Заводе в пореформенный период.....	39
Лысков Антон Павлович	
Рождение газеты «За Большой Урал».....	48
Пермякова Елена Евгеньевна, Пермякова Нина Николаевна, Серяк Марина Юрьевна	
Жизнь в белых халатах. О детской поликлинике посёлка имени Чкалова.....	51

Пуголовкина Наталья Алексеевна «Мимо сердца не получается...».....	55
Сарабанская Людмила Анатольевна Старая Красногорка глазами фотографа-любителя Анатолия Тихоновича Мальгина.....	57
Судакова Татьяна Витальевна Каменский чугуноплавильный завод 1917–1923 гг.....	59
Сухарев Юрий Михайлович О доменном работнике Прокопии Плотникове, назвавшем себя Христом.....	67
Теляков Михаил Захарович Прокудин-Горский из села Тамакульского.....	73
Тепикин Евгений Владимирович Поэт Юрий Каплунов в воспоминаниях земляков.....	77
Ярославцева Валентина Вениаминовна «А жизнь продолжается...» об участнике Великой Отечественной войны Бердинских Петре Александровиче.....	89

Г. П. Аввакумова

Родовед, действительный член УИРО

г. Каменск-Уральский

Сюрпризы в поисках родственников

Жизнь преподносит свои сюрпризы, как это бывает неоднократно. Вот и в нашей жизни произошло несколько чудесных событий. Сейчас в нашей жизни в поисках информации помогает печатное слово и интернет.

Мы с сестрой Натальей Павловной Бекленищевой (Зыряновой) в 2011 году после прочтения воспоминаний нашего дяди Леонида Павловича Байнова захотели составить свою родословную. Но как это сделать и с чего начать мы не знали. И в номере газеты «Каменский рабочий» за 29 марта 2011 года увидели статью «Узнай, кто ты есть...» про конференцию родоведов в библиотеке № 19 по Стахановской улице г. Каменска – Уральского. И там сообщалось, что заведующая библиотекой Тамара Васильевна Прошкина, пишет родословную про своих родных Зыряновых из села Зырянки (бывшего села Зырянского Камышловского уезда Пермской губернии). Её отец, Василий Степанович Зырянов, и наш отец, Павел Александрович Зырянов, родились в этом селе, и в нём проживали многие поколения наших родственников. Посетив эту конференцию и побеседовав с Тамарой Васильевной, мы получили поддержку в её лице. Она нас снабдила некоторыми печатными материалами о селе Зырянском, впоследствии село Зырянка. На тот момент общих родственников мы не нашли.

И начались наши изыскания в архивах г. Кургана, г. Екатеринбурга. Пересмотрев множество метрических книг, исповедных росписей, переписных книг, составила родословная. И не обязательно запись, строка на бумаге приобщает нас ко времени проживания наших предков, и одаряет постижением непреходящего, поэтому в помощь мы призывали живую историю. Начались расспросы живых родственников, их

воспоминания и сравнения их рассказов. Они пересказывали, что помнили из рассказов своих родителей, бабушек и дедушек. Также пришлось читать книги по истории всей страны, жизни крестьянства. В итоге, не все рассказы родственников подтверждались документами, и было понятно, что что-то забыто, что-то пересказано не так. И мы сами в детстве слушали рассказы бабушки Вассы Степановны Зыряновой (Таушкановой), не очень вникали про какую семью она рассказывает: про Таушкановых или Зыряновых. Прошлое – это гарант будущего. Мы различно относимся к прошлому: любим, ностальгически вспоминаем, стыдимся и проклинаяем. И все эти настроения прослеживались у наших рассказчиков.

Первоначальная родословная была опубликована в сборнике «Крепок род – крепок народ», изданной МБОУ ДОД «Центр внешкольной работы» в 2012 г. Работа эта была не окончательной и после ухода из жизни моей сестры, я продолжила заниматься в архивах г. Екатеринбурга, г. Шадринска. И мне удалось составить цепочку из пятнадцати поколений. Оказалось, что мы с Тамарой Васильевной родственники: сёстры в пятом поколении.

Как и у любой фамилии есть несколько вариантов, как она произошла.

Один из вариантов, что фамилия Зыряновы произошла от зырян (зырянин) – это этноним (коми – зыряне) – старое название народа коми (в 1 Софийской летописи под 1396 г. – сиране), происходит из языка манси «зырянин, коми, зырянский».(1) По общепринятой версии коми происходит от названия реки Кама. Буквально название коми можно понимать как «житель». Сами представители республики иногда называют себя зырянами. Это слово означает

«живущий на границе». Также на древнем языке слово «ком» означает «мужчина» или «человек». В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона есть описание внешности пермяков: невысокие, менее физически развитые, чем коренное русское население. Отмечали, что коми обыкновенно белокурые, реже русые или рыжеватые. У них серые глаза, вздёрнутые нос, широкие лица, кожа у молодых людей светлая, а у старшего поколения смуглая. Конечно, за несколько веков произошло изменение внешности потомков зырян, но встречаются и люди с такой внешностью среди родных. Завершение формирования народности коми – зырян относится к XVII – XVIII векам. В XVII – XIX веках происходит переселение значительных групп коми на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Широкое бытование фамилии на Среднем Урале и в Зауралье также свидетельствует об активном участии в освоении региона народа коми, в том числе этнических коми Зюндинской волости Кайгородского уезда.

А.И.Попов полагает «весьма возможно, что название зыряне возникло из имени одного из коми воевод конца XV в. – Зыран». (2)

Также считается, «что фамилия означает только то, что родоначальник приехал из Пермской земли, «зырянами» в Зауралье называли жителей Яренского уезда независимо от национальности». (3) Под влиянием этнонима могли возникнуть говорные значения слова зырян: например «зыркать» пермское – сильно стучать, ударять со стуком, зырить – у охотников в нашей местности выглядывать зверя. (4)

В Приуралье прозвище и фамилия фиксируются с XVI – первой половины XVII в.: «Беспашенный крестьянин д. Вотцкая на роднике Сенька Зырян, 1579; житель с. Слудка на р. Каме Савка Гаврилов, сын Зырянов, 1647» ср. также «Крестьянин погоста Покча на реке Колве Якушко Гаврилов сын Зырянинов, 1623 (Полякова). На Урале фамилия Зырянов очень распространена. В конце XVII века прозвище Зырян и фамилия Зырянов встречаются среди вкладчиков Далматовского монастыря. (5). На территории Камышловского уезда к концу XVII – началу XVIII века сложилось несколько очагов

зарождения фамилии, сгруппировав которые можно выделить два пространственных «куста» – западный и восточный. (5)

В западном комплексе центральное место занимают Колчеданский и Катайские остроги с деревнями (данные переписи 1695 г.).

Наши предки, мои и Тамары Васильевны, пошли от одного корня: первый из известных родственников Борис Зырян, примерно 1620 года рождения. Он проживал в деревне Колыкса Никольского прихода Зюндинской волости Кайгородского уезда. Народность коми – зырян и сейчас проживает в этой местности. Это Афанасьевский муниципальный район в Кировской области. Поэтому я делаю вывод, что корни наших предков произошли от коми – зырян. На земли сначала Катайского острога с 1674/1675 (183) года пришли жить его сыновья: Матюшка, Тимошка, Ивашко и Осташка (Евстафий или Остафий), по прозвищу Зырян. Также с ними пришли жители той же деревни: Никита и Яков Григорьевичи, также по прозвищу Зырян. Тимофей пришёл с сыном Мишкой (Микишкой) – вот от них и пошёл наш род. Первые сведения о них появились в «Переписной книге Тобольского уезда переписи Льва Поскочина с 1680-1683 г. (6,7,8) Почему они пришли на эти земли, сейчас узнать трудно, но в 17 веке шло активное освоение Урала, Сибири, Дальнего Востока, так как земли в средней полосе были довольно скудными. Крестьяне были основным податным сословием. Семнадцатый век окрестили «бунташным» из-за большого количества восстаний по всей стране, простые люди не хотели подчиняться действующей власти. (9) В семнадцатом веке «Уложение» 1649 г. сделало крестьян полностью бесправными. Если раньше крестьяне могли переходить от одного владельца к другому, то теперь власть наложила запрет на переход к другому помещику, и только владелец мог крестьянина продать или подарить кому-либо, не согласуясь с его желаниями. Были также и государственные (черносошные) крестьяне. Черносошные обрабатывали наделы, принадлежащие государству. Они были также абсолютно бесправными. В «переписной книге Тобольского уезда (слобод по Исети) за 1695 г.

Матюшка, Тимошка, Ивашко, Осташко Борисовы сыны Зыряна сообщают, жили «за великими государи во крестьянах, что пашню с тяглом оставили братьям». Скорее всего, их сюда перевели как государственных крестьян. И наши предки так и были государственными крестьянами, пройдя жить в деревню Зырянско. В это время царствовал Фёдор III Алексеевич 30.05. (9.06) 1661 г – 27.04.(7.05) 1682 г. Короткое время его царствования ознаменовано некоторыми важными акциями и реформами. В 1678 году проведена общая перепись податного населения, в 1679 году повсеместно введено подворное обложение прямыми налогами, увеличивающее податной гнёт. Ко времени составления именных списков 1709 года Матфей и Евстафий умерли, были живы их братья Иван и Тимофей. По переписи (ревизской сказке) Катайского острога 1719 года (ГАСО. Ф. 24.Оп. 2.Д. 74) описана деревня Зырянско и пишется что Тимофей Борисович и его сын Никифор со своими сыновьями: Алексеем, Петром, Игнатием, Федором и Егором проживают в этой деревне. Скорее всего, они же её и основали между 1709 – 1719 годом. (5,10) Мне удалось уточнить время возникновения деревни Зырянско, возникла она точно до 1713 – года, так как в Ревизских сказках Катайского дискрикта 1744года написано по деревне Зырянской «Пётр Никифорович сын Зырянов 31 году. В подушную перепись писан он Петр Катайского острогу при деревне Зырянской. А ныне по указу в подушном окладе по переписи 1735 году состоит по Колчеданскому острогу, и жительство имеет при той же деревне. Уроженец тоя ж деревни». Значит, он родился в 1713 г. Раз уроженец этой деревни, значит, она уже существовала. «Брат его Игнатей родился в 1715 г. и тоже пишется, что он уроженец этой деревни».(11) В 1733 г. была построена первая деревянная церковь, она сгорела, и вместо неё построили каменную. И там строго велись записи о рождении, венчании и смерти прихожан, и что ещё важно, записывали, кто был восприемником у родившегося ребёнка, поручителями при венчании молодожёнов. Эти факты были значительными в поисках родственников: чаще всего это были ближайшие родственники. Но были

и назначенные зажиточные крестьяне, которые были восприемниками у множества детей. Один из них, мой прадед Григорий Федотович Зырянов, мы насчитали, что он был восприемником у 22 новорожденных, но возможно это были и дальние родственники.

Мы начали составлять нисходящую поколенную роспись родственников: от нас к нашим предкам. В итоге сложилась следующая цепочка. Первым из известных родственников был Борис, затем Тимофей, Микишка, (Микифор, Никифор), Егор, Пётр.

Наши предки с Тамарой Васильевной и пошли от Петра Никифоровича Зырянова. У Петра Никифоровича было пять сыновей и две дочери. У меня предок старший из братьев Родион Петрович 1776 г. р., Тамары Васильевны Фёдор Петрович старший 1780 г. р., ещё Саватий 1788 г. р., Фёдор Петрович младший 1790 ?, и Иван Петрович 1796 г. р.

В Государственном Архиве Свердловской области хранятся «Списки крестьян села Зырянского» по Сергиевской церкви. Просмотрев списки за 1838 г. находим, что на тот момент в селе было всего восемь дворов Зыряновых, а больше дворов крестьян по фамилии Пшеницыны и Пономарёвы. Все были неграмотными, так как за всех крестьян «руку приложил» один человек.(12)

Я, занимаясь своей родословной и восстановив несколько поколений Зыряновых из деревни Зырянки Катайского района, раздала свои изыскания родственникам. И оказалось, что у родственника по мужу моей родной племянницы Татьяны Александровны Бекленищевой, тоже корни происходят из села Зырянского. Зная друг друга много лет, даже не догадывались, что происходим от одной родственной ветки. Там родилась и проживала до свадьбы бабушка Сергея Михайловича Ломаева Парасковья Матвеевна Ломаева (Зырянова). Сергей Михайлович Ломаев, в свою очередь, попросил поискать родственников со стороны его бабушки. Нашла его родственников по бабушке по метрическим книгам Богоявленской церкви села Зырянского с 1890 – 1918 гг. Но на тот момент соединить наши ветки мы не могли, так как конкретно моих

родных у его родственников ни в поручителях ни в приемниках не было. Не было также и родственников Т. В. Прошкиной.

В августе месяце 2021 года по публикациям в книгах и выступлениям на конференциях Тамару Васильевну нашла Кристина Раифовна Газизова, она праправнучка Михаила Алексеевича Зырянова, и по её просьбе мы начали искать её родственников. Михаил Алексеевич Зырянов родился и проживал в селе Зырянском. Её интересовало, кто был теми людьми, которые были приемниками её прадедушки Петра Михайловича Зырянова. У родившегося 28 июня 1913 года Петра Михайловича приемником оказался Матвей Александрович Зырянов. Это прадед Сергея Михайловича Ломаева. Так как мы просматривали «Метрические книги» за 1890 – 1918 года, на тот момент в 1913 году был в селе Зырянском только один Матвей Александрович Зырянов. Начала просматривать более внимательно имеющиеся данные по родственникам и нашла совпадения. Выстроили цепочки родственников. Его прадед был продолжателем ветки Фёдора Петровича младшего. Раньше детей называли по святцам, поэтому детей из одной семьи могли назвать одинаково, если они родились в день поминовения, или около даты празднования Святого, или великомученика.

Кристина оказалась наиболее близким родственником Тамары Васильевны. Она также, как и Тамара Васильевна, ведёт родство от Фёдора Петровича Зырянова старшего. У Фёдора Петровича было четверо сыновей и дочь. Непосредственный предок Т. В. Прошкиной, Василий Федорович 1798 г. р., Кристина ведёт родство от Фёдора Фёдоровича 1819 г. р.

Ещё один сюрприз в поисках родственников связан с родным племянником Тамары Васильевны Прошкиной Андреем Ивановичем Лопатиным и моей родной племянницей Татьяной Александровной Бекленищевой. Андрей женат на Эльвире Маратовне Айсиной, а сын от первого брака Александра Алексеевича Пономарёва Алексей Александрович Пономарёв женат на её сестре Гульнаре Маратовне Айсиной. Александр Алексеевич Пономарёв это муж моей

племянницы Т. Бекленищевой. Ранее я писала про Сергея Михайловича Ломаева – он муж родной сестры Александра Пономарёва.

Тамара Васильевна и её сестра Галина Васильевна Лопатина много лет также знали Александра Пономарёва и были на свадьбе его сына, и Сергей Михайлович Ломаев присутствовал на этой свадьбе, но только в этом году было установлено, что это родственник по Зыряновым.

Был и один неприятный сюрприз: моя ближайшая родственница не проявила никакого интереса к составлению родословной. И даже не сохранила наград отца, которыми его наградили за подвиги и пролитую кровь на Великой Отечественной войне. Я думаю, что нельзя отмахиваться ни от какого прошлого, и надо вглядываться в руины дальней правды, от этого зависит и правда наших дней. Но, как говорится, бог ей судья.

В годы коллективизации многих жителей села Зырянского разбросало по всей стране. Мой дед Александр Григорьевич Зырянов, спасаясь от раскулачивания и высылки далеко на север, уехал в 1935 г., бросив свое очень зажиточное хозяйство в г. Каменск. И мой папа Павел Александрович Зырянов, родившийся 12.12.1927 г. в 1935 г. пошёл в школу, она находилась в здании, где сейчас находится администрация Южного округа. В 1944 г. ушёл добровольно воевать, когда ему не исполнилось и семнадцати лет. Участвовал в боях с Японией, был ранен. Был награждён медалью «За Победу над Японией», разными юбилейными наградами. Он прослужил в армии до октября 1950 г. Вернулся в город, который стал ему уже родным, пошёл служить в пожарную часть № 29 при литейном заводе.

И прослужил в пожарной части до выхода на пенсию по выслуге лет в 1978 г. Он был награждён знаками «Отличный пожарник», «Отличник пожарной охраны», тремя медалями «За безупречную службу 1,2,3 степени в министерстве внутренних дел», медалью МВД России «200 лет МВД России». И после выхода на пенсию продолжал трудиться на производственном объединении «Октябрь».

И мы, дети его и внуки, также живём в городе и работаем и работали на разных предприятиях г. Каменска-Уральского.

Я, Тамара Васильевна, Сергей Михайлович, относимся к 12 поколению, Кристина Рафиковна – к 13 известному поколению Зыряновых. На начало 2021 г. было известно 404 человека. За 2021 г., когда нашлись новые представители нашего рода, добавилось ещё 152 человека. Всего 556 человек.

Примечания:

1. Грушко, Медведев словарь «Славянской мифологии» с. 189
2. «Название народов СССР. Введение в этнонимистику». Л. 1973. С. 109 А. И. Попов.
3. «Словарь фамилий крестьян Покровской волости 17-20 в.в» А. И. Брылин и М. Ю. Елькин.
4. Словарь Даля.
5. «Уральские фамилии» Мосин Г. А.
6. Переписные книги Тобольского уезда переписи Льва Поскочина 189,190,191. РГАДА Ф. 214. Оп. 5.д. 261
7. Переписная книга Тобольского уезда (слобод по Исети) 1695 г. РГАДА, Ф. 214. ОП. 1. Д. 1444
8. Перепись (ревизская сказка) Катайского острога) 1719 г.
9. Иванов В.Н. «Чёрные люди» Лениздат, 1988 г.
10. «Материалы по обоснованию генерального плана Зырянского сельсовета» под общей редакцией А.И.Александрова Курган, 2014, Т 2, с 125.
11. Ревизские сказки Катайского дистрикта 1744 года (ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 29. л. 228,л. 289 об, л. 290).
12. «Списки крестьян» относящихся к Сергиевской церкви за 1838 г.

* * *

Деревня не думала и не гадала, как в большой город попала

В Каменском районе несколько деревень в двадцатом веке перестали существовать как отдельные образования. Это и родная деревня моей мамы Лии Павловны Зыряновой (Байновой) деревня Байнова, но ей повезло, она не исчезла совсем, а стала частью большого города Каменска-Уральского.

Первоначально эту деревню называли Баюнова, и она возникла на правом берегу Исети ещё в начале XVIII века. Её первыми поселенцами были мои предки, в 13 поколении драгуны братья Сава и Козьма Андреевичи Баюновы с сыновьями и своей мамой Ксенией Кирилловной. Также с ними были племянники драгунские дети Сергей и Григорий Тимофеевичи Баюновы. Братья пришли из Колчеданского острога или были присланы для защиты Каменского завода. Первые упоминания о них в переписи 1719 года. (1) Наша ветка пошла от Козьмы Баюнова. Мне удалось проследить это по документам. Деревня имела рядом воду, поля, леса. Она расположена на низменном участке: с востока левый берег весь в горах с логами и поросший сосновым бором, да для защиты от северных ветров были произведены дополнительные посадки деревьев.

Ещё в 1858 году деревня писалась Баюнова. В деревне было 1722 человека: мужского пола 818 душ, женского пола 904 души. (2) В 1908 году она пишется уже Байнова на реке Исети Каменской волости. В ней переписано 233 двора, 464 мужчин и 535 женщин. (3) В деревне есть часовня «Иверской Божией Матери», церковно – приходская школа. (3) По рассказам моей бабушки Таисьи Павловны Байновой школа сначала располагалась в жилых домах. В их доме тоже проходили занятия. Дом, где родилась

Таисья Павловна Байнова (Сапогова), стоял на окраине деревни, а дальше было «пустое место»; сейчас это пересечение ул. Алюминиевой и бульвара Парижской Коммуны.

Деревня с годами развивалась и жителей становилось в ней всё больше. Она стояла на пути крестьян, проезжающих из дальних деревень: Волковой, Пироговой, Сипавы, Окуловой, Потаскуево, Барабаново, Красноглазовой, Евсиковой, Гашенёвой, в Каменск, на рынок. Продать свой выращенный урожай и прикупить нужные в повседневном обиходе товары. Им приходилось ехать через мост, называемый Байновским. Мост и сейчас находится на том же месте, где и был построен изначально.

К 1900–1910 годам деревня сформировалась полностью. Улицы располагались от моста по радиусу. Все улицы широкие, ровные, с удобными переулками для проезда, спуска к реке и мосту. В 1916 году деревня также относилась к Каменской волости.

С приходом Советской власти деревня, как и все, разделилась на тех, кто был за новую власть, кто против. Наши родственники приняли эту власть неоднозначно, как и по всей России. Прадед Андрей Максимович очень сомневался, что будет лучше крестьянам. Он занимался не только сельским хозяйством, также мастерил телеги, разный инвентарь для сельскохозяйственных работ. Если у крестьянина не было денег расплатиться за работу, они отработывали в его хозяйстве на разных работах.

Его сын, Александр Андреевич Байнов, был энтузиаст, мечтатель с горячим сердцем, принял революцию. Вступил в партию одним из первых, вступил в колхоз, был бригадиром. И несмотря на возраст, на начало войны ему было

уже сорок семь лет, ушёл воевать и погиб, защищая Родину 11.02.1944 году в Ленинградской области, в деревне Кушка. Мой дед, Павел Андреевич Байнов, окончил четыре класса церковно – приходской школы и считался грамотным в деревне. Он писал всякие прошения, заявления за неграмотных мужчин и женщин и его выбрали в сельсовет. Он проработал там недолго, все бывшие богатые люди постоянно пытались внести смуту в работу сельсовета. Подговаривая то одного сельчанина, то другого ставить в вину любые действия членов сельсовета. В деревне никого не раскулачили, у них был авторитетный пример, когда мельник отдал добровольно свою мельницу, он рассчитывал, что эта власть ненадолго. И отец Андрей Максимович уговорил сына пойти работать в Колчеданскую МТС. Павел Андреевич, когда служил в армии в городе Минске, научился работать на разных тракторах. Прошел курсы и получил свидетельство о разрешении работы на тракторе. Сохранились документы, подтверждающие этот факт. В деревне создавалась сельскохозяйственная артель «им. Кирова». Павел был первым трактористом, который стал пахать поля этой артели.

Работая в архиве г. Каменска-Уральского, я нашла «Поселенный список плательщиков единого окладного сельскохозяйственного налога в 1923 – 24 сельскохозяйственном году». (4)

В списке подробно расписаны состояния хозяйств жителей деревни. Сколько у кого десятин пашни в хозяйстве, сколько посажено озимых и яровых. Посчитано сколько на одного едока пахотно – сенокосной земли в переводе на пашню. Сколько числится осенней, весенней семенной ссуды на одного едока. Сколько числится скота в хозяйстве. Расписаны размер налога и номера квитанций об оплате. Мои родственники относились ко II и III категории по обеспеченности. Сильно бедными не были, не были и сильно богатыми.

По данным переписи 1926 года в деревне Байнова было 249 дворов с населением 1085 человек (мужчин – 501, женщин – 584). (3)

В 1925 г., когда поженились Павел Андреевич и Таисья Павловна, и в 1928 г. деревня Байнова входила в Байновский сельсовет Каменского

района Шадринского округа Уральской области.

Дмитрий Максимович Байнов был председателем ревизионной комиссии колхоза им. Кирова. И по доносу одного из кулаков, что он дал муки солдатке с двумя детьми, был осуждён в 1937 г. на десять лет и отправлен в Восточную Сибирь; дочери пытались найти его следы, но им это не удалось.

Василий Артемьевич Байнов был бригадиром, председателем колхоза, воевал, пользовался заслуженным авторитетом в деревне.

Семён Павлович Сапогов был агрономом в колхозе им Кирова, воевал и погиб на фронте в 1942 г. около Ржева, близ населённого пункта Петелино.

Иван Александрович Байнов был создателем «Байновского сада», с ним работала и дочь Анна.

В архиве г. Каменска-Уральского нашла следующий документ за № 170279 « Государственный акт на вечное пользование землёй колхозами». «Настоящий государственный акт выдан сельскохозяйственной артели имени Кирова деревни Байновой Каменского района Челябинской области РСФСР».

Каменским районным исполнительным комитетом Советов в том, что за сельхозартелью им. Кирова закрепляется в бессрочное пользование, то есть навечно, земля в количестве 2287,59 гектар, согласно ниже начертанного плана и описания границ: от А до Б с землями Городской черты; от Б до В с землями сельхозартели «Красное знамя»; от В до Г с землями Загот зерна; от Г до Д с землями сельхозартели «Светлая жизнь»; от Д до Е с землями сельхозартели «Светлая жизнь»; от Е до Ж городской черты; от Ж до З с землями сельхозартели имени Волкова; от З до И с землями запасного фонда. И полностью расписаны географические координаты. План подписан председателем Каменского районного исполнительного комитета Советов (подпись неразборчива), заведующим Каменским районным земельным отделом Порошиным и старшим землеустроителем. Выдан он был 1 октября 1936 года. В этом документе также указано, что сокращение этих земель не допускается, а только увеличение.(5) Дальше

по актам увидим, что этот принцип был нарушен самим государством: земли были уменьшены в связи с необходимостью строительства Уральского Алюминиевого завода и инфраструктуры вокруг него. Все изменения сшиты в один документ.

Строительство плотины на реке Исети подняло уровень воды, дома на нижней улице были подтоплены и хозяевам пришлось выезжать из своих домов. Эти дома были построены самыми первыми жителями при образовании деревни, там был и дом моих предков. Улица называлась Нижней.

Просмотрев годовые отчёты сельхозартели им Кирова Бродовского сельсовета Каменского района Челябинской области за 1939 г., 1940 г., 1941 г. (6), узнаём статистику из жизни деревни:

1939	1940	1941	Содержание
173	129	141	Числится по списку дворов в с/х
23			Вступило за год
28			выбыло из с/х артели дворов(семей и одиночек), не считая временно ушедших
10			Исключено из колхоза отдельных колхозников
145			Число наличных дворов и одиночек
457	485	553	Наличного населения, не включая отдельных членов семьи, находящихся на 1 января вне деревни
186	226	54м 128 ж	Наличных трудоспособных 16 лет и старше мужчин
62	65	67	Наличных подростков от 12 до 16 лет
39			Вне колхоза

По этой статистике сразу видно, что мужское население уменьшилось намного. Мужчины были призваны на фронт, и на производство. Подростков привлекали к работе на заводах. Общее число человек увеличилось за счёт эвакуированных вместе с заводами людей.

6 июля 1940 г. город Каменск был переименован в Каменск-Уральский и выделен в самостоятельную административно – хозяйственную единицу подчинения Челябинской области. (7) Из городской черты были исключены некоторые населенные пункты, в том числе и Байнова. И эти решения о выходе деревни из городской черты, и об обратном причислении в черту города происходили несколько раз.

Во время заседаний 10 апреля 1942 года исполком горсовета решил просить Челябинский облисполком об образовании двух районов, так как население города выросло до ста тысяч человек, как в больших городах Магнитогорске и Златоусте.(7)

Перед войной Байнова называлась посёлком и входила в Южный район г. Каменска-

Уральского. В посёлке проживало 2,4 тысячи человек, а во всём районе 11,3 тысяч человек. (8) В Байновой было две начальные школы.

В дополнение к государственному акту на вечное пользование землёй за № 171249 земли колхоза несколько раз расширялись за счёт передачи Каменским районным земельным отделом из свободных земель государственного фонда в количестве 3,71 гектар в границах, внесённых в план.

20.03.1942 г. Каменским районом были переданы сельхозартели им. Кирова 3 гектара, через месяц ещё 33.8 гектара.

С 15 февраля 1947 г. земли сельхозартели начали уменьшаться за счёт изъятия по постановлениям Совета Министров СССР. И в итоге все земли у сельхозартели забрали, и артель перестала существовать. (5)

04. 01.1941 г. на заседании исполнительного комитета решался вопрос «О состоянии и достройке Байновского моста через реку Исеть» (докладчик нач. горкомхоза тов. Пирогов). Мост требовал капитального ремонта: имеются

сквозные дыры, вследствие совершенной изношенности рабочего настила и частично нижнего настила моста. Перила также пришли в ветхое состояние. Дальше приходят к выводу, что дальнейшая эксплуатация моста невозможна, и его требуется закрыть для проезда и прохода. Обязать горкомхоз сделать объезды по льду и установить знаки объездов со стороны города и посёлка Байново. Мост уже строился, но дело затягивалось со стороны бывшего директора Красногорской ТЭЦ тов. Павленко. И средства, выделенные на достройку, в 1940 году были не израсходованы. Обвиняют руководство УАЗа и ТЭЦ, что они в течение 2-х лет в соответствии с проектом реконструкции его не достраивают, деньги отпущенные на строительство моста ежегодно не используются. (8)

17. 01. 1941 г. в повестке дня пунктом № 7 вновь обсуждается вопрос об устройстве временного переезда через реку Исеть в связи с закрытием Байновского моста Проезд по льду на автобусах и грузовых машин за исключением пяти-тонных автомашин считать возможным при условии:

а/ устройства второй параллельной линии на расстоянии 4, 5 метров от первой линии.

б/ для усиления слоя проезжей части дороги, путь настилать соломой со снегом и замораживая его.

На период проведения устройства дороги по льду разрешить проезд по мосту за исключением 5-тонных машин не более 5-7 дней до 25/1 – 41 года.

Обязать т. т. Щелкунова и Никулина приступить к ремонту Байновского моста с 20 января и закончить его не позднее 1 –го марта 1941 г. (8)

15. 06. 1942 г. Указом президиума Верховного Совета РСФСР г. Каменск-Уральский и Каменский район административно вышли из Челябинской области и вошли в Свердловскую область.

К вопросу о ремонте моста возвращались ещё несколько раз, происходило это в 1945 г., в 1949 г., и 1950 г. (9)

Протоколом № 42 заседания исполкома Каменск-Уральского городского Совета Депутатов от 31 октября 1946 г. д. Байнова со своими

угодьями вошла в образованный Красногорский район города Каменска-Уральского, колхоз с переводом на картофельно – овощное направление. (10) 28. 11. 1946 г. этот факт подтверждается решением Исполнительного комитета за № 776 «В состав Красногорского района: юга-восточная часть города, включая весь промышленный район Уральского алюминиевого завода и деревни: Байнова, Токарёво и Волково с земельными угодьями колхозами имени Кирова, «Светлая жизнь» и имени Волкова. (11) В 1954 году в деревне Байновой было 370 дворов.

Решением 181 от 07. 04. 1950 г. производится переименование улиц бывшей деревни Байновой, так как название улиц стало совпадать с уже имеющимися названиями улиц в самом Каменске-Уральском.

Ул. Коммунаров, где стоял дом моего прадеда – ул. Гоголя.

Ул. Октябрьская – ул. Суворова

Ул. Пионерская – ул. Кутузова

Переулок Пионерский – переулок Тургенева

Пер. Северный – пер. Чехова

Ул. Урицкого – ул. Дзержинского

Пер. Урицкого – пер. Байновский. (12)

Решением № 511 «О переименовании одноимённых улиц в городе» был переименован переулок Ворошилова на переулок Гоголя. (13)

25. 01.1960 г. посёлок Байнова исключен из Бродовского сельсовета и включен в городскую черту г. Каменска-Уральского.

Улицы в так называемом Залоге Байновском, который раньше также относился к деревне, переименовали решением № 433 от 23. 09. 1960 г. в связи с передачей посёлка в черту города.

Ул. Ленина – ул. Байновская

Ул. Свободы – ул. Заречная

Ул. Калинина и Свердлова – ул. Логовская

Почти все мои родственники, проживающие в деревне, работали в колхозе им Кирова.

Байнова Анастасия Николаевна 26.12.1920 года рождения была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне». Она окончила акушерские курсы и поступила 04 июля 1938 г. работать в больницу № 3, в её характеристике написано: квалифицированная акушерка родильного

отделения, чуткая и внимательная к больным».
(15)

Шесть моих родственников из д. Байнова увековечены в книге «Каменск-Уральский в Великой Отечественной войне» к 75 – летию Победы. Александр Васильевич вернулся очень израненным и умер от ран в 1947 г, Александр Иванович, Василий Артемьевич, Николай Петрович Байновы вернулись живыми и продолжали трудиться: Александр Иванович и Николай Петрович на заводах, Василий Артемьевич, до выхода на пенсию, в колхозе им. Кирова. Не вернулись с войны, стойко защищавшие Родину Александр Андреевич Байнов и Семён Павлович Сапогов. (7)

Акулова (Байнова) Нина Александровна, дочь Александра Андреевича Байнова, окончила алюминиевый техникум в 1946 г., это был второй выпуск техникума. Затем всю свою трудовую

жизнь проработала на УАЗе в экспериментальном цехе. Десять лет была бессменным профгоргом, получила много благодарностей и грамот, звание «Ветеран труда».

Байнов Леонид Павлович мой дядя окончил алюминиевый техникум, отслужив в армии, также поступил работать на УАЗ в термический цех. И проработал на заводе 50 лет. Имеет многочисленные награды и поощрения. Награждён орденом «Трудового Красного Знамени», получил звание «Почётный Metallург» и десяток других наград. Его жена, Анна Кузьмовна, работала на заводе ПО «Октябрь», награждена орденом «Трудовой Славы III степени».

Сейчас памятью деревне служит Байновский мост и обелиск павшим войнам в годы войны проживавшим в деревне Байновой. Он расположен на территории школы № 16.

Примечания:

1. Исповедные росписи за 1719г.
2. «Десятая народная перепись о урочных рабочих Каменского и Травянского участков». Ф25.ОП.1.Д.1385 стр.98
3. «Список населения мест Пермской губернии» Каменская волость стр. 49
4. «Посельный список плательщиков единого окладного сельскохозяйственного налога в 1923- 1924» Ф. Р – 63 оп.1д.17.стр 1,1об., 2об, 5об, 6.
5. «Государственный акт на вечное пользование землёй колхозами» № 170249 и с дополнениями к этому акту. Ф. Р171.ОП.2.Д.18
6. «Годовые отчёты сельхозартели им. Кирова Бродовского сельсовета Каменского района Челябинской области» за 1939, 1940,1941г.г.
7. «Каменск–Уральский в Великой Отечественной войне» к 75 – летию Победы 1945 – 2020г.
8. Протоколы заседаний Исполнительного комитета г. Каменска–Уральского Ф.Р-102. ОП.1. Д.6. стр. 6,16
9. Ф. Р-102.ОП.1.Д.58. стр.76 протокол №56 от 03.02.1950г.
10. Ф.Р-102. ОП.1.Д.35. стр. 21,22.
11. Ф. Р-102. ОП.1.Д.35. стр. 74
12. Ф.Р-102. ОП.1.Д.35. сьр.274,275,275об
13. Ф.Р-102. ОП.1.Д.58. стр.
14. 14.Ф Р-102.ОП.1.Д.99. стр.119,120
15. «Список трудящихся Красногорского района г. Каменска – Уральского представленных к награждению медалями «За доблестный труд ВОВ 1941-1945гг.» Ф.106. ОП.1. Д.22. стр.7.

Уральское генеалогическое общество сегодня (к 30-летию УГО)

Уральское генеалогическое общество (УГО) вот уже 30 лет объединяет жителей Екатеринбурга, Свердловской области и других регионов России независимо от возраста, национальности, вероисповедания, социального положения и происхождения предков, интересующихся историей своего рода.

Организатором и первым председателем УГО стал Герман Витальевич Гассельблат, по образованию юрист, швед по происхождению в тринадцатом поколении, потомок российских горных инженеров, внук главного инженера строительства Магнитогорского комбината Виталия Алексеевича Гассельבלата, скончавшегося в концентрационном лагере Чибью (Ухта) 4 января 1932 г. за месяц до запуска своего детища – Магнитогорского металлургического комбината.

Герман Витальевич приехал в Екатеринбург в 1988 г. с целью реабилитировать деда. Ему удалось разыскать потомков специалистов, работавших с В. А. Гассельблатом на Урале в Промбюро ВСНХ и иных организациях в начале XX века: В. Ф. Фидлера, И. А. Соколова, В. И. Тибо-Бриньоль, В.Е. Грум-Гржимайло, Ф. Ф. Эйхе и др. После ознакомления с документами и фотографиями, сохраненными в семьях репрессированных «врагов народа» (часто с риском для жизни), удалось провести конференцию, посвященную судьбам научной и технической интеллигенции Урала 1920-1930 годов.

Конференция состоялась в 1991 г. в УрГУ. Доклады конференции были изданы отдельной брошюрой. Следом в Музее Я. М. Свердлова (ныне Музей истории Екатеринбурга) была организована тематическая выставка документов по истории семей, и в день ее закрытия,

5 сентября 1991 г., создано Уральское генеалогическое общество.

С этого начинается активное участие членов УГО в научно-практических конференциях на Урале, в Санкт-Петербурге, в Москве, Уфе, Барнауле и других городах России:

- Савёловские чтения (г. Москва).
- Уральская родословная научно-практическая конференция (г. Екатеринбург). УГО в числе учредителей
- Каменские чтения (г. Каменск-Уральский, Свердловская область).
- Грумовские чтения (г. Верхняя Салда, Свердловская область).
- Диалог культур и цивилизаций (г. Тобольск).
- Историко-краеведческая конференция в г. Арамиле (Свердловская область)
- «Возрождение родословных традиций» (п. Рефтинский, Свердловская область)
- Новоуральские чтения (г. Новоуральск, Свердловская область)
- Ахмеровские краеведческие чтения (г. Уфа, Респ. Башкортостан) и др.

Издательская деятельность: с 1997 года УГО издает работы членов общества в т сборниках статей «Сплетались времена, сплетались страны...»: на 2021 г. их вышло в свет 49. В последние годы изданы несколько тематических сборников:

- № 46: Бессмертный полк (2017)
- № 48: Вятские корни уральцев (2019)
- № 49: Верхняя Тура: история в лицах (2020)
- № 50 (ч. 1 и 2): 30-летию УГО посвящается (2021)

Многие члены общества активно публикуют свои работы в прессе, краеведческих и генеалогических изданиях. Также Общество осуществляет издательство методической литературы. В последние два года вышли в свет методические пособия члена Правления УГО И. А. Киселева: Родословие в сети Интернет (2018), Архивы России и Интернет (2020).

В 2020 г. изданы книги «Наши Патруши: 1813-2020» (Омигова К. А. в соавторстве с Ю. А. Патрушевой) – первое полноценное краеведческо-родоведческое издание под эгидой УГО, «Власовы из города Орла» О. С. Зайцевой и «Поротниковы» Л. Т. Поротниковой (п. Тугулым). В 2021 г. – вторая книга К. А. Омиговой «Деревня Бородулино и её жители [генеалогическая реконструкция деревни Бородулиной Арамилской волости Екатеринбургского уезда]».

В 2021 г. вышли в свет две книги Татьяны Ивановны Васильевой

- Кассель, Фершампенуаз, Остроленка, Париж... – Екатеринбург, 2021. – 198 с.
- Трагедия Белых и Красных. Кассель-Харбин. – Екатеринбург, 2021. – 144 с.

Популяризации генеалогии на Урале содействует и выставочная деятельность УГО. С 1991 – года прошло более 20 выставок, особое место среди них занимает проект «Корневая система» – с 2018 г. совместный проект Музея истории Екатеринбурга и Уральского генеалогического общества к 300-летию города. Он посвящен исследованиям родословных жителей города, их судьбам и личным историям. Проект рассчитан на пять лет (2018-2023 гг.), в год планировалось 3-4 выставки, каждая посвящена одной семье екатеринбуржцев (<http://m-i-e.ru/kornevaya-sistema-project>). До марта 2020 г в Проекте осуществлено 6 выставок:

- Семья Уваровых-Эбергардт (6.09 – 28.11.2018)
- Семья Деминцевых (29.11.18 – 13.03.2019)
- Семья Волковых (14.03 – 11.06.2019)
- Семья Узких (12.06 – 11.09.2019)
- Семья Вурм (12.09 – 11.12.2019)
- Семья Клеров (с 12.12.2019) совместно с Обществом уральских краеведов.

УГО представлено в социальных сетях интернета:

- Страница УГО ВКонтакте <https://vk.com/club135282953>
- Страница УГО на Форуме уральской генеалогии <http://rodgersforum.borda.ru/?0-34>

На февраль 2020 г. (до начала т. н. пандемии) систематически работали консультационные пункты:

1. Свердловская областная библиотека для детей и молодёжи им. В. П. Крапивина, с 2014 г.(совместно с Уральским историко-родословным обществом).
2. Библиотека № 19 им. А.П. Чехова, с февраля 2018 г. (Автаев А. В.)
3. Свято-Троицкий храм г. Арамил, с 2019 г. (Омигова К. А.)

С сентября 2018 г. в Центре городских практик «Дом Маклецкого» (г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 15) совместно с УИРО открыт «Кабинет изучения семейной истории» (ул. Тургенева, 15, ком. 23). На базе его проведены:

- «Школа родоведов-консультантов» М. Ю. Елькина (сентябрь-октябрь 2019 г.).
- семинары-практикумы по генеалогии для учителей истории и личные консультации. (Калистратова Э.А.)
- открытые консультации (совместно с УИРО) для всех желающих. Еженедельно по субботам, с 16.00 до 18.00.

В октябре 2021 г. заведующим Кабинетом изучения семейной истории был назначен А. В. Автаев.

Практикуются выездные семинары-консультации:

- Верхняя Салда (Э. А. Калистратова, М. Ю. Елькин, Ю. В. Коновалов, А. В. Автаев, октябрь 2004, январь 2006, 2009, 2011, 2013, 2014)
- Нижний Тагил (Э. А. Калистратова, Ю. В. Коновалов, А. В. Автаев, 2006 – январь 2007, 2018)
- г. Серов – п. Сосьва – п. Гари (И. А. Киселёв, А. В. Автаев, январь 2017 г.)
- г. Среднеуральск (А. В. Автаев, с апреля 2017 г.)
- г.г. Качканар, Талица, Красноуфимск,

п. Старопышминск (А. В. Автаев, 2017 -2019 г.).

Общество до марта 2020 г. проводило регулярные заседания (видеозаписи их с 2019 г. можно посмотреть на странице УГО ВКонтакте), на которых заслушивались доклады коллег о результатах исследований родословных и поездках на родину предков, о новых вышедших из печати историко-генеалогических книгах и новых методах исследований. На заседаниях принимали гостей, как из Екатеринбурга, так и из других городов Свердловской области и соседних регионов.

Время идет вперед, и рождаются новые формы исследовательской работы. С июля 2017 г. принята Программа УГО «Родословие Урала», создано и успешно действует Вятское землячество при УГО. В июле 2019 г. вышел из печати 48-й выпуск сборника «Сплетались времена, сплетались страны...» – Вятские корни уральцев (авторы его - члены этого землячества). Также были проведены тематические заседания общества по темам:

- «Невьянский завод – родоначальник горнозаводского Урала»

- «К истории Арамильской земли: 1675-1917 гг.»

- «Вятские корни уральцев».

У Общества есть богатая генеалогическая библиотека, которая сейчас находится в Кабинете изучения истории семьи, и архив (находящийся в стадии реформирования).

Общество является членом Российской Генеалогической Федерации. Свое тридцатилетие УГО встречает в новых сложных условиях пандемии. Ежемесячные заседания с апреля 2021 г. (проведены в апреле, мае и декабре 2021 г.) возобновлены в ограниченном формате, проводятся индивидуальные консультации, работает издательская группа, готовятся доклады для участия в он-лайн конференциях (ГенЭкспо, Уральская родоведческая альтернатива).

Будущее Уральского генеалогического общества в руках молодого поколения родоведов, которые приступают к поискам историй прошлого своих семей. Старшее поколение создало для этого основу. Пример – наработки УГО за тридцать прошедших лет...

* * *

Кто является основателем Каменска?

История Каменска-Уральского началась с заимки Далматовского монастыря, которая в некоторых публикациях названа Железенским поселением.

Как известно, жалованная грамота царя Фёдора Алексеевича на рудоносные и иные земли по реке Железенке (Каменке) датирована 3 февраля 1682 года [1]. Она давала Далматовскому монастырю право владеть этой местностью. В июне того же года было проведено межевание отводимой территории. И с этого времени монастырь на законных основаниях стал селить здесь людей и разрабатывать земли, хотя некоторые исследователи считают, что хозяйственную деятельность на Каменке монахи вели еще до этого момента.

Но опустим подробности и зададимся вопросом: кого же считать основателем Железенского поселения и, соответственно, города Каменска-Уральского – старца Далмата или его сына, игумена Исаака? Притом, что челобитная царю Фёдору Алексеевичу с просьбой даровать Далматовской обители земли по Железенке подписана и тем, и другим.

Преподобный Далмат (в миру – Дмитрий Иванович Мокринский) родился в 1594 году. Он не

имел священного сана и должностных званий, но был истинным подвижником, основателем и устройтелем монастыря, занимаясь при этом как житейскими и хозяйственными вопросами, так и духовным руководством братии.

В 1682-м ему было уже 87 лет. Но с годами авторитет старца Далмата только рос. Поэтому его сын Исаак, даже будучи в сане игумена (и обладая при этом властными полномочиями), вряд ли предпринимал что-либо существенное (а организация Железенского поселения была отнюдь не рядовым вопросом), не посоветовавшись с родным отцом и не получив его благословения, как духовного наставника обители.

Таким образом, основателями Каменска нужно считать их обоих – преподобного Далмата Исетского и игумена Исаака (Мокринского) [2]. Первый благословил это начинание, второй руководил созданием.

Органичное сочетание духовного и житейского было присуще нашим предкам. И сегодня, по прошествии трех с лишним столетий, мы можем видеть плоды этого единства, заложенного в фундамент Каменска-Уральского.

Примечания:

1. По старому календарному стилю.
2. Впоследствии он получил сан архимандрита.
3. Зенкова Л. В., Постников И. Н. К вопросу по истории образования города Каменска-Уральского. // <https://museum-kamensk.ru/nauchnye-stati/k-voprosu-po-istorii-obrazovaniya-goroda>.
4. Успенский Далматовский мужской монастырь – Изд-во Успенского Далматовского мужского монастыря «Белое городище», 2016.

Память и памятники

В 2021 году в России отмечалось 800-летие со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского. Президент В. В. Путин подписал соответствующий указ, по стране проходили разнообразные мероприятия, публиковались материалы по теме, в Псковской области открыли мемориал. Не остался в стороне от этого и Каменск-Уральский. Эти события и послужили поводом для написания данной статьи. Но в ее рамках хотелось бы вспомнить и перечислить все дореволюционные каменские памятники.

12 сентября Православная Церковь молитвенно отмечает перенесение мощей святого Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург. По старому стилю это 30 августа. В этот день, 153 года назад, в Каменском Заводе появился необычный памятник.

Монумент из мрамора был установлен в самом центре заводского поселка: на Торговой площади, к западу от Свято-Троицкого храма. Сохранилась его фотография (илл. 1) с описанием, сделанным, по всей видимости, в 1902 году, по распоряжению Камышловского исправника, и подписанное полицейским приставом 4 стана уезда: «Вышины 2 саж. 5 четв. [5,16 метра], ширины и длины 6 четвертей [1,08 метра], в середине икона Александра Невского, шириной 1 арш. [71 сантиметр] и вышиной 1 арш. 3 верш. [84 сантиметра], на памятнике спереди внизу имеется надпись: «В память освобождения мастеровых и сельских работников от обязательной службы на казенных заводах», с правого боку тоже надпись: «поставлен 1868 года Августа 30 дня». Вокруг памятника железная загородка» [1].

«Памятник сделан из голубого мрамора; на 2-х аршинном пьедестале поставлены по углам четыре 2-х аршинные колонны, над ними купол и шпиц, оканчивающийся крестом из белого мрамора и стоящим за ним ангелом; четыре

ангела с трубами стоят на куполе над колоннами; среди колонн место для иконы Святого Благоверного Князя Александра Невского, которая сделана уже четыре года назад и хранилась в церкви; икона под серебряною вызолоченною ризою, в киоте резном и вызолоченном хорошей работы; икону поддерживают два ангела», – дополняет описание очевидец сооружения мемориала в 1868 году [2].

События, которым посвящен описываемый памятник, произошли в 1861 году. 19 февраля [3] император Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права, а 8 марта было утверждено «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов». Небесным покровителем царя является святой Александр Невский – это и определило выбор иконы.

Вот как описывает каменский обыватель события августа 1868 года.

«Жители Каменского Завода 8-го августа обрадованы были вестью, что Государю Императору благоугодно было разрешить им поставить памятник освобождения от обязательной службы на казенных заводах. Как только разнеслась эта весть по Заводу, все начали горячо хлопотать, чтобы памятник был поставлен 30-го августа, в день тезоименитства Царя-освободителя. Части памятника были уже готовы, оставалось только собрать их; достали мастера и 29-го числа памятник был уже готов на площади пред церковью, с западной стороны, против входа, в 15 саженьях.

30-го августа, с раннего утра, задолго до звона к обеду, народ толпился около памятника; пушечный выстрел был повесткою к благовесту и следующие затем два выстрела чередовались с ударами в колокол. Церковь быстро наполнилась народом и началась обедня. По окончании обедни три местных священника вышли служить

молебен Св. Благоверному Князю Александру Невскому пред иконою, предназначенною для памятника; по окончании канона старшему священнику подан был крест, а остальные двое взяли с налоя [4] икону Св. Благоверного князя и предшествуемые хоругвями, при пении водосвятных тропарей, пошли из церкви к памятнику при звоне и пушечных выстрелах. Икона поставлена была на приготовленный налой, и продолжалось водоосвящение, по окончании которого памятник был окроплен святой водой и икону с налоя взял волостной старшина для постановления на предназначенное место. К свободному налою подошел священник о. Евгений Суетин и сказал слово, заслужившее общее одобрение; он провел удачную параллель между освобождением израильтян из Египта и освобождением от обязательного труда, причем сравнил деяния Св. Пророка Моисея и Благочестивейшего Государя Нашего и вывел назидание из обстоятельств исхода из Египта. Провозглашаемое многолетие тезоименитым Государю и Наследнику сопровождалось пушечными выстрелами. Погода благоприятствовала торжеству; солнце ярко светило, как будто бы сочувствуя искренней народной признательности к Царю-освободителю. По окончании молебна волостной старшина пригласил служащее духовенство, мирового посредника, управителя завода с сослуживцами и станового пристава к закуске, устроенной обществом на площади недалеко от памятника; провозглашены были тосты за здоровье Государя Императора, Государя Наследника и всего Царствующего Дома; приветствовали общество с исполнением давнишнего его желания воздвигнуть памятник освобождения. Торжественная радость видна была на лице каждого мастерового, которую они старались выразить дружным «ура» при провозглашении тостов. Такие выражения верноподданнических чувств народа русского, его умение высоко ценить Царские милости составляют твердое основание силы России и верный задаток ее будущего процветания» [2].

1 марта 1881-го Александр II был убит террористами. В ноябре того же года потрясенное случившимся население Каменской волости, «питая благоговейную признательность

к памяти незабвенного Царя-Освободителя и желая свято чувство это сохранить в потомстве, постановили: ежегодно, в день марта, пред иконою Св. Александра Невского, [находящейся на памятнике,] постановленного на площади селения Каменского завода, в воспоминание освобождения их от обязательного труда, вечно служить панихиду об упокоении души в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича» [5].

Памятники, так или иначе связанные с царем Александром II, появились во многих населенных пунктах Российской Империи. Это касается и Урала. Поначалу освобожденные от трудовой зависимости мастеровые люди собирали деньги по подписке на иконы святого князя Александра Невского с последующим их размещением в местных храмах. Затем стали появляться монументы в честь освобождения. Увековечивание памяти самого императора началось после трагических событий 1881 года. Зачастую, в качестве мемориального объекта возводилась часовня. Но появилось и много «классических» памятников, где на постаменте размещались либо бюст царя, либо фигура в полный рост. Необычность же первого каменского памятника заключается как в довольно раннем его появлении по сравнению с другими поселениями, так и в оригинальности исполнения. К сожалению, автор и подрядчики проекта пока неизвестны.

Почитание Александра II было так велико, что в 1911-м, в год 30-летия его трагической кончины и 50-летия отмены крепостного права, недалеко от первого памятника появился и второй. Мраморный постамент венчал чугунный бюст императора. На лицевой стороне монумента была надпись: «Царю Освободителю Александру II». А на обратной: «1861-1911 год 8/III от Каменского сельского общества население Каменского Завода и Каменской волости». Его общая высота была 2,22 метра. На мемориал потрачено 905 рублей общественных денег [6]. Как мог выглядеть этот памятник, можно посмотреть на рисунке, представляющем монумент, воздвигнутый в Черниговской губернии (илл. 2).

Еще один бюст царя, на этот раз Николая II, был установлен в Каменском волостном

правлении (ул. Ленина, д. 111, восточный корпус). По всей видимости, внутри здания. «Создан в 1913 году на средства волости». Семидесятисантиметровый бюст располагался на деревянном постаменте в 1,26 метра высоты. Надпись на нем гласила: «В память 300-летия Дома Романовых» [7].

Возле Свято-Троицкого храма находился еще один памятник – в честь Святой Троицы. Располагался он у южного придела, с внешней стороны церковной ограды, в которой в этом месте имелся арочный проем. О нем практически ничего неизвестно, кроме того, что он был отлит из чугуна [8]. Лишь на двух фотографиях осталось его изображение, причем на второй он частично скрыт толпой людей. Первая фотография датируется примерно 1880-1890 годами. На ней памятник находится по краю фото, поэтому его геометрические параметры могут иметь искаженный вид.*

По изображениям можно сказать, что высота монумента была около трех метров. В верхней части фигурного постамена располагался «фонарь» (застекленное пространство), в котором, вероятно, находилась икона Святой Троицы. Памятник венчал небольшой крест. Перед памятником, а правильнее сказать – перед иконой, на престольный праздник храма совершался молебен Святой Троице. Это событие и запечатлено на второй фотографии.*

Еще один мемориальный объект находился на территории Каменского чугуноплавильного завода. В 1901 году отмечался 200-летний юбилей предприятия. В память об этом событии была отлита чугунная доска (плита), которую закрепили на доменном корпусе завода.

Текст на ней гласил: «В память 200-летия выплавки чугуна в казенном Каменском заводе, начатой при в Бозе почившем ИМПЕРАТОРЕ ПЕТРЕ I, сооружена сия доска в благополучное царствование ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, в 30 день Декабря 1901 года, в бытность Министром Земледелия и Государственных Имуществ Д.Т.С. [действительного тайного советника] Ермолова, Главным Начальником Уральских горных заводов Д. С. С. [действительного статского советника] Боклевского и Управителем

Каменского завода С. С. [статского советника] Панцержинского».

Доска украшена орнаментом, над текстом находится изображение венка, обвитого лентой и увенчанного короной. На ленте – памятные даты: 1701, 1901, 200. Внутри венка два скрещенных молотка и вензель царя Николая II. Размер плиты: 90 на 142 сантиметра.

Вместе с доской был изготовлен чугунный государственный герб. За основу изображения взяли геральдический образ Российской Империи времен Александра I. Герб разместили над входом заводской конторы. Его примерные размеры: 65 сантиметров в высоту и 140 сантиметров в ширину. В революционном 1917 году двуглавый орел был сброшен и получил повреждения [9].

В настоящее время и мемориальная доска, и герб находятся в фондах городского краеведческого музея.

Судьба первого из перечисленных монументов после 1917 года была следующей. 20-21 июля 1918 года памятник с иконой святого Александра Невского, предположительно, был сломан, на его месте вырыли могилу, в которой торжественно похоронили Поликарпа Ведерникова. При этом бордюры и ограда оставлены прежние. Пожалуй, это был первый акт вандализма против православных святынь в Каменском Заводе, санкционированный большевистской властью.

Житель деревни Шевелёвой (близ Катайска), Поликарп Васильевич Ведерников, являлся одним из отцов-основателей и первым (избранным) комиссаром полка «Красных Орлов». Был убит в селе Черемисском кем-то из своих при обстоятельствах, которые остались необнародованными. Произошло это в самый разгар событий, когда красные отряды стали покидать село Катайское и его окрестности ввиду наступления белых частей. Хоронить на месте было уже невозможно. Поэтому П. Н. Подпорин (командир 1-го Крестьянского советского полка, который впоследствии и получил наименование «Красных Орлов») отправил тело вместе с эшелоном, и 20 июля оно прибыло в Каменский Завод, где на следующий день его предали земле.

Однако эпопея на этом не закончилась. После того, как белые вошли в Каменск, могилу раскопали, тело Ведерникова вытащили, и оно несколько дней лежало на площади. Потом его всё же захоронили в другом месте. Далее история обретает сомнительный вид и требует отдельного разговора. Но по официальной версии останки Ведерникова находились на площади и были извлечены из могилы в 1964 году, чтобы быть перезахороненными вместе с тремя другими бывшими бойцами «Красных Орлов», теперь уже у стелы в сквере возле краеведческого музея.

Могилу Ведерникова венчал обелиск. По воспоминаниям А.А. Юровского он был изготовлен из деревянного бруса, обшитого железом. На нескольких снимках 1950-х – начала 1960-х годов его можно увидеть, как правило, издалека.

Второй памятник, царю-освободителю, Советская власть хотела, видимо, использовать для своих нужд. Можно сделать предположение, что такая довольно несуразная и высокая трибуна, запечатленная на снимке 1923 года, скрывала под собой этот монумент (илл. 3). Поглумившись над бюстом императора Александра II (используя его в качестве мишени для стрельбы) и, в конце концов, скинув его на землю, остальную часть мемориала решили использовать в дальнейшем для увековечивания своих «святых». Для этого и понадобилось накрыть его трибуной. Но что-то пошло не так или поменялись планы, и постамент в итоге сломали.

Высота трибуны наводит на мысль о том, что памятник был гораздо выше 2,22 метра. Возможно в источнике, описывающем его, закралась ошибка-опечатка. Вот, для примера, как выглядел проект более высокого памятника Александру II в Полевском Заводе (илл. 4).

Бюст Александра II, со следами от пуль, чудом сохранился. Сейчас его можно увидеть

в городском краеведческом музее. А вот судьба иконы святого Александра Невского неизвестна. Конечно же, большевики уничтожили и бюст царя Николая II, находившийся в волостном правлении, и памятник Святой Троице. Когда и как это произошло, история умалчивает.

В рамках статьи хотелось бы сказать еще и вот о чем.

Когда Каменск-Уральский готовился к 300-летию юбилею, возник вопрос, чттили ли наши предки какого-либо святого особо? Чтобы строящаяся на центральной площади часовня освятить в его честь. Обратились к известному краеведу В. И. Ермакову. Владислав Иванович указал на святого Александра Невского. Теперь же, из выше приведенной информации, становится очевидным, что святой благоверный князь Александр почитался (наряду с общецерковным поклонением) в связи с императором Александром II, и не считался небесным покровителем Каменского Завода.

Казалось бы, что фактически «ошибочка вышла». Но история переосмысливается. И надо отметить, что каменцы «дозрели» до того, чтобы иметь небесного покровителя. И на эту «роль», как никто другой, подходит именно святой Александр Невский – защитник земли Русской.

Вся история Каменска связана с производством вооружения и его комплектующих. Оборонная промышленность играла и продолжает играть ключевую роль в индустрии города. Поэтому предложение В. И. Ермакова оказалось промыслительным. Поэтому и украшает центр города Александро-Невская часовня, освященная 14 июля 2001 года, и имеющая сейчас статус храма. Поэтому и появилась в 2021 году икона небесных покровителей Каменска-Уральского – святого преподобного Далмата Исетского и святого благоверного князя Александра Невского.

Святые наши покровители, молитесь Бога о нас!

Примечания:

1. РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 1271.
2. Божинский-Божков И. Каменский Завод // Пермские губернские ведомости. – 1868, 18 сент. – № 75. – С. 339.
3. Все даты до 1918 года приводятся по старому календарному стилю.

4. Аналой.
5. Каменский Завод // Екатеринбургская неделя. – 1883, 23 мар. – № 12. – С. 205.
6. Весновский В. Исторические памятники в Пермской губернии // Памятная книжка Пермской губернии на 1915 год // Адрес-календарь и Справочная книжка Пермской губернии. 1915 г. – Пермь, 1915. – С. 19.
7. Там же. С. 20.
8. Сарабанская Т. Как говорилось, закрыта «по просьбе трудящихся» // Содействие. – 1994, апр. – № 4. – С. 4.
9. Листая музейные страницы. URL: <https://museum-kamensk.ru/news/2020/03/stranicy> (дата обращения: 01.10.2021).
10. Фотоархив Дмитрия Анчугова.

*Плохое качество фотографий не позволило их напечатать.

* * *

Е. А. Вагина
Библиотека № 13 МАУК ЦБС
г. Каменск-Уральский

Мы не знали, что такое война...

Биографический очерк

Совсем недавно я познакомилась с женщиной, которая во время войны жила на оккупированной фашистами территории в Белоруссии. Вот уже более полувека она проживает в городе Каменске-Уральском. Её зовут Жданкович Клементина Петровна (девичья фамилия Жук). В 2020 году ей исполнилось 92 года.

И вот что она мне рассказала.

Клементина Петровна родилась 24 ноября 1928 года в белорусской деревне Столица Шарковщинского района Витебской области (Белорусская ССР). Маму Клементины Петровны звали Мария Франсовна, отца – Пётр Викентьевич. Также у Клементины Петровны были младшие братья и сестра: Франек, Устин и Мария. Деревня, в которой они тогда жили, была достаточно большой, люди жили своими хуторами. У них

тоже было хозяйство – семь гектаров земли, лошадь, коровы, овцы, птица.

«До войны, – рассказывает Клементина Петровна, – я в основном нянчила и присматривала за маленькими детьми, пока наши родители работали. В нашем доме тогда помимо нашей семьи жила семья папиного брата и его незамужняя сестра. Я очень хорошо помню себя качающей две люльки одновременно. Из тряпочек я делала соски, клала туда размоченный хлеб и сахар, чем и кормила детей. После ухода отца на фронт я занималась уже обычным крестьянским трудом вместе с матерью».

Было лето 41-го года, Клемусе (так её называли в семье) шел тогда тринадцатый год. Все взрослые говорили о том, что началась война. Женщины плакали, провожая мужчин на фронт. – Мы, дети, не знали, что такое война... Мы

лишь слышали сильный грохот, ложились на землю, прикладывали к ней ухо и слушали, как приближаются немецкие танки.

Отвечая на вопрос о своей первой встрече с немцами, Клементина Петровна призналась, что ей, как ребенку, было удивительно то, что они разговаривали на непонятном для неё языке и то, как они одевались – в сапоги, шорты и рубашки с коротким рукавом. Советские мужчины в деревне одевались совсем не так.

В самом начале войны немцы никого не трогали и никого не обижали, а если и заходили во двор, то лишь для того, чтобы попросить масло, сало, яйца. С ними делились, но они всегда давали что-то взамен – мыло, нитки или шоколад.

Люди боялись не столько немцев, сколько местных разгулявшихся бандитов-мародеров, которые пользовались военным положением и безнаказанно зверствовали на территории сел. Клементина Петровна помнит один страшный случай:

«Как-то раз эти бандиты зашли в дом и стали вымогать у моей матери костюмы и хромовые сапоги моего отца. Мама сказала им, что ничего нет, а хозяин на фронте, после чего один из разбойников схватил её за волосы и потащил во двор на расстрел. Я была дома, когда раздалась автоматная очередь. Я испугалась и подумала, что мамы больше нет. Оказалось, что это в соседнем дворе другой член банды стрелял вверх, а моей маме каким-то чудом удалось спастись».

Бандиты эти терроризировали народ, забирали домотканые ковры и пальто на сёдла для лошадей. Всё, что было более менее ценно, люди от них прятали. Прятали даже одежду, которую в те времена в деревнях делали сами: шили костюмы, пальто, вязали одежду на спицах, а также ткали и вышивали покрывала, скатерти, простыни. Всё это хранилось в больших сундуках. До войны отец Клементинки работал ещё и как сапожник – шил любую обувь, катал валенки, даже с других хуторов к нему обращались как к специалисту.

Клементина Петровна вспоминает:

«Взрослые во время войны продолжали заниматься своей крестьянской работой – деваться было некуда. У нас в доме никто из немцев не

жил, но у моих бабушки и бабушки селился один офицер. Моя бабушка готовила ему еду. Общались они через переводчика – тот объяснял ей, что нужно сделать и что приготовить. Перед своим уходом этот немец оставил ей свой самовар».

По словам Клементины Петровны, на исходе войны фашисты были уже совсем другие – злые, пыльные, грязные. Когда немцы отступали, то шли по большой дороге, не заходя глубоко в лес, так как очень боялись партизан.

«Нам очень повезло, что они прошли мимо нашего села, так как остальные деревни в округе они поджигали – дети видели столбы дыма от горящих сёл».

Однажды немцы разъезжали на мотоциклах в окрестностях нашего села, когда на них напали партизаны. Я была у подруги, когда они начали перестрелку. Я испугалась, побежала к своей бабушке и попала в эту «заварушку». Не помню, как это произошло, но я получила осколочные ранения ног. Я едва добежала до бабушки – все мои ноги были в крови. Бабушка перевязала мне их и с тех пор я не могла ходить. Мама показала меня врачу-немцу. Он направил меня в местную районную больницу. В ней мне делали перевязки и хотели уже ампутировать ноги, так как они всё никак не заживали. Из-за начавшего отступления немцев все пациенты больницы разбежались, и я осталась одна за 8 километров от своего дома. Только на следующий день моя мама приехала за мной на лошади и забрала меня.

Она пыталась вылечить меня самостоятельно, но ничего из народных средств не помогало. Однажды мимо нашего хутора проходил странник и попросил у моей матери напиток воды. Увидев мои увечные ноги, он спросил, что со мной. Я показала ему свои ноги, после чего он сказал, что может вылечить меня, если мы позволим ему остаться у нас на ночь. Странник этот оказался знахарем. Он сделал букетик из колосков ржи, обмакивал его в чистой воде и водил этим веничком по моим ногам. После трех таких процедур произошло чудо – мои ноги зажили, и я снова начала ходить, но до сих пор на моих ногах остались следы от ран».

На мой вопрос о том, угоняли ли на работу на Запад кого-то из её родных и близких, Клементина Петровна ответила:

«Да, местных жителей забирали – молодежь, крепких женщин и мужчин средних лет. Их сгоняли в пуню (сарай для хранения сена, соломы или для других хозяйственных нужд. Прим. авт.), где немцы организовывали медицинские комиссии, внимательно рассматривая наших односельчан на наличие здоровья и физической силы. Рассматривали и меня. Моя мама очень долго пыталась объяснить немцам, что с моими больными ногами в работники я не гожусь, после чего меня все-таки освободили – медкомиссия признала меня негодной. Так травмированные ноги спасли меня, а вот мамину сестру забрали, как и одного моего знакомого парнишку... Перед уходом он попросил у меня что-нибудь на память, и я отдала ему свою брошь. Его забрали, он работал у какого-то фермера. Вернувшись, он сказал мне, что брошку потерял».

Клементина Петровна узнала об окончании войны от дедушки, который услышал об этом по радио. Все обрадовались.

В это же время семья получили уведомление, что отец – Петр Викентьевич Жук – пропал без вести. Они долго надеялись и ждали, ведь случались ошибки. До последнего надеялись, что он вернётся, но – увы... Брат Клементины Франек скоропостижно умер уже после войны, ему было 14 лет. Устин уехал в Казахстан, город Кустанай, где работал шофером на самосвале. Сестра Мария, работала на стройке, потом училась в Свердловске на швею. После окончания

курсов работала в пятом ателье г. Каменска-Уральского, затем уехала в город Верхнеуральск, Челябинской области. Недавно ей исполнилось 80 лет.

В 1951 году по комсомольской путевке Клементина Петровна поехала строить Каменск-Уральский. В поезде она познакомилась с Фёдором, своим будущим мужем.

«Когда мы приехали в Каменск, меня поселили в общежитии Октябрьского района, а его – на другом конце города, в посёлке Чкаловский. Однажды он вместе с друзьями пришёл к нам в гости, Фёдор попросил меня отдать ему мой паспорт, а спустя неделю пригласил меня в ЗАГС, где мы и расписались».

С мужем Клементина Петровна прожили душа в душу 42 года. Вместе они работали на стройках города.

«Я была стропальщиком строительного управления № 1 треста “Уралалюминстрой”. Мы строили дома на поселках Южный, Ленинский, «49 квартал» и др. Работа была очень тяжелая».

Сейчас у Клементины Петровны две дочери – Людмила и Валентина и четыре внука.

«Я всем довольна, у меня все хорошо, я рада, что рядом со мной мои дочери. У меня много подруг и приятельниц» – сказала в заключение нашего разговора Клементина Петровна.

Я очень ей благодарна за интересный рассказ о её жизни. То, что рассказала Клементина Петровна, важно для сохранения памяти о военных годах и судьбах простых людей.

* * *

Одна из многих...

У истоков средней школы № 16 стояло немало талантливых учителей. Они стали стержнем педагогического коллектива в 60-80 годы XX века. Одной из плеяды учителей тех лет была Аверченкова (Полтева) Ксения Сергеевна. Вся её жизнь – пример служения раз и навсегда выбранной профессии.

Ксения Сергеевна родилась 19 декабря 1922 года в Брянской области. В июне 1941 года с отличием закончила 7 классов и как отличница без экзаменов была зачислена в педагогический техникум. В сентябре студентов отправили копать противотанковые рвы. Работали под обстрелом и бомбёжкой. Эвакуироваться не успела. С октября 1941 г. находилась на оккупированной территории в своём селе.

Из воспоминаний Ксении Сергеевны: «Перед приходом немцев жители окрестных сёл ушли в лес. Тех, кто остался, немцы расстреляли. Потом они стали прочёсывать лес. Обнаружив стоянку жителей, они всех расстреливали. Так как жители нашего села ушли далеко вглубь леса, фашисты до нас не дошли. Дней через десять отправили на разведку в деревню деда. Немцы схватили его и расстреляли. Через месяц фашисты ушли, и жители вернулись в село. Все дома, кроме церкви, были сожжены. На месте погребов построили землянку.

После ухода немцев хозяйничать в селе стали полицаи. Однажды они ворвались в землянку и стали искать, чтобы взять. Мама просила, чтобы ничего не брали, так как дети малые. Полицай ударил её утюгом в лицо – она упала на пол. Стащили 9-летнего брата с нар на пол и стали пинать. Мама вступилась, тогда один полицай стал целиться в неё из винтовки. Я схватила его за плечи, и выстрел получился вверх. На выстрел сбежались соседи и помогли маме.

Всё же брата забили насмерть.

Чтобы партизанам было труднее нападать на фашистские гарнизоны, вокруг сёл начали вырубать леса. Вместе с немцами охрану несли итальянцы. Когда немец уходил в сторону, итальянец на ломанном русском языке говорил, что он итальянский коммунист и садитесь, отдышайте. Когда немец приближался, итальянец начинал кричать: «Русь, работайте!»

В 1946 году Ксения с отличием окончила педагогический техникум и получила направление в педагогический институт без вступительных экзаменов. Решила учиться в Москве. В Москву ехала на крыше вагона (в то время поездов не хватало, люди ездили на крышах и подножках вагонов). При посадке потеряла единственную обувь, худые тапочки, которые выпросила для неё мать у соседней. На вокзале в Москве вышла на перрон босой, с взъерошенными и продыmlенными волосами. Сразу пошла в справочное бюро, чтобы разыскать девушку из своего села, работающую в Москве шофёром. Горсправка дала адрес, и Ксения, босая, добралась до Анастасии Сергеевны Изотовой. Анастасия выпросила для неё у соседа старую кофту и туфли. Она посоветовала совместить учёбу с работой и познакомилась с директором соседней школы, которая предложила сразу работу учителем в двух пятых классах и место в общежитии. Однако Ксения испугалась, что не сможет одновременно учиться и работать. В Москве учителей готовили три педагогических института и университет. На учёбу брали везде, но общежитие не предоставляли.

Кто-то подсказал ей, что можно поступить в учительский институт в городе Загорске, сейчас Сергиев Посад, где всех обеспечивают общежитием. На билет денег не было, и она села в

вагон без билета. Узнав, откуда она и куда едет, старший проводник напоил её чаем с хлебом и в Загорске указал, как отыскать институт. В институт приняли и дали место в общежитии. Институт размещался в центральном здании бывшей духовной семинарии на территории Троицко-Сергиевской лавры. В общежитии было шумно, поэтому к зачётам и экзаменам готовилась в комнате истопника, где было тепло и тихо. После окончания в 1948 году института вернулась в родное село.

С 1950 по 1954 годы училась в педагогическом институте в Брянской области. В 1961 году переехала в Каменск-Уральский, где одиннадцать лет до 1972 года работала в школе № 16. Три года семья жила в помещении школы, в комнате на первом этаже, под спортзалом.

Ксения Сергеевна была глубоким знатоком русской литературы и умела увлечь ей своих учеников. На её уроках была тишина, все заслушивались её рассказами. Из воспоминаний её ученицы, а позднее учителя средней школы № 16 Хмелёвой Тамары Викторовны: «Её уроки заканчивались быстро. Создавалось впечатление, что Ксения Сергеевна либо знакома с героями, либо сама пережила их жизнь, настолько убедительно была она в своих суждениях. Учеников не готовых к уроку она оставляла после уроков на дополнительные занятия. Вспоминаю её, и сразу в памяти встаёт картина: «За окном солнечный весенний день, начало марта, но уже весело журчат ручьи по школьному двору, а мы в пять часов вечера читаем Достоевского. И вот контраст между, реальностью за окном, почти праздничный и Петербургом, описанный Достоевским – серым, промозглым, так врезался в память, что пробудил интерес и к творчеству писателя, его биографии и к самому Петербургу». «Разбуженный» интерес к Петербургу трижды «приводил» Тамару Викторовну в северную столицу.

Два учебных года 1962-1963 и 1963-1964 были посвящены в школе изготовлению учебно-наглядных пособий силами учителей и учащихся. Из воспоминаний директора школы Шевалёва В. П.: «Обладая невероятной работоспособностью, Ксения Сергеевна создавала для

своих уроков большое количество раздаточного материала и пособий. Она первая в школе пришла к осознанию того, что кроме традиционных кабинетов физики, химии и биологии нужно иметь кабинеты и по другим предметам. Проявив инициативу, она реализовала идею на практике, создав прекрасный кабинет русского языка и литературы. Её кабинет был первой ласточкой и года 2-3 был единственный на пути создания предметных кабинетов в школе. Знакомиться с ним не раз приходили учителя русского языка и литературы города и Каменского района».

Она имела поэтический дар, пробовала писать стихи. В школьном музее сохранилась тетрадь с её стихами. Любовь к стихам она стремилась привить детям. Всё это помогло ей руководить изданием рукописного журнала «Наше творчество», несколько номеров которого, хранятся в школьном музее.

Во время изучения на уроках литературы темы «Способы стихосложения ямба и хорей», она предлагала детям попробовать написать стихи. Лучшие стихи Ксения Сергеевна зачитывала на уроках. «Хороших» стихов становилось всё больше и больше. Некоторые учащиеся так увлеклись, что постепенно из них сформировался литературный кружок. Здесь они читали свои стихи, отбирали лучшие. Руководителем кружка стала Ксения Сергеевна. В это время и родилась идея издавать журнал. Первый номер журнала вышел 22 января 1963 года и был посвящён Кубе. Лицевую обложку и некоторые заставки Ксения Сергеевна оформила сама, так как немного рисовала. Так был «сформирован» облик последующих номеров журнала. Стихов было так много, что все не удалось поместить в журнал. Пришлось в коридоре оформить специальный стенд и вывесить на нём стихи других авторов. Очень понравилась детям песня о Кубе, написанная учеником 8 класса В. Талановым на стихи Л. Прилубниковой и В. Чадова. Позднее журнал послали в Москву в посольство Кубы. Вскоре помогать в выпуске журнала стала библиотекарь Салапина. Наиболее активными участниками литературного кружка были Виктор Ращупкин будущий первый медалист школы и олимпийский чемпион, Валерий Тоне-

вицкий, Галина Шаповалова. Один раз журнал был послан в Свердловск на конкурс. Руководителя и нескольких участников литературного кружка наградили грамотой. В издании журнала принимали участие и дети Ксении Сергеевны: сын Александр и дочь Зоя.

Журнал живо откликался на события, происходящие в школе и стране. Например, 14 марта 1963 года в школе состоялась выставка картин художников города. Этому событию был посвящён весь четвёртый номер журнала за 1963 год. В нём помещены стихи учащихся к картинам художников. Так к картине Н. Гаврилова «Туманное утро» ученица 8 класса К. Рычкова написала стихи.

*Вот утро полное пролады
Туман над городом встаёт,
И тают в нём лесов громады,
И небо вдаль к себе зовёт.
Берёзки выпрямили ветви,
Стряхнули свежую росу
И наклонились к самой зыби
Сквозь зелёную листву.
Бечёвкой узкой вьётся тропка
По влажной утренней траве,
Но путь ей преградила лодка
На чуть трепещущей воде.*

Отдельный номер журнала был посвящён 20-летию Победы.

Издание журнала было яркой, запоминающейся страницей в истории школы. Ученики тех лет, принимавшие участие в издании журнала, с трепетом и волнением листают его пожелтевшие страницы. Всего было выпущено 29 номеров журнала. Члены литературного кружка на всю жизнь сохранили любовь к поэзии. Некоторые сами пишут стихи и с благодарностью

вспоминают Ксению Сергеевну. Из воспоминаний Розы Гришиной (Бикбулатовой). «В пятом классе учительница русского языка и литературы Ксения Сергеевна организовала в школе литературный кружок и мы, члены кружка, много учили наизусть стихов, участвовали в разных конкурсах. Более того, когда писали сочинение на заданную тему, несравненная Ксения Сергеевна буквально обязывала нас, кружковцев, писать сочинение в стихах. Боялись мы её сильно, и послушаться не смели. Что уж там получалось, трудно сказать, но благодарность Ксении Сергеевне сейчас безгранична – за знание русского языка, за любовь к литературе, за элементарную грамотность».

В 1966 году работая в самостоятельном туристическом лагере школы № 16, она организовала издание газеты «Наш лагерь». «Почти все заметки в газете излагались в стихотворной форме. А после экскурсий в природу по родному краю она организовала учащихся на создание стихотворных и прозаических произведений описывающих нашу местность, объекты местности, явления и красоту природы».

В 1972 году Ксения Сергеевна перешла работать в школу № 10, возле которой, получила квартиру, где проработала до выхода на пенсию. После трагической смерти дочери она взяла на себя воспитание внучки и очень гордилась тем, что она закончила институт. Награждена медалями: Ветеран труда (2 марта 1978), За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (6 сентября 1994), 50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (22 марта 1995), Труженик тыла (30 октября 1995).

Примечания:

1. Воспоминания Аверченковой (Полтевой) Ксении Сергеевны.
2. Воспоминания Гришиной Розы. // Проснись поэзия во мне. Сборник стихов. Составители: Р. Г. Нурышев, Н. И. Нурышева, И. В. Казаченко. – Каменск–Уральский. 2016.- 100 л.
3. Воспоминания Жуковой Нины Ивановны.
4. Воспоминания Хмельёвой Тамары Викторовны.
5. Шевалёв В. П. Такая долгая и короткая жизнь. Каменск–Уральский. 2007.

Е. С. Гусева, главный библиотекарь
Библиотека № 17 МАУК ЦБС
г. Каменск-Уральский

Петр Александрович Вознюк – труженик тыла

Петр Александрович Вознюк родился 21 июня 1902 года на Ужбурском руднике Кувинского сельсовета Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа. Семи лет поступил учиться в Кувинское двухклассное училище, затем в начальную школу и городское училище в селе Ильинское. После того, как Петр Вознюк отслужил в армии, в разное время он работал делопроизводителем, заведующим хозяйством, счетоводом, бухгалтером, начальником снабжения и сбыта.

В наш город Каменск-Уральский Челябинской области Петр Александрович Вознюк приехал в декабре 1938 года на строительство КМЗ (Каменского магниевого завода), и 19 декабря в его трудовой книжке появилась запись: «Принят на должность ответств. исполнителя отд. снабжения». А уже в 1939 году летом из поселка, который назывался Северо-Уральский Бокситовый Рудник – СУБР (ныне город Североуральск) – переехала и его семья. Петр Александрович, Галина Николаевна и их четверо детей Нина, Клава, Рудик и Тома поселились в доме на поселке Южный (когда-то за Первомайским поселком около Кодинки был такой поселок). Стояло там несколько домов барачного типа. Вскоре им дали две комнаты в трехкомнатной квартире на Первомайском. Здесь же старшая дочь Нина пошла в новую деревянную школу в третий класс, за учебу часто получала похвальные грамоты.

В 1941 году семья переехала в двухкомнатную квартиру на поселке Ленинский, где даже были предусмотрены помещения для ванны и туалета, но сантехники никакой не было. Их адрес звучал так – «Нов.соц.город. КМЗ. дом № 20 кв. 5. телефон кв.нов.соц.гор. № 22 – 2 звонка». Из этого следует, что, по всей видимости, тогда у улиц даже не было названий...

Когда началась Великая Отечественная война, в город Каменск прибыли железнодорожные эшелоны с оборудованием и рабочими Кольчугинского завода (в Каменске – завод № 515). «За три месяца (эвакуация была закончена 20 ноября) из Кольчугино прибыло в Каменск 246 вагонов с оборудованием и около 800 рабочих. На площадке, имевшей подъездные пути к Каменскому магниевому заводу (сейчас завод ОЦМ), выгрузили все оборудование. Напротив стояло полтора десятка барачных и поселок из 12 двухэтажных домов, где и разместились в страшной тесноте приезжие. Рабочие были везде: на улице, в цехах, все были заняты – строители, монтажники, эвакуированные. В восточном пристрое цеха № 1, размещались казармы стройбата. Полуголодные, легко одетые стройбатовцы (из республик средней Азии) оказывали большую помощь в строительстве и монтаже оборудования, хотя многие из них не выдерживали уральских морозов и тяжелой работы. Каждое утро от казармы уходила грузовая машина с трупами, накрытыми простынями» [2]. Монтажные и строительные работы вели сразу на трех уровнях друг над другом, нарушая все правила безопасности и графики. Но война диктовала свои законы.

«Цеха не отапливались, котельная еще не работала, и там где шел монтаж или другие строительные работы, горели костры, железные печки-временки»[2]. Прямо под открытым небом рядом с КМЗ и даже на его свободных площадях стали собирать станки. Оборудование монтировалось в небывало сжатые сроки. «Прокатный стан, который в Кольчугино монтировался 7 лет, был пущен за 50 дней. С ним приключилась целая история. Сначала стан был эвакуирован из Кольчугино вместе с заводом «Электросталь»

в Ташкент, а потом по приказу министра цветной металлургии пропутешествовал через всю страну в Каменск-Уральский. Сейчас трудно представить, как рабочие осуществляли его погрузку и разгрузку несколько раз с помощью катков и лебедок, а где и голыми руками» [2].

Вполне понятно, что обеспечение рабочих не только оборудованием и материалами, но и жильем и продовольствием стало для Петра Александровича самым важным делом.

Пока семья Вознюк жила на Ленинском, Нина училась в школе № 4. В это время в семье случилось прибавление – родился мальчик Витя, но в 1 год 3 месяца он умер. Потом родился еще мальчик, тоже назвали Витей, он тоже рано умер. Тома тоже умерла. На маленьком Каменском кладбище около бывшего пионерлагеря «Три пещеры» похоронено трое детей из семьи, умерших в тяжелые военные годы. Их могилы неизвестны. К Тамаре еще ходили, а потом кладбище расширили, и двух Вить похоронили в общей могиле с другими.

В августе 1944 года Каменск-Уральский городской комитет ВКП(б) (Всесоюзной коммунистической партии большевиков) принял его в кандидаты в члены партии, а Советский районный комитет г. Каменска-Уральского в январе 1947 года принял прадедушку в члены ВКП(б). Его партбилет был за № 8231905.

С 16 июня по 31 июля 1945 года Петр Александрович работал исполняющим обязанности заместителя директора завода № 515, то есть, пока подыскивали человека на эту должность, предложили эту должность ему. Его дочь Клавдия вспоминала, что у него была своя бричка (как служебная машина). Детворе очень нравилось на ней кататься.

Петр Александрович все это время так и работал в отделе снабжения. За военные годы у него в трудовой книжке всего две записи:

«XII.1938 – V.1942 – г. Каменск-Уральский, КМЗ, начальник отдела снабжения.

V.1942 – VI.1945 – г. Каменск-Уральский, завод № 515, руководитель группы снабжения».

Будет справедливо сказать, что и от его четкой работы зависело снабжение предприятия всем необходимым. Часть того, что добывали снабженцы, шла на премирование передовиков производства: продукты, отрезы на костюмы. Доставали продукты и для заводской столовой, чтобы создать стимул для повышения производительности труда.

Мы теперь знаем, что в тылу было ничуть не легче, чем на фронте. За свой труд Петр Вознюк был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» за № 196034. К сожалению, она не сохранилась.

Зато в фонде Р-108. Оп.1. Д. 2 филиала ГАСО (Государственного архива Свердловской области), расположенного в нашем городе, сохранился документ под названием «Акт на вручение медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Он начинается так: «Мною, председателем Исполнительного комитета Советского райсовета депутатов трудящихся КУФТИНЫМ ВАСИЛИЕМ ИВАНОВИЧЕМ, от имени Президиума Верховного Совета СССР, вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» нижеследующим...». И здесь на листе 93 под номером 71 есть запись: «Вознюк Петр Александрович. Начальник отдела снабжения. АГ № 196034». Документ датирован 1 ноября 1946 года.

Да, в боевых действиях в Великой Отечественной войне Петр Александрович Вознюк не участвовал, он имел бронь. Его подвиг был в тылу и в семейной жизни.

Примечания:

1. Архив семей Вознюк-Мальгиных.
2. Судакова Т. Заводы города в годы войны // Каменск-Уральский. Страницы истории. – Режим доступа: <http://history-kamensk.ru/history/48-zavody-goroda-v-gody-voiny.html> (дата обращения 14.04.2021).

Л. В. Зенкова, ст. научный сотрудник
МАУК «Краеведческий музей»
г. Каменск-Уральский

О покупке здания под заводской госпиталь

Каменский заводской госпиталь многие десятилетия ютился в приспособленных помещениях. Первое его местонахождение указано на плане 1803 года: небольшое деревянное здание, стоящее неподалеку от церкви в центре Каменска. В 1806 году вышло в свет «Горное положение», которое предписывало учредить госпитали и лекарей при них на каждом заводе. А в «Горном уставе» вышедшем позже четко определялись обязанности заводского медперсонала, а также давались рекомендации по устройству медицинской деятельности при заводе.

Заводское начальство стало подыскивать новое здание под госпиталь, в связи с тем, что прежнее было очень ветхим и древним. Вероятно, это помещение было постройки 1730-х гг., т. к. в документах тех лет Каменский госпиталь упоминается.

В 1807 году екатеринбургский купец Михаил Палкин предложил купить под госпиталь свой новый деревянный дом на каменном фундаменте, который находился в Каменском Заводе. Сумму затребовал немалую по тем временам – четыре тысячи рублей. Неизвестно по каким причинам купля-продажа растянулась на несколько лет. Только в марте 1811 года началась переписка между Каменской заводской конторой и Главной конторой Екатеринбургских заводов. Главная контора затребовала план дома и всех строений, которые при нем находились. Получив все необходимые документы для рассмотрения данного вопроса: описание усадьбы и ее план, одобрила покупку и распорядилась, чтобы деньги купцу М.Палкину выделили «из строильной суммы».

На это распоряжение Каменская контора рапортовала, что строильных денег в наличии

только 1107 рублей и 10 с половиной копеек. А в заводской казне было 4423 рубля и 10 копеек. И тогда Главная контора разрешила взять недостающую сумму из заводской казны и выплатить или самому купцу или его поверенному нужную цену – 4000 рублей.

Что собою представляла купеческая усадьба М. Палкина, которая находилась «за жительство» Каменского Завода, т. е. на краю заводского поселения, можно увидеть на плане, который составил шихтмейстер И. Решетников. Жаль, что он не сделал привязку к местности, чтобы проще определить, где конкретно, в каком месте находилась эта усадьба. Единственное пока предположение, что усадьба находилась на том самом месте, где в настоящее время стоит дом по ул. Красных Орлов, 4 (бывший госпиталь). На генеральном плане Каменска 1848 года форма здания госпиталя «с присутствующим садом» своими очертаниями напоминает жилой дом Палкина тоже с садом и огородом.

Описание усадьбы дается на нескольких листах в мельчайших подробностях, вплоть до того, сколько было ручек, скоб, крючков, шарниров и пр. на окнах и дверях. Мы же представим краткое описание как дома, так и всей усадьбы.

Дом деревянный на каменном фундаменте длиной по улице 6 сажений (б. 12,5 м.), шириной 9 сажений и 3 аршина (б. 21 м.). Крыт был тесом. В нем насчитывалось 6 комнат: гостиная, столовая, кабинет, спальня, детская, прихожая, а также кухня и сени.

Войти в покои (комнаты) можно было по чугунным ступеням лестницы «на столбах с перилами».

Под сенями и крыльцом имелся подвал – каменная кладовка, в которой была кирпичная печь.

Вокруг дома располагался сад в длину 15 в ширину 20 саженой, забор был из сосновых брусьев и столбов, а на них красовались чугунные маковки и вазы.

Рядом с жилым домом стояло отдельное каменное здание кладовой с подвалом. В подвал вела лестница, ступени которой были тоже чугунными.

Неподалеку от большого жилого дома находилось еще одно жилое помещение – флигель в длину 6 аршин (б.4 м.), в ширину 9 (б. 6 м.), в нем было три комнаты, три окна и одна кирпичная печь. Вокруг флигеля также располагался сад, обнесенный сосновым забором и украшенный чугунными маковками и вазами.

Два амбара деревянных, баня, две конюшни, изба жилая для прислуги, завозня, хлев и задний двор – все это включала в себя усадьба купца Палкина. Да еще и огород не маленький «для сажения овощей, забранный стоячим тыном длиною 23,5 сажени, шириною 20 саженой».

Вполне подходящее место для размещения заводского госпиталя. Не зря же здесь многие годы проживал заводской управитель, а в казенном управительском «ветхом» доме размещался госпиталь. На каких правах проживал в купеческом особняке глава Каменского завода, не известно.

Но известно, что с 1802 по 1811 г. управителем Каменского завода был Мамышев Николай Радионович. Вот он со своей семьей и жил в доме купца Палкина. В свое время Мамышев

окончил Горное училище, по окончании которого получил знания по следующим предметам: риторика, логика, поэзия, немецкий язык, география, история, литература, математика, физика, химия, минералогия, металлургия. А также пробирное искусство, маркшейдерское искусство, земная география, горная механика и горная архитектура. В 1795 году Мамышев получил чин шихтмейстера 13 класса. Был управителем Николо-Павдинского завода, откуда в 1799 году переведен в Нижнеисетский завод, где находился до 1801 года. Затем был переведен на Пышминский завод, а вскоре на Каменский, с 1802 стал управителем в чине бергшворена 12 класса (произведен 10 декабря 1800 г.).

Мамышев родом был из дворян, женат, имел детей. В 1804 году имел уже чин гиттенфервалтера 10 класса и был вдовцом. В 1806 году получил гиттенфервалтера 9 класса, а с 1807 г. числился маркшейдером 9 класса. В апреле 1811 года Мамышева освободили от должности управителя Каменского завода и направили в Ижевский оружейный завод. На Каменском заводе уже, будучи в чине маркшейдера, Мамышев получал годовое жалованье в размере 392 рубля 68 к.

Что касается здания под госпиталь. Если дом и усадьбу у купца Палкина купили под госпиталь в 1811 году, значит, спустя несколько лет госпиталь не строили, а только перестраивали по проекту архитектора Михаила Павловича Малахова (1817 г.). Вопрос остается открытым и требует дальнейшего исследования.

Примечание:

1. ГАСО. Ф. 25.Оп. 1.Д. 2733

* * *

Л. В. Зенкова, ст. научный сотрудник
МАУК «Краеведческий музей»
г. Каменск-Уральский

О чем нам расскажет первая часть сборника архивных документов

Сборник архивных документов охватывает период с 1682 по 1725 гг. 1 часть. Содержит 70 различных указов, отписок, челобитных, грамот. Это время правления царей из династии Романовых – Федора, Иоана и Петра, отчеством все Алексеевичи. Отец – Алексей Михайлович.

В период их правления было основано поселение на реке Каменке под названием Долматова Заимка, началось строительство Каменского железного завода и его деятельность в первой четверти XVIII века.

Царь Федор своей Жалованной грамотой от 3 февраля 1682 года разрешил монахам организовать железоделательное производство. Это первый документ в сборнике. Прочитав его, вы узнаете, кто приложил руку к основанию нашего поселения. Они перечислены все поименно. Историки XIX века об этой грамоте ничего не писали, вероятно, не знали.

27 апреля 1682 года царь Федор умер. И через месяц 26 мая на престол сели малолетние братья Иоанн и Петр, управляла государством их старшая сестра Софья. В этот период 28 июня 1682 года монахам сделали отвод земли по реке Каменке, и они получили т. н. Отводную грамоту. Эта грамота исследователям XIX века, в частности В. П. Шишонко, была известна. Про нее знали жители Каменска, поэтому 28 июня 1882 года они организовали празднование – 200-летие Каменского завода.

В сентябре 1689 года Иоанн и Петр стали самостоятельными правителями, Софья удалась в монастырь. А спустя несколько лет 29 января 1696 года скончался Иоанн, и Петр стал единоличным царем-самодержцем.

Поэтому большинство документов, приведенных в сборнике, отражают эпоху правления царя, затем императора Петра Алексеевича.

Эти документы были найдены и извлечены еще 20 лет назад в архивах Москвы и С-Петербурга мною и В. Переваловым, который помогал нашему музею в те годы по розыску интересных и нужных материалов для создания новой исторической экспозиции и для написания учебника по истории нашего города. Учебник был написан, но не напечатан.

Большинство документов использовано мною и вошло в научный оборот, написаны десятки статей, в которых цитируется тот или иной документ.

Стиль написания многих документов необычайно интересен, иногда читаешь, как по лесу гуляешь. Кстати, изучая отводную грамоту, можно узнать, какие деревья произрастали в нашем крае 340 лет назад.

Есть в сборнике документ, который имеет как бы косвенное отношение к истории города – это Ревизская сказка Колчеданского острога, или проще говоря, перепись 1695 года. В этой Ревизии содержатся очень интересные сведения: почему речка Каменка имела второе название – Железенка, кто ее так наименовал и почему, а также кто основал д. Красногорскую на левом берегу Исети (сейчас Монастырка) и кто был в числе первых жителей этой деревни.

Почему первой плотиной стала Каменская, а не Невьянская и почему Каменский завод вошел в строй первым, можно узнать из отписки верхотурского воеводы Козлова

Из следующего документа становится понятно, что Каменская слобода была во владении монахов до 10 февраля 1700 года, а с февраля по указу Петра – в казне великого государя. Но дата указа не называется, из другого документа нам известно, что заготовка леса к строительству завода началась 15 февраля, значит, указ вышел между 10 и 15 февралем.

С 27 февраля 1700 года в государеву казну из Каменской слободы стали поступать деньги. Какие деньги, с какой прибыли, ведь завод еще не работал? Узнаете из документа.

Кто был первым крестьянским старостой Каменской слободы, кто первый провел молебное

пение и освятил воду на основание плотины и когда это произошло? И верно ли мы отмечали в 2021 году юбилей плотины?

Почему оружейный мастер Н. Пиленок не исполнил указ Петра и не организовал оружейную мастерскую на Каменском заводе?

Работали ли на Каменском заводе иностранные специалисты? Почему и когда решили продать завод в частные руки?

И еще на многие вопросы вы найдете ответы в материалах данного сборника.

Документы адаптированы к современному чтению: пропущенные буквы вставлены, знаки препинания и союзы расставлены.

* * *

С. А. Корвякова,
методист «Центр дополнительного образования»
г. Каменск-Уральский

«О работе Каменской потребконторы в начальный период НЭПа»

Политика военного коммунизма в Советской России была отменена в марте 1921 года. А уже 18 апреля 1921 года было сформировано Каменское отделение Губернского Союза потребкооперации. Был составлен список рабочих и служащих Каменского отделения Губернского Союза потребкооперации. В основу кооперации легла форма добровольного объединения сельских хозяев, земледельцев, основанная на принципах полного равенства участников и взаимной помощи.

6 мая 1922 года вышло постановление Совета Народных Комиссаров «Об отмене разреши-

тельного порядка открытой и производительной торговли».

В связи с этим постановлением Каменское потребобщество установило задачи для своего развития:

«1. Озаботиться обязательным кооперативным страхованием имущества и товаров ЕПО и Райконторы;

2. Стремиться к закупке товаров только со складов Райконторы;

3. Признать желательным авансирование Райконторы потребобществами района с целью закупки нужных товаров, причем Райконтора

кроме неизбежных накладных расходов никаких других наложений в свою пользу делать не должна;

4. Настойчиво вести на местах работу по внедрению в кооперативные массы с оговариванием необходимости накопления оборотных средств в первичных организациях путем установления таких паевых и вступительных взносов, которые были бы равны сумме, меньшей $\frac{1}{4}$ месячного потребительского бюджета» и одновременно развить «компанию на необходимость усиления этих средств путем взносов авансов каждого члена кооператива вообще, а целевых особенно: на приобретение специальных товаров, предметов домашнего хозяйства, скота и сельскохозяйственных орудий, сырья для кустарей и пр., а также для создания мелких кооперативных производств и более крупной кооперативной промышленности, и для эксплуатации местных природных богатств»

В области развития животноводства были поставлены следующие задачи. После тяжелого 1921 года произошло количественное и качественное ухудшение в области животноводства, сокращение скота и птицы. А без восстановления животноводства невозможно развитие сельского хозяйства, в том числе земледелия. Для этого крайне необходимо было «создать племенные рассадники; в первую очередь укомплектовать рассадники хотя бы не чистокровными, а только лучшими особями местных и южных пород крупного рогатого скота, свиней, овец, кроликов, а также лошадей рабочего типа и домашней птицы». При райотделениях должны быть созданы комбинированные фермы. Организация и эксплуатация этих ферм должна строиться на началах хозрасчета. К организации этих ферм приступить следовало немедленно; для этого использовать летний сезон 1922 года для заготовки объемистого фуража и подготовить помещения для содержания в зимний сезон скота и птицы.

При полях, огородах были организованы промышленно-медовые пасеки с первоначальным составом от 15 до 20 пчелиных семей.

В области развития полеводства и огородничества потреббщество сформировало следующие задачи:

«Пустующие земли при недостатке семян должны быть использованы под другие культуры: технические (конопля и лен), кормовые травы, корнеплоды, картофель и другие овощи».

Лозунгом в этой области работы должен быть следующий:

«Ни клочка пустующей, пахотной и огородной земли, ни золотника неиспользованных полевых и огородных семян». Районные отделения должны были «прилагать максимум усилий и средств, чтобы заложить в текущем сельскохозяйственном сезоне», то есть в 1922 году «начало собственному полеводству и огородничеству, стремясь ставить эти работы с таким расчетом, чтобы в будущем их легко можно было расширять и углублять, а с течением времени превратить в показательные хозяйства».

Были определены задачи по прокатным пунктам и складам. Для успешной работы потреббщества необходимы были зерноуборочные и зерноочистительные машины, зерносушилки, инвентарь для прокатных пунктов, сеть которых следовало организовать. При прокатных пунктах создавались дополнительные мастерские по ремонту сельскохозяйственных машин и орудий; так как в отделениях райконторы их было недостаточно.

Выпускались плакаты – призывы кооперации. Например: «Обмануть, обвесить покупателя – вот цель спекулянта»; «Дать доброкачественный товар и по дешевой цене – задача кооператива»; «Кооперация – это цемент, при посредстве которого закрепляется братский союз серпа и молота – Союз рабочих и крестьян».

По циркулярному письму от 10 марта 1923 года из Губсоюза рабоче-крестьянских потребительских обществ цифра капитала выражалась в дензнаках 1923 года и в золотом рубле по курсу на 1 марта 1923 года – 23 руб. 50 коп., а размер членского взноса был определен ниже 1 руб. 10 коп. золотом или в один пуд 5 фунтов пшеницы. Платить должны были все члены общества по достижении 16-летнего возраста.

В 1922 году к 1 июля Каменская потребконтора насчитывала 54 служащих, а в мае 1923 года служащих конторы было уже 119 человек.

Из документа 1923 года: «Очень важно было иметь в составе Райконторы в числе сотрудников

высококвалифицированных работников – спецов: кооператоров, товароведов, финансистов и др».

В документах (Фонд 78, ГАСО (Филиал г. Каменска-Уральского) приводятся следующие сведения о регистрации предприятий, находившихся в ведении Каменской райпотребконторы Екатеринбургского Губсоюза:

1. Волковская мукомольно-вальцевая мельница № 2; инженер Первушин Михаил Евгеньевич;
2. Красногорская раструсная мельница (Тот же инженер);
3. Чугунолитейное производство «Вагранка»;
4. Аптекарский магазин (Магазин в состав конторы вошел в августе 1923 года);
5. Пивная лавка.

К 1 июля 1923 года в обществе состояло 516 паевых членов.

«Товарищу Соколову» (Руководителю Каменской потребконторы):

«Рекомендую тебе очень дельного коммерсанта Ал. Аф. Еремина. Переговори с ним. Может быть используешь его на какой-нибудь работе. Пользу Губсоюзу он, несомненно, принести может. С приветом, Хохлов. 19 сентября 1923 г.»

Для сотрудников конторы существовали так называемые билеты страховой кассы.

7 июля 1923 года в конторе отмечали Международный день кооперации. Состоялось торжественное заседание.

Внутри отделений Каменской райпотребконторы были самые разные объединения, связанные между собой взаимозачетами; например; объединение «Интеграл», которое объединяло членов, держащих лавки. В Багарякском объединении были следующие производства: выпускалась охра, имелся известняковый рудник, который производил в конечной продукции известь, существовали даже алебастровые копи, вырабатывавшие так называемый сырец. В Маминской волости был единый интегральный кооператив, включающий кожзавод, объединение по заготовке дубильного сырья (коры), производство березового дегтя; на Походидов-

ских копиях производили известь; заготавливали дрова населению; имелась лесопилка. В Маминской волости работала сапожная мастерская и мельница. Так, за полгода в сапожной мастерской было сшито 300 пар сапог, причем мастерская получала оптовые заказы на пошив обуви. В Клевакинском потребобществе выпускалась валяльная обувь. Шаблишское потребобщество имело огороды, случайные пункты, мельницы, крупный рогатый скот, свиней, рабочих лошадей.

В общества вступало больше хозяев, чем бывало из них по разным причинам.

«Заведующему Каменской конторы Губсоюза от техника молочного хозяйства Ольги Николаевны Михайловой, проживающей по адресу: ул. Луначарского, 21

Заявление.

Прошу заведующего Конторой Губсоюза принять меня на вновь открываемую должность заведующего молочной фермой. Специальное образование имею следующее:

1. Окончила школу по молочному хозяйству, скотоводству 1-го разряда при Вологодском молочно-хозяйственном Институте в 1916 году. Имею при себе Свидетельство об окончании школы за № 16;
2. В 1922 году прослушала Инструкторские курсы по этому делу и имею удостоверение за № 2865;
3. Провела практику по сыроварению и маслоделию и имею удостоверение от Вологодской Конторы Северосоюза за № 666;
4. В 1917 году служила лаборанткой при опытной станции молочного хозяйства Вологодского института. Имею удостоверение института за № 1878. Имею учетно-технический билет за № 432 от Вологодского губернского отдела труда. О. Михайлова, 1923 г., 13 октября».

Вскоре эта женщины была принята на работу в Каменскую контору потребительских обществ восстанавливать молочную ферму в с. Волково (Красногорка).

Виды товаров, продававшихся в лавках Каменской потребконторы были следующие: пищевые товары, включавшие сухую рыбу: язь,

подъязык, поваренную соль, капусту, крупы, хлебобулочные изделия, вино, фураж; мануфактурные, промышленные товары, включавшие канцелярские принадлежности (закупались), скобяные, шорно-кожевенные изделия, шапочно-обувные, москательные изделия, предметы чугунного литья «Вагранки», а именно, горшки Мальцевские, ступки, сковороды, втулки, задвижки, треножки, вьюшки с воротком и без воротка, азиатские чаши, котлы трехведерные, полевые котелки, очажные доски (плиты), противни и другие изделия. Например, сухая рыба стоила 160 рублей за один пуд; а за пуд пищевой соли платили 42 рубля. Для работы магазинов осуществлялись хлебозаготовки.

Из объявлений 1924 года: «На Волковкой мельнице размол зерна для граждан: плата как натурой, так и деньгами. За пуд размалываемого зерна на сеянку взимается 6 фунтов зерна или деньгами 15 копеек; на буторку – 4 фунта зерна или 10 копеек за один пуд».

Каменская потребконтора в 1923 году имела две крупные арендованные паровые мельницы в с. Волково и в с. Байново производительностью 2600 и 3000 пудов в сутки; это были бывшие мельницы купцов Брагина и Соснина; Контора имела еще шесть мелких мельниц по волостям (Маминской, Шаблишской, Багарянской и других)

Виды расходов Каменской потребконторы были следующие: соцстрахование, денежные вознаграждения, оклады, сдельные работы, компенсация за сверхурочные; стоимость спецодежды, оборудования, разница цен на продукты пайка (своим служащим продавали дешевле), разъезды по своим точкам, стоимость типографских и канцелярских книг, выписка журналов, печатание смет, отчетов, почтовые и телеграфные расходы, налоги, сборы, пошлины, штрафы, патенты, биржевые маклерские регистрационные сборы, содержание помещений, инвентаря, транспортировка товаров, дополнительная охрана складских помещений, проценты за средства производства (арендные), культурно-просветительские дела, единовременные пособия и др. расходы. Всего за 7 месяцев 1923 года расходы составили 1210475 руб., а

доходы составили 1361930 руб.

У Каменской потребконторы имелся арендованный у Камышловского Уземотдела земельный участок под названием «Заря», на котором сеяли рожь, пшеницу, овес. На участке рос лес, располагались сенокосные территории. Общая площадь земельного участка составляла 36, 85 десятин.

В 1923 году была пущена в ход вагранка производительностью до 1500 пудов чугунного литья. Для работ использовался экономный двигатель мощностью 12 лошадиных сил. Была одна динамомашинка с выработкой 15 ампер тока и напряжением 110 вольт. Профессии и специальности на «Вагранке» были следующие: кузнецы, токари, молотобойцы, плотники, варильщики, углежогои, чистильщики взрослые и подростки, засыпщики, укупорщики, модельщики, слесари, кровельщики, сторожи. В 1924 году в «Вагранке» состояло по списку 90 человек рабочих и служащих. Зарплата выдавалась два раза в месяц – 1-го и 22-го числа, часто хлебом. Рабочий получал на себя 2 пуда муки или крупы на один месяц; подросткам давали по 1,5 пуда, как иждивенцам; дети менее 4-х лет получали по 1 пуду и предметы первой необходимости.

В июле 1923 года возникло тяжелое финансовое положение Каменской потребконторы. Поэтому рабочим чугунолитейного завода давали зарплату продуктами (хлеб, масло). Вскоре заработная плата рабочих была переведена в золотую валюту. В марте 1924 года выполнение работы по первому разряду рабочего «Вагранки» стоило 8,2 условных товарных рублей.

В конце 1923 года состоялось совещание управляющих контор и руководителей инструкторских групп. Заслушав доклады о деятельности контор и отделений системы Екатеринбургского Губернского союза Потребкооперации совещание констатировало, «что политика правления Губсоюза, приведенная к реорганизации отделений Конторы с переброской кооперативных работников правильна, в результате чего явилась большая координация хозяйственной работы всей системы Губсоюза, что после ряда тяжелых лет покупательная способность населения значительно окрепла».

В 1924 году вышло распоряжение Губсоюза: «Требования товаров на выдачу со складов непременно оформлять на специальных бланках».

Список ходовых товаров, имеющих на складах Каменской райконторы в сентябре 1923 года:

1. Ступицы тележные
2. Метизы
3. Кобылки деревянные к седлу
4. Грабли деревянные
5. Лопаты деревянные
6. Клещи хомутные
7. Топорищи
8. Дровни не окованные
9. Вальки деревянные для белья
10. Телеги не окованные
11. Колеса не окованные
12. Мялки для льна
13. Бочки дегтярные
14. Корье для дубления кож
15. Тряпье разное
16. Серпы с ручкой
17. Семена огородные
18. Лопаты железные
19. Календари отрывные
20. Мука «Нестле»
21. Вербки хозяйственные 2-го сорта
22. Садовый вар.

Примечания:

1. Филиал ГКУСО «ГАСО» в г. Каменске-Уральском
2. Ф. Р-78. Оп. 1. Д. 1, Д. 6, Д. 7, Д. 8, Д. 10, Д. 11.

* * *

А. Ю. Лесунова, ст. научный сотрудник
МАУК «Краеведческий музей»
г. Каменск-Уральский

Кузнечный промысел в Каменском Заводе в пореформенный период

Ко времени проведения реформы 1861 года Камышловский уезд по роду занятий населения принадлежал исключительно к разряду земледельческих, если не считать одного Каменского Завода. По развитию же кустарных промыслов уезд занимал в губернии едва ли не самое последнее место.

Как и в целом по России и Уралу шире других распространён был в Камышловском уезде кузнечный промысел. Кузнецы занимались выковкой орудий труда, хозяйственных инструментов и других, необходимых в быту вещей для продажи на рынке и по заказам местных жителей или казны.

Трудно перечислить те предметы, которые изготовлялись кузнецами – настолько они разнообразны. Потребность местного населения в железных поковках с каждым годом возрастала не только количественно, но и в качественном отношении. Кроме того, предъявлялся спрос на разные новые предметы, которые ранее кузнецами не выделывались. Большую роль кузнецы играли при развитии гужевого транспорте в изготовлении и ремонте транспортных средств, изготовлении металлических частей конской сбруи.

Среди волостей Камышловского уезда кузнечный промысел в большей степени развит был в Каменском Заводе. Ко времени составления Уставной грамоты по Каменской волости (1863 год) в Каменском Заводе числилось 55 кузниц, возведённых с дозволения заводского начальства «с давних времён». Кузнечным промыслом здесь занимались в основном мастеровые, которые пытались обеспечить свой быт дополнительными, кроме заводских заработков, источниками существования.

Принятое 8 марта 1861 года Положение о горнозаводском населении казённых горных заводов, содержало статью 11 по которой уволенные горнозаводские люди могли заключать всякие дозволенные законом договоры и обязательства и заниматься промыслами и торговлею, наравне с прочими свободными сельскими обывателями. Единственным ограничением был запрет на устройство в заводских селениях таких промышленных заведений, в которых производство основывается главным образом на огненном действии, требующем дров или угля, а так же воспрещалось устройство лесопильных мельниц и производство торговли лесом. В Пермской губернии к огнедействующим производствам были отнесены кузнечное, гончарное и кирпичеделательное.

По своему содержанию статья касалась лишь устройства фабричных и заводских промышленных заведений, а отнюдь не кустарных, которые по роду своего производства принадлежали к типу ремесленных предприятий. Работа в них шла почти исключительно ручным способом, при помощи самых простых инструментов и приборов. В кустарных заведениях работал сам кустарь-хозяин со своим семейством, а в случае недостатка собственной семейной рабочей силы, – с двумя-четырьмя, редко более, наёмными рабочими.

Однако Горное ведомство находило вредным существование таких заведений и, ставя свои интересы выше всего, - всеми мерами старалось воспрепятствовать развитию данных промыслов на Урале. Уральские горнопромышленники даже видели вред в развитии вообще кустарной промышленности. В Отчёте А. А. Алова [1; 8-12] приведены примеры закрытия горным

начальством кустарных заведений в Сатке, Златоусте и Миассе на основании статьи 394 Устава Горного. Немало случаев самого враждебного отношения горного ведомства к кустарной металлообделочной промышленности было освещено Кустарной переписью 1894-1895 года.

Управитель Каменского казённого завода штабс-капитан Вей-Ценбрейер, ссылаясь на статью 394 Устава Горного, внёс в Уставную грамоту пункт, по которому «дозволяется иметь заводским людям кузницы лишь в ограниченном количестве, необходимом только для удовлетворения потребностей жителей, по усмотрению и разрешению Заводского Начальства... Заводоуправление полагает иметь в Каменском заводе не более 25 огней, в деревне Байновой и Красногорской 2 огня, при действии которых может быть вполне удовлетворена нужда в кузнечных изделиях местных жителей селений».

Данное обстоятельство не могло устроить Каменское общество. По заявлению уполномоченных от общества была проведена проверка Уставной Грамоты Мировым посредником 4-го участка Екатеринбургского уезда Коллежским асессором Пермяковым и определено: «Каменские обыватели, состоя в обязательной горнозаводской службе, имели уже 55 огней, следовательно, и в то время заводоуправление видело необходимую потребность и допустимо в двое более иметь кузнечных огней, тогда как все мастеровые, находясь совершенно на правах солдат, не могли располагать ни временем, ни кругом оборота своей деятельности и улучшения своего быта, но с увольнением от обязательной службы, дана им гражданская свобода, и всякий, по своим средствам, желает улучшить своё благосостояние. После всего этого нельзя и думать, чтоб потребность их могла удовлетворяться при уменьшении на половину кузнечных огней. 11 статья положения 8 марта 1861 года воспрещает устраивать в заводских селениях промышленные заведения, требующие дров и угля, по смыслу выражения не должно допускать строить таких заведений с 8 марта 1861 года, но построенные кузницы были за долго ранее до состоявшегося положения и с дозволения начальства. Полагаю оставить в

том самом количестве огней, в каком их застало положение 8 марта 1861 года» [2].

Все недоразумения были устранены властью посредника. Постановление Мирового съезда (Съезд мировых судей по Екатеринбургскому, Камышловскому и Шадринскому уездам) от 4 августа 1864 года удовлетворило просьбу уполномоченных от Каменского общества. И 28 августа 1864 года Уставная Грамота, составленная для сельских обывателей Каменской волости Управителем Каменского казённого завода и Мировым посредником 4 участка Екатеринбургского уезда, была утверждена. В результате было определено число огней (горнов) в количестве 55, сверх которого нельзя устраивать вновь кузнечные горны, что являлось существенным препятствием к развитию этого промысла.

В «Ведомости о числе фабрик и заводов по Каменской волости в 1870 году» приведены следующие кузнечные заведения:

1. Андрей Степанович Ерёмин «с товарищи» имели кузнечное заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём шесть огней при 6 рабочих;
2. Агафон Семёнович Черноскутов – заведение в одном корпусе из дикого камня крытом дёрном, в нём семь огней при 7 рабочих;
3. Пётр Григорьевич Крутиков «с товарищи» – заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём одиннадцать огней при 11 рабочих;
4. Матвей Петрович Лесунов – заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём восемь огней при 8 рабочих;
5. Фёдор Осипович Фёдоров – заведение в одном корпусе из дикого камня крытом тёсом, в нём семь огней при 7 рабочих;
6. Прохор Глебович Анциферов «с товарищи» – заведение в одном корпусе из дикого камня с тесовым настилом, крытом тёсом, в нём шесть огней при 6 рабочих;
7. Филипп Фалалеевич Павлутский «с товарищи» – заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём семь огней при 7 рабочих;

8. Семён Никонорович Анциферов «с товарищи» – заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём пять огней при 5 рабочих;
9. Виктор Иванович Воронин – заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём один огонь при 1 рабочем;
10. Алексей Прокопьевич Клевакин «с товарищи» – заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём пять огней при 5 рабочих;
11. Лев Агеевич Засыпкин «с товарищи» – заведение в одном корпусе из дикого камня, в нём четыре огня при 4 рабочих [3; 92-93].

Десятилетие спустя (1881 год) Каменским волостным правлением была дана краткая характеристика местного промысла по производству металлических изделий. Промысел «возник истари». «Работами занимаются одни семейные без найма рабочих людей. Производство промысла совершается круглый год. Земледелием кузнецы не занимаются. Материалы для этого производства приобретаются на местном рынке. Инструменты приготавливаются самими кустарями, и почти ничего не стоят им. Металлические изделия приготавливаются обыкновенного качества». Продукция такова: «Кузнечные изделия: гвозди, ухваты, кочерги, ковши, ножи, петли, оси и прочее. Земледельческие орудия: сошники, боронные зубья, лопаты, вилы, кирки и серпы. Плотничные, слесарные и столярные инструменты: топоры, долота, клещи, молотки, подпилки, отвёртки и прочее. Предметы производства сбываются на местном базаре. Заработок хозяев до 200 рублей [в год]. Некоторые пользуются ссудами из волостного вспомогательного капитала» [4; 61-62]. Всего производилось изделий на сумму до 2200 рублей в год.

Кустари, имевшие навыки заводской работы, выполняли достаточно сложные изделия. Конечно, квалификация кузнецов была различной и во многом оставляла желать лучшего, однако и среди каменских кузнецов были профессионалы высокого уровня. Не случайно, на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке, проходившей в Екатеринбурге в 1887 году, в Кустарном отделе свои изделия представили

три кузнеца из Каменского Завода, и все они получили награды [5; 246, 251, 259].

Семён Никифорович Анциферов занимался ремеслом к тому времени уже лет 40. Имея мастерскую с 1 горном при 2 рабочих, изготовлял в год до 1000 штук разного товара. Сбыт производил на месте. За хорошее приготовление стальных центровок и буравчиков, представленных на выставке, был награждён малой серебряной медалью Министерства Финансов.

Иван Ксенофонтович Косяков за удовлетворительное изготовление топоров награждён бронзовой медалью Министерства Финансов. Он же представил на суд жюри боронные зубья, звёздочки. «Боронные зубья» как они названы в каталоге выставки, имели вид лемешков, которые употребляются в драпачах. Кузница его с 1 горном при 2 рабочих существовала с давнего времени. Работал Иван Ксенофонтович по заказу местных и окрестных жителей.

Егор Афиногенович Бутаков, представивший на выставке серпы, скобы, молотки и зубила, «за приготовление серпов и молотков удостоен Почётного отзыва Уральского Общества Любителей Естествознания» [6; 82-83].

Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка стала одним из поводов для уездного земства для обращения к вопросам кустарных промыслов. В земстве поднимается вопрос о кустарях в связи с кризисом горнозаводской промышленности. Одним из путей выхода из социального кризиса могла стать хозяйственная переориентация мастеровых на кустарные промыслы. В конце 1880-х годов была поставлена задача систематической и постоянной поддержки земством кустарных промыслов.

Среди направлений земской деятельности была помощь в организации сбыта изделий кустарного производства, содействие в получении кредита, мероприятия по повышению технического уровня кустарных изделий и образованности кустарей, проведение статистических исследований, содействие образованию кустарных артелей, действующих по уставам, утверждённым правительствам.

При губернском и уездных земствах в конце 1880 – начале 1890-х годов создаются Комитеты «для содействия сельскому хозяйству, кустарной и другим отраслям промышленности», которые сыграли одну из главных ролей в процессе становления политики поддержки кустарей в Пермском земстве. В 1888 году создан Камышловский Комитет. В работе Ю. А. Кашаевой отмечается своеобразная «специализация» деятельности уездных Комитетов по видам кустарных промыслов: Кунгурское – по кожевенному промыслу, Пермское – по мебельному, Камышловское – по кузнечному и другим металлическим промыслам [7; 96].

К концу 19 века в Камышловском уезде насчитывалось до 260 кузниц. Кузнечное ремесло существовало почти в каждой волости [8; 40].

Безземелье населения Каменского Завода, а увеличение земельного надела мастеровым не представлялось возможным, заставляло его жителей искать источники пропитания, главным образом, в работах на казённом Каменском заводе. Но население непрерывно возрастало, на расширение же работ на чугунолитейном заводе едва ли можно было рассчитывать. По данным на 1897 год в Каменском Заводе 64,5 % рабочего населения не нашло себе работы на заводе [1; 24].

Оставшиеся без работ мастеровые частью разошлись на заработки, а частью занялись мелкой торговлей и кустарными промыслами. Однако, главнейший из промыслов – кузнечный, встречает затруднения в приобретении горючих материалов, добываемых за 70-80 вёрст и то не иначе как по билетам лесничего казённой дачи. А потому произведения Каменских кустарей не могли выдерживать конкуренции с торговцами тех же изделий по низким ценам из заводов, находящихся в более благоприятных условиях.

Выходом из трудного положения для жителей Каменского Завода земские власти считали широкое развитие каменноугольного дела и обращение к кустарным промыслам, особенно по производству сельскохозяйственных машин и орудий. В связи с этим Председателем Камышловской уездной земской Управы И. Т. Горбуновым в октябре 1887 года было представлено

для рассмотрения Каменским ремесленникам предложение: «в виду обеспечения населения в более безбедном существовании составить из среды своей подобно Воткинским кустарям товарищество или артель, для совместного занятия производством кустарных изделий и прочего» [9; 23]. Каменские же кустари со своей стороны «изъявили желание составить товарищество из столяров, кузнецов, слесарей и других ремесленников», и просили назначения от земства пособия на первоначальное ведение дела на артельном начале».

Для принятия решения по данному вопросу на заседании Камышловского уездного Комитета для содействия к развитию кустарных промыслов в уезде 19 марта 1889 года было решено провести предварительное исследование кустарных промыслов в Каменском Заводе.

В следующем 1890 году членом Камышловского Уездного Кустарного Комитета Левитским было проведено обследование состояния каменского кузнечно-слесарного промысла. Благодаря его живому и яркому описанию можно составить представление не только о состоянии кузнечного промысла, но и о нравах каменских кузнецов:

«В настоящее время кузнечным ремеслом в Каменском заводе постоянно занимается до 49 человек, из числа которых до 37 принадлежат к семействам самих хозяев кузнецов, а 12 человек наёмных рабочих. Работа производится на 31 горне, но некоторые семейства имеют ещё свободные горны, которые за отсутствием работы и желающих взять их в аренду, остаются без употребления. Всех занимающихся кузнечно-слесарным промыслом можно разделить на две группы, довольно резко отличающиеся одна от другой: к первой следует отнести 7 хозяев (Агафон Бутаков, Александр Харчевников, Николай Медведев, Сергей Анциферов, Артемий и Семён Анциферовы и Иван Верхотуров), которые кроме случайной заказной работы, приобретают необходимые материалы на свои средства и готовят изделия на продажу; а ко 2-й – остальных 14 человек, исключительно занимающихся починкой старых вещей, ковкою колёс и лошадей и тому подобной мелкой заказ-

ной работой.

Большинство живёт исключительно кузнечным заработком и только немногие имеют другие побочные занятия. Так один (Василий Тупикин) сеет до 11 десятин хлеба, другой (Прокопий Кругликов) содержит лошадь на бирже, а двое (Агафон Бутаков и Александр Харчевников) имеют в Заводе лавки для продажи, как своих изделий, так и перекупаемых от других мастеров и заводов.

Работа производится в течение целого года без перерывов. Но особенное обилие её бывает в летние и осенние месяцы, тогда как в зимнее время многие, особенно из второй группы, по причине безработицы бывают принуждены оставлять свои кузницы и искать временной работы где-либо на стороне. Происходит это по той причине, что большинство Каменских кустарей кузнецов получают свою работу от заказчиков, которыми в летнее время являются главным образом занимающиеся извозом лица, доставляя постоянную и довольно прибыльную работу в виде починки осей и колёс, выковки подков, кования лошадей и т.п. В зимнее же время немалое число извозов направляется другими путями минуя Каменский Завод, да к тому же в это время случаи поломок железных частей сбруи и экипажей извозчиков бывают гораздо реже, почему кузнецу, не готовящему изделий на продажу, приходится в это время чаще оставаться без работы или искать её где-либо на стороне.

Развитие такого числа кузнецов старьёвщиков можно объяснить тем обстоятельством, что до соединения Каменского Завода рельсовым путём с Пермско-Тюменской железной дорогой; через него по пролегающему Исетскому тракту во всякое время года шли постоянные и многочисленные извозы, а стало быть, и не могло быть недостатка в подобного рода работе. Поэтому вполне естественно, что с уничтожением обязательных работ на казённом заводе и происшедшем затем сокращении числа рабочих на последнем, многие из бывших заводских мастеровых превратились в кузнецов старьёвщиков, избравших своею специальностью преимущественно удовлетворение нужд извозчиков. А как работа эта далеко не без выгодная («иногда

за получасовую работу сдерёшь с проезжего 5 р.» – выразился кустарь Василий Бабинов), бывает с известными перемежками и не может, стало быть, по словам самих же рабочих быть утомительной; то всем этим в достаточной мере объясняется – почему все эти лица в течение многих лет не заботились о каком-либо улучшении в своём производстве. Поэтому когда с устройством рельсовых путей начал упадать извозный промысел, – соразмерно с ним начало сокращаться и число кузнецов в Каменском заводе. Так ещё в 1889 году, по словам корреспондента «Екатеринбургской недели», в заводе этом кузнечным промыслом было занято до 45 семей, состоящих из 86 работников и работающих на 53 горна («Екатеринбургская неделя». 1889 г. № 17. С. 357).

Между тем как ныне, спустя только год, число кузнецов и работающих горнов, как можно видеть из сопоставления данных, добытых нынешним исследованием с приведёнными выше цифрами, осталась одна почти треть. Да и самой работы, по словам кустарей, в нынешнее время остаётся только треть же против прежнего. Поэтому многие кузнецы в последнее время оставили свои мастерские и даже самое кузнечное ремесло, а занялись другими, вероятно более выгодными предприятиями. Елисей Шумков, например, превратился в биржевого ямщика, Василий Осипов – сидельца винной лавки, Константин Осипов – заторговал сеном, а сосед его по горну Андрей Черноскутов – предпочёл своему старому ремеслу сенную торговлю. И так далее в этом же роде. Были попытки перенесения своих мастерских и в соседние сёла, но и тут успеха не было: Константин Головин, например, наработавши в селе Колчеданском в долг на 25-30 рублей, и не собравши этого долга, принуждён был продать последнюю корову, чтобы уплатить хозяину за квартиру, и теперь снова работает в своей родной кузнице, с тою только разницей, что в стойле его нет уже более коровы...

С некоторым успехом ведут свои дела только лица первой группы, перечисленные выше сего, что объясняется как известным достатком этих лиц, позволяющим покупать необходимые для

производства материалы из первых рук по более дешёвой цене; так и их умением расширить свою специальность и приурочить свои изделия к потребностям окрестного, исключительно земледельческого населения.

Местом производства кузнечных работ служат нарочито устроенные помещения, а слесарные, особенно соединённые с лудильным производством ремесла особенных мастерских не имеют, а помещаются или в тех же кузницах, или в квартире самих кустарей. Кузницы, расположенные в четырёх пунктах завода, построены из дикого серого камня общими корпусами, вмещающими от 1 до 7 горнов. Устройство причитающейся на один горн части такого корпуса обходится от 25 до 40 рублей, смотря по числу помещающихся в корпусе горнов. Особенных приспособлений для отопления кузнечных корпусов не устраивается и даже существующие при некоторых кузницах слесарные мастерские, если чем и нагреваются, то только теплом, получаемым от работающих горнов. Точно так же не устраивается никаких приспособлений и для освещения, а просто – работа производится или при дневном свете, или же, в случае особенной спешности, при свете того же работающего горна. При работе употребляется инструмент исключительно своего приготовления, кроме чугунных наковален, покупаемых на заводе. Даже более крупные мастерские к покупке необходимых в кузнечно-слесарном деле инструментов не прибегают, а изготавливают их всякий для себя, причём не обращается никакого внимания на отделку, так что инструментальный запас мастерских поражает не только своею бедностью, но и полнейшим отсутствием тщательности и чистоты в отделке. Происходит последнее частью по привычке к небрежному отношению к работе, а частью по отсутствию необходимых для отделки железных изделий инструментов (как например, токарного станка, полировальных ножных кругов и прочего) и невозможности приобрести их на свои средства, хотя необходимость и польза от такого приобретения сознаётся и высказывается многими мастерами (Артемий Анциферов, Семён Анциферов, Николай Медведев и другие). Стоимость имеющихся на каждый горн

инструментов (штат) колеблется между 15 и 40 рублями, сообразно с характером и размерами производства.

Главными материалами потребными для работы служат железо и сталь, а для нагревания употребляется каменный и частью древесный уголь. Каменный уголь приобретается на месте по 6 копеек пуд. Но при возможности стараются запастись более доброкачественным углём из копей Губахинских или Сухоложских, так как местный каменный уголь далеко уступает своей доброкачественностью двум первым, главным образом потому, что не даёт достаточно равномерного жара, необходимого для доведения железа до известного каления, и кроме того зарывает горн. Разница в цене на уголь бывает, смотря по времени, от 2 до 4 копеек на пуд. Древесный же уголь, покупается на стороне от 3 до 5 рублей за короб и идёт преимущественно только для закаливания топоров, сошников, напарий и тому подобных изделий. Железо и сталь некоторыми приобретаются на местном рынке, а более состоятельные кустари покупают эти материалы на местных ярмарках непосредственно от продавцов, приезжающих из других заводов. Разница при этом бывает от 20 до 40, а при покупке на местном рынке в кредит – и до 60 копеек на пуд. Так, привозное продавцами из Кыштымских или Сысертского заводов железо покупается по 1 рублю, а более значительными партиями и по 90 копеек пуд.

Между тем как на местном рынке цена на той же доброты материал не бывает ниже 1 рубля 20 копеек – 1 рубля 40 копеек, а при отпуске в кредит и 1 рубля 60 копеек. В виду такой разницы в цене, многие готовят свои изделия из старого железа (лома), которое покупается от тех же заказчиков и давателей работы по цене от 20 до 80 копеек за пуд, смотря по пригодности покупаемого для переработки. Сталь покупается в большинстве на местном рынке от 3 рублей 10 копеек до 4 рублей 50 копеек за пуд.

Среди предметов производства Каменских кузнецов большого разнообразия, как в доброкачественности, так и в разнообразии форм изделий не замечается. Большинство выделяются одни и те же вещи и сбывают по одним и тем

же ценам. Так серпы, например, сбываются по 15-18 рублей сотня, сошники от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей 50 копеек, топоры 30-35 копеек, ножи 10-12 копеек, боронные зубья 1 рубль 60 копеек – 1 рубль 70 копеек сотня, подковы до 5 рублей 25 копеек за 100 штук. Напарии от 4 до 10 и даже 20 рублей за сотню. Последний вид производства имеет место, впрочем, всего только в двух мастерских: Артемия и Семёна Анциферовых, последний из которых за представленные на Сибирско-Уральскую выставку напарий имеет серебряную медаль. Остальные работы не идут далее починки и оковки экипажей и телег,ковки лошадей и т.п. мелкой производительности. Есть впрочем, и такие кустари, которые по причине безработицы принуждены брать железо от местных торговцев издельно. Но подобная операция далеко невыгодна для кустарей, и потому практикуется ими только в самой крайности. Невыгодна потому, что торговцы в таких случаях отпускают железо не дешевле 1 рубля 60 копеек, а принимают его обратно в переработанном уже виде не дороже 1 рубля 70 копеек за пуд, да ещё с кустика же вычитают 4 копейки за угорающие на пуд перековки 2 фунта. Значит, за пуд перекованного на своих харчах и своём угле железа кустарь получает всего только 6 копеек.

Кроме перечисленных, других форм производства не существует и дальнейшее развитие этого вида кустарничества едва ли возможно без коренной реформы самого состава теперешних кустарей, о чём будет сказано ниже. Сколько-нибудь значительные продажи железных изделий кустарами производятся очень редко, а продаются эти изделия в розницу, почему сортировка, да и самая браковка изделий представляется доброй воле покупателя и производится на месте торга. Не будучи безупречными, изделия некоторых Каменских кузнецов, однако настолько удовлетворительны, что спрос на них не прекращается совершенно даже в годы неурожаев хлеба, хотя большая часть этих изделий принаровлена к обиходу и потребностям земледельческого сословия, как, например, сошники, серпы, боронные зубья и прочее.

Как на тормоз в развитии своего производства

кузнецы указывают на невозможность для них, по причине отсутствия выгодного кредита, покупать для своих изделий более доброкачественные материалы без переплаты посредствующим лицам, а прямо из мест их производства, что кроме улучшения качества, значительно удешевило бы эти изделия и дало возможность направлять их на более отдалённые рынки.

Работа производится по большей части самими кустарами при помощи членов своих семейств и только немногие, исключительно малосемейные нанимают себе помощников (молотобойцев) по цене от 25 до 40 копеек в день на своих харчах. Встречается, впрочем, иногда и издельный вид работы. В последнем случае нанимаемому на его содержании обыкновенно платят: за подковывание ноги лошади 1 копейку, за оковку колеса 1 копейку, за приготовление 100 штук конного гвоздя 7 копеек, за пару подков 1 копейку и т.д. Заработок рабочего при таком порядке никогда не превышает поденной платы и потому издельная работа встречается всего только в одной мастерской по причине отсутствия охотников на неё.

Строго определённого порядка в размере рабочего дня нигде нет: обыкновенно выходят на работу в 6 часов утра и остаются в своих мастерских до 7 часов (а в летнее время и доле) вечера, работая по мере наплыва работы, при наличности которой иногда и Воскресный день превращается в рабочий, как в свою очередь при отсутствии – нередко и рабочий день проводится праздну. Впрочем – вероятно по причине сокращения кузниц – абсолютной безработицы в среде кузнецов завода не замечается, в особенности, если принять во внимание, что все они исключительно живут одним только кузничным заработком, которого по их словам всё-таки достаёт для содержания себя и своих семейств. Содержание это из сравнения бюджета одиннадцати семейств, состоящих от 3 до 10 человек, определяется в среднем в 42 ½ рубля в год на человека. Но действительный годовой заработок должен превышать потребную на содержание сумму, хотя никто этого и не высказывает открыто. В подтверждение такого предложения можно привести следующий факт.

Среди особенно жалующихся на бедственность своего положения невольно обращал на себя внимание кузнец Кирилл Головин, мастерская которого помещается вдали от проезжего тракта и потому особенно часто страдает от безработицы. Так что, по словам Головина месячный заработок его редко превышает 7 рублей, из которых приходится содержать себя и своё пяти членное семейство, и к тому же нанимать молотобойца. Когда же Головину было предложено отправиться работать в село за 10 рублей в месяц на готовом содержании, то он отказался, находя такое предложение мало-выгодным. Да и вообще приходится сказать, что нельзя безусловно доверять показаниям самих кузнецов об их производстве, определить размеры и стоимость которого возможно только чрез особенного специалиста путём практически. И при нынешнем исследовании невольно замечалось, что ни один из кустарей не был искренен в своих сообщениях и вероятно в расчёте возбудить чьё-либо сочувствие, усиленно старался набросить тень на своё положение, заканчивая повествование о действительных и воображаемых нуждах желанием получить ссуду, чуть ли даже не безвозмездную. Желание иметь ссуду от 100 до 300 рублей высказывается почти всеми (исключая двоих) кузнецами, рассчитывающими приобрести на таковую до 50 % в год. Но всматриваясь более внимательно в характер деятельности и самой личности каменского кузнеца, приходится прийти к такому заключению, что в данном случае одна ссуда помочь развитию этого ремесла не может, – не может, не почему-либо другому, как по причине въевшейся в большинство теперешних кузнецов привычки к сравнительно лёгкой и прибыльной старой работе и их недобросовестности по отношению к давателям работы как в размере взимаемой платы за труд, так и в исполнении заказа, особенно если заказчик не обладает навыком, чтобы во время заметить все недостатки изделия. Жалуясь на безработицу, каменский кузнец и понятия не имеет о том, как это в иных промышленных центрах даже печной огонь в доме не пропадает даром (ибо у него семья кустика занимается выковкою гвоздей,

например), – а он иногда целые часы теряет даром в ожидании лёгкой и прибыльной работы. Вместо того, чтобы при отсутствии старой работы заняться каким-либо производством, хотя бы заготовлением того же конского гвоздя или подков, – рабочий выходит на мост реки Каменки и здесь терпеливо ожидает себе работы, предпочитая хотя бы и с переплатой купить эти гвозди и подковы на местном рынке в расчёте, что даватель работы вознаградит его как за праздное проведённые часы, так и за переплату. И это говорится без преувеличения. Всякому, вероятно, при въезде в Каменский завод со стороны села Колчедан приводилось видеть на мосту через реку Каменку целую фалангу кузнецов, поджидающих здесь тех несчастных путников, которые в силу горькой необходимости принуждены бывают обращаться к услугам этой фаланги и за починку копеечных поломок платить иногда целые рубли. Вообще – исполнить недобросовестно заказ, употребить для него менее доброкачественный, зато более дешёвый материал и взять с заказчика за свой труд втридорога – считается делом самым обыкновенным и особенно ловкие в подобном случае даже хвастают, что вот здесь с такого-то за сварку оси я взял 5 рублей, а с этого за пятиминутную работу целый рубль. И подобная недобросовестность допускается не только по отношению к людям пришлым, но даже и к местным жителям. У одного проживающего в заводе инженера, например, по рассказу г. Станового Пристава, каменские кузнецы взяли для оковки экипаж, и получивши условленную плату вперёд, до того гадко исполнили свою работу, что заказчик принуждён был передать свой экипаж в другие руки и попуститься уплаченными деньгами. Ну, понятно, и заказчик хорошо знает подобных кустарей и при малейшей для себя возможности, предпочитает приобрести нужную ему вещь на рынке или перенести свой заказ в другую, хотя бы и более отдалённую, но зато и более добросовестную мастерскую...» [9; 132-139]. К сожалению, окончание документа не сохранилось.

По данным этого обследования кузнечным производством в Каменском Заводе занимались следующие хозяева: Александр Андреевич

Харчевников, Агафон Афиногенович Бутаков, Николай Иванович Медведев, Пётр Григорьевич Кругликов, Емельян Григорьевич Медведев, Александр Петрович Черноскутов, Иван Павлович Бобин, Николай Сергеевич Кругликов, Василий Павлович Бобин, Иван Павлович Ерёмин, Прокопий Львович Кругликов, Егор Афиногенович Бутаков, Василий Петрович Тупикин, Иван Каспарович Косяков, Алексей Максимович Косяков, Сергей Петрович Анциферов, Павел Петрович Анциферов, Пётр Алексеевич Клевакин, Иван Михайлович Верхотуров, Кирилл Семёнович Головин, Василий Фёдорович Фёдоров. Кузнечно-слесарным ремеслом занимались Артемий Семёнович Анциферов и Семён Никонорович Анциферов. Слесарным – Матвей Григорьевич Ерышев [9; 141].

В апреле 1889 года «жители Каменского Завода, имеющие свои собственные кузнечные горны и занимающиеся разного рода промышленностью» собрались при Каменском волостном правлении и решили «составить из всех

подписавшихся артель по образцу Нижне-Тагильского селения, и согласно утверждённому их уставу открыть свои действия в Каменском заводе» [9; 16, 17]. Однако в изучаемый период кузнечная артель в Каменском Заводе так и не была создана.

В начале XX века стало очевидно, что затраты земства не приносят полной отдачи. В среде кустарей развивались идеи иждивенчества. Препятствием к созданию и дальнейшему развитию артелей являлась неподготовленность кустарей к ведению многих операций, непривычных для них: кустари имели лишь навыки производства, зачастую не имея никакого представления об организации сложного производства, отчетности, сбыта готовых изделий. Вследствие отсутствия технических знаний к усовершенствованию ремесла предметы производства не выдерживали конкуренции как по чистоте и прочности выделки, так и по стоимости обработки с фабричными и заводскими способами.

Примечания:

1. Алов А. А. Об отмене законоположений, стесняющих устройство на Урале кустарных огнедействующих заведений: отчёт 1900 г. А.А. Алова. – Санкт-Петербург: Паровая скоропечатня «Восток» М.М. Гутзац, 1900.
2. Акт поверке Уставной Грамоты, Пермской губернии, Камышловского уезда, Каменского завода от 25 июля 1864 г. Рукопись//Каменск-Уральский краеведческий музей (КУКМ) Инв. № 9874.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.319. Оп.1. Д.5.
4. ГАПК. Ф.319. Оп.1. Д.70.
5. Записки УОЛЕ. Том 10. Вып. 3. – Екатеринбург, 1887.
6. Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. УОЛЕ в Екатеринбурге. – Екатеринбург, 1887.
7. Кашаева Ю.А. Пермское земство и развитие кустарных промыслов в 1880-х – 1914 годах. // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура, история, философия, право. – Пермь: Издательство ПГТУ, 2010 - № 3 (29)
8. Адрес-календарь и памятная книга Пермской губернии на 1899 г. – Пермь, 1899. – Отдел III. Пермская губерния в 1897 году.
9. ГАПК. Ф.319. Оп.1. Д.4.

Рождение газеты «За Большой Урал»

Год 90-летия «Каменского рабочего» – хорошее время для того, чтобы заглянуть в самые глубины его истории. Днем рождения считается 2 января 1931 года, поэтому перенесемся сегодня чуть раньше, в год 1930-й. Там происходили все события. Там надо искать истоки городской газеты.

Предыстория

Но сначала – предыстория. Первая типографская газета вышла в Каменском Заводе 7 сентября 1919 года. Называлась она «Каменский рабоче-крестьянский листок».

В конце октября 1920 года было принято решение о создании Каменского уезда и преобразовании Каменска в город. Новый статус требовал новой газеты, которая получила название «Путь к коммуне». Выходила она недолго. В июле 1922 года Каменский уезд и его печатный орган были упразднены.

3 ноября 1923 года была образована Уральская область, которую разделили на округа, а округа – на районы. Поселок Каменск стал центром Каменского района Шадринского округа. Основные рычаги управления оказались в Шадринске.

Газета району тоже была не положена, и каменцам пришлось узнавать новости из окружающей газеты, издававшейся в Шадринске. Называлась она сначала «Рабоче-крестьянская правда», потом «Шадринская окружная крестьянская газета» и (какое совпадение!) «Путь к коммуне».

1930 год

Без собственной газеты Каменск прожил 8 лет. Неизвестно, сколько еще бы так продолжалось, если бы не подспела очередная административная реформа. В июле 1930 года округа решили ликвидировать, а властные полномочия передать районам. Передаче подлежала и

«четвертая власть» – власть печатного слова.

В огромной Уральской области было тогда 203 района. Организовать газеты сразу во всех было нереально. Надо было выбрать приоритеты. 27 июля вышло постановление обкома ВКП(б) «О печати Уральской области в связи с ликвидацией округов», определившее 70 районов, в которых газеты должны были появиться в первую очередь. Каменск в список вошел, третьим с конца, с минимальными показателями: тираж – 3000, формат – малый (413 на 580 мм), число страниц – 4, номеров в месяц – 6. Отмечено, что типографии в поселке нет и надо ее создать. Подобрать название и редколлегию крестьянской газете надо было на месте.

16 октября руководитель района – секретарь районного комитета партии Смирнов – вернулся из Свердловска с конкретными инструкциями по организации печатного издания. На заседании бюро райкома были приняты основные решения. Организовать типографию и создать условия для прибывающих в нее рабочих и руководителей. Работников редакции подобрать самим, а редактора просить прислать со стороны, потому что в Каменске таких специалистов нет. Широко развернуть подписную компанию. Выпустить первый номер не позднее 7 ноября.

К 13-й годовщине революции, конечно, газету создать не успели. Только 9 ноября обком наконец-то подобрал ответственного редактора. После его приезда в Каменск дело пошло энергичнее и вышло на финишную прямую.

1 января 1931 года бюро Каменского райкома ВКП(б) приняло постановление «О районной газете». (Дата пусть вас не смущает: Новый год тогда не праздновали и день был рабочим.) Вот этот исторический документ:

«1. Утвердить название газеты «За Большой Урал».

2. Редактором утвердить тов. Аксенова.»

Понятно, что решение носило формальный характер: к моменту его принятия уже были известны и редактор, и название и отпечатан тираж 1500 экземпляров. Интересно было бы узнать, какие еще варианты наименований предлагались, но история их не сохранила.

Выход первого номера был приурочен к важному событию – открытию 7-го районного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Вечером 2 января 1931 года собравшиеся в клубе горняков делегаты читали пахнувший краской № 1. Жизнь газеты началась...

А как называлась газета?

Вопрос возникает потому, что к утвержденному названию «За Большой Урал» редакция относилась весьма вольно. На газетных страницах и в документах встречаются 4 варианта его написания. Слово «большой» могло начинаться и со строчной, и с прописной буквы, а в конце мог стоять или не стоять восклицательный знак. Использовалась также традиционная аббревиатура по первым буквам слов: «ЗБУ».

Что такое «Большой Урал»?

В мае 1929 года был утвержден пятилетний план развития СССР на период 1928–1932 годов. Чтобы не отставать от страны и взять повышенные обязательства, в апреле 1930 года Уральский обком ВКП(б) принял свой план, получивший название «Большой Урал». Призыв к его выполнению – «За Большой Урал» – стал популярным лозунгом, который звучал на митингах, собраниях, с газетных страниц, с агитационных плакатов. Его взяли в качестве названия многие колхозы, в том числе и в Каменском районе. А вот газет с таким названием известно только две: у нас и в Пашийском Заводе.

Итоги выполнения плана «Большой Урал» подвели в 1933 году. Он дал большой толчок развитию индустрии, но выполнить в полном объеме его не удалось: слишком завышены были показатели.

После деления в 1934 году Уральской области на три области о плане быстро забыли. И в Каменске тоже. 7 августа 1934 года «чрезвычайно неточное и расплывчатое» название

райгазеты «За Большой Урал» заменили на «Каменский Рабочий».

Где размещалась первая редакция?

Адрес указан в заглавии газеты: Ленинская улица, дом № 22. Но нумерация с тех пор помещалась... Краеведы долго ломали головы, что это за место, но к единому мнению не пришли. Судя по старым картам, сейчас этот дом имеет номер 110. В дальнейшем редакция несколько раз переезжала.

Загадка первого номера

Казалось бы, какие могут быть сомнения по поводу даты его выхода? Вот он перед нами: «№ 1. Пятница 2 января 1931 года». Но не все так просто...

В декабре 1940 года Каменск готовился к большому празднику – 10-летию юбилею своей газеты. Горком партии создал специальную комиссию, чтобы достойно отметить этот день... 28 декабря.

20-летие газета отмечала 28 декабря 1950 года. Иван Потоцкий в праздничном выпуске описывал событие художественно: «В морозное утро 28 декабря 1930 года почтальоны небольшого Каменского поселка начали разносить по учреждениям и квартирам подписчиков первый номер местной газеты».

30-летие и 40-летие издания прошли незаметно. Вдруг в заглавии номера от 12 марта 1975 года появляется фраза: «Газета основана в 1931 году». 4 апреля 1980 года надпись становится точнее: «Газета выходит со 2 января 1931 года». А уж золотой юбилей «Каменский рабочий» отметил с размахом, отдав под него все 4 газетные полосы 2 января 1981 года.

Почему возник разнобой в датах? И архивные документы по этому поводу молчат, и очевидцев событий уже не спросишь. Остается гадать и предполагать. Неправильно вспомнили дату в 1940 году? Ошиблись с нумерацией и напечатали два первых номера? Напечатали номер заранее, 28 декабря, а дату поставили 2 января? Вопросы пока остаются без ответов...

Первый редактор

Личность первого редактора газеты «За Большой Урал» долго оставалась загадкой. Известна была только его фамилия и первая буква имени.

Ну не любили в начале 1930-х годов писать в документах имя и отчество, заменяя их коротким сокращением «т.» – «товарищ». Потребовались серьезные краеведческие поиски, и вот сегодня мы можем показать его лицо и рассказать немного о его жизни.

Ксенофонт Яковлевич Аксенов появился на свет в Златоусте 7 февраля 1903 года в семье рабочего. Повзрослев, начал трудиться ремонтным рабочим на железной дороге. Через 3 года пришлось взять в руки оружие: время было такое. С 1919 по 1923 год воевал в Красной армии.

Когда закончилась война, вернулся на железную дорогу, стал работать агентом по передаче грузов. Три года старшие товарищи к Ксенофонту присматривались, затем стали продвигать: приняли в партию, избрали секретарем райкома комсомола, назначили заведовать отделом культуры и пропаганды райкома ВКП(б). Потом были два года учебы в Уральском коммунистическом университете.

Для 27-летнего выпускника быстро нашлось дело. 9 ноября 1930 года его направили в Каменск создавать новую районную газету.

1 января 1931 года бюро Каменского райкома ВКП(б) утвердило Аксенова редактором газеты «За Большой Урал». 26 января он сам стал членом бюро – одним из 11 человек, определявших всю жизнь района. И он, и последующие редакторы занимали это место по должности. Его задачей было донести до населения и разъяснить принятые решения, используя печатное слово.

Понятно, чем занимался руководитель ново-рожденной газеты. Налаживал взаимодействие с только что созданной типографией. Готовил авторов: учил писать пришедших с производства литературных работников, подбирал кадры рабочих и сельских корреспондентов. Создавал лицо газеты, как по оформлению, так и по содержанию. Приучал жителей читать свою газету и вербовал подписчиков.

Все шло свои чередом до 15 февраля. В тот день в областной газете «Уральский рабочий» появилась корреспонденция Аксенова «0,8% роста коллективизации – результат оппортунистической практики». Маленькая заметка вызвала в Каменске большой скандал.

Бюро райкома партии собралось на экстренное заседание. Возразить по сути публикации было нечего: вступление единоличников в колхозы по Каменскому району было провалено. Но обвинять в этом руководителей района, да еще через их голову – это было серьезно. В ответ районного редактора обвинили в мелкобуржуазных заскоках и третировании своих товарищей. Следы той склоки до сих пор хранят партийные документы и страницы «Уральского рабочего».

После проведенной обкомом партии проверки градус взаимных обвинений снизился, но работать вместе райком и Аксенов уже не могли. Итог был предсказуем: 11 марта 1931 года у газеты «За Большой Урал» появился новый редактор – Иван Алексеевич Прохоров.

Проработав в Каменске 4 месяца, Ксенофонт Яковлевич вернулся в Свердловск. Его следующей газетой стала многотиражка «Сталинец» Уралмашзавода, где он был уже не редактором, а заместителем.

В 1932 году Аксенова опять направили на учебу, на этот раз на заочно-консультационное отделение Института красной профессуры литературы, искусства и языка. Не каждому человеку позволяли так много учиться: опытные кадры были нужны на социалистическом строительстве.

Великая Отечественная война застала Ксенофонта Аксенова в Уфе. В сентябре 1941-го его призвали в армию: знания и опыт газетчика были нужны фронту. Выдающихся подвигов он не совершил, но служил, как положено. Свидетельство тому – 4 награды: ордена Красной Звезды (1944) и Отечественной войны II степени (1945), медали «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией».

«Ответственный секретарь редакции армейской газеты «На разгром врага» [6-й армии 1-го Украинского фронта] неустанно творчески работает над каждым номером газеты. Отказывая себе в отдыхе, работая день и ночь, отдавая все свои силы своевременному выпуску газеты, литературно-грамотно оформленной, товарищ Аксенов показал хорошие качества военного журналиста во все периоды боев нашей армии. В трудных условиях боевой обстановки гвардии

майор Аксенов способствовал своевременному выходу газеты с оперативными материалами, зовущими советских воинов к выполнению приказов командования, к разгрому врага».

После Победы наш герой остался в военной журналистике. На его груди появились еще две государственные награды: медаль «За боевые

заслуги» (1950) и второй орден Красной Звезды (1954).

7 сентября 1957 года гвардии подполковник Аксенов вышел в отставку. Потом были 27 лет гражданской жизни. Где он их провёл, чем занимался? Сведений нет... Умер Ксенофонт Яковлевич в 1984 году.

* * *

Е. Е. Пермякова, библиотекарь

Н. Н. Пермякова, зав. сектором по информационной работе

М. Ю. Серяк, ведущий библиотекарь

Библиотека № 17 МАУК «ЦБС» г. Каменск-Уральский

Жизнь в белых халатах.

О детской поликлинике посёлка имени Чкалова

В этом году Каменск-Уральский встретил 320-летний юбилей. Город рос и хорошел, а вместе с ним росло и развивалось наше здравоохранение. Появились новые больницы, поликлиники.

В 1967 году к пятидесятилетию советской власти силами трудящихся Каменск-Уральского металлургического завода построена и сдана в эксплуатацию детская поликлиника, которая вошла в состав городской больницы № 3.

Новое уютное здание гостеприимно распахнуло двери для юных пациентов в посёлке имени Чкалова по улице Трудовые резервы, 5 А. Рассчитана поликлиника на 150 посещений в смену.

На первом этаже находилась регистратура и 13 кабинетов: два кабинета педиатра, комната молодой матери, кабинет зубного врача, кабинет

заведующей поликлиникой и врачебно-консультационная комиссия, боксы, лаборатория, физ. кабинет, процедурный, окулист и отоларинголог, фтизиатр, прививочный кабинет.

В цокольном этаже располагались: гардероб, зал лечебной физкультуры, сестринская, кабинет старшей медсестры, раздача молока, картошка, сестра-хозяйка, хирург, дерматолог.

Медицина как часть науки – это одна из наиболее важных областей деятельности человека. Именно она позволяет успешно бороться со многими болезнями и обеспечивать долголетие. И те, кто по-настоящему достойны признания – это медики.

«Считаю, всё зависит от человека»

Из воспоминаний Дуровой Валентины Степановны

Моя родина д. Москвино Каслинского района Челябинской области. Родилась в 1941 году в большой семье, где воспитывалось шестеро детей. Я с детства решила, что буду работать медиком. Меня привлекала эта профессия. Ещё когда училась в школе, прибежала в аптеку и принюхивалась к запахам медикаментов. После 10 класса в 1960 году приехала в Каменск-Уральский. Родителям тяжело было отпускать самую младшую дочь, но они хотели, чтобы я училась, вот и отпустили. Поступала в Свердловский мединститут, но не сдала вступительные экзамены.

Устроилась санитарочкой в больницу № 3, где главврачом работала Кляшторная Тамара Лазаревна. О ней у меня остались самые добрые воспоминания. Женщина энергичная, аккуратная, стройная, элегантная, внимательная и обходительная, но как главный врач больницы, очень строгая. В то же время всегда чувствовала её поддержка. К ней можно было прийти по любому вопросу, и она, имея огромный жизненный опыт, давала мудрый совет.

Проработала я десять месяцев, Тамара Лазаревна мне говорит: «Давай, Валентина Степановна, на учёбу. Нечего санитарочкой работать». Вот и поступила я в 1961 году в медицинское училище, которое находилось в старом Каменске. Здесь же жила на квартире. От училища платили три рубля хозяйке, остальное доплачивали сами съёмщики. Пока я училась, в летние каникулы Тамара Лазаревна брала меня участковой медсестрой.

После окончания училища в 1963 году устроилась в больницу № 7. Затем, с 1965 по 1969 год я работала в детской поликлинике участковой медсестрой первого участка, куда входили посёлок Красная Звезда и деревня Волково. Участковым фельдшером была Стражникова Инна Георгиевна, а заведующей – Низовских Тамара Дмитриевна. Хорошо помню Антонову Нину Исаевну, Буракович Тамару Павловну, Хусаиновну Нину Сергеевну. Работали так до осени 1967 года.

У участковых, конечно, была большая загруженность. Детей на участке иногда числилось больше тысячи. Медсёстры ходили на дом и

приглашали на прививки, давали витамины. Раньше процедурный кабинет посещали реже, потому что инъекции делали участковые медсёстры на дому. Таблеточки от полиомиелита также раздавали на дому. Их не разрешали оставлять детям на потом. Нужно было, чтобы их принимали при медсестре. После выпуска вакцины в каплях, пациенты стали приходить в процедурный кабинет. Участок мы обходили пешком, машин специальных не было. А когда-то давно на отдалённые территории добирались на лошади.

В ноябре коллектив детской поликлиники переехал в новое отдельное здание. Главврачом осталась Тамара Лазаревна Кляшторная, а заведующей Низовских Тамара Дмитриевна. После отъезда старшей медсестры Тамары Ивановны Устюжаниной, в 1969 году я заменила её на этой должности.

В 1971 году окончила двухмесячные курсы на физиотерапевта в Свердловске. Получила 1 категорию и стала работать в физ.кабинете. Тогда на приём записи не было, а народу было очень много. В очередях сидели долго, особенно если сезон. Но старалась принять всех. Трудилась на полторы ставки, совмещая работу в процедурном кабинете и в регистратуре. Хоть тяжело-то приходилось, но как-то всё успевала.

Старалась найти к детям подход, и они с удовольствием шли на физ.процедуры. Чтобы малыши не капризничали, давала им игрушки. В процедурном кабинете тоже нужно как-то успокоить юных пациентов, не напугать. Уговаривала, разговаривала. А вообще, просто с добротой, лаской, вниманием и уважением относилась к ним. Я и до сих пор детей очень люблю. Считаю, всё зависит от человека.

Когда я пришла работать в 1963 году, то получала всего 40 рублей. Потом 60. А когда стали получать 90, то мы были такие радостные, такие счастливые.

В 1973 году нас отдали в 1-ю детскую больницу. Там главный врач уже стал Аникин Владимир Аркадьевич, затем Клеймёнов Юрий Петрович.

Одно время заведующей была Савченко Галина Алексеевна. Она очень хорошая, щепетильная, деликатная врач. А начинала работать

на 2 участке участковым врачом. Родители пациентов её очень уважали, ценили.

Коллектив у нас был дружный. Вместе отмечали дни рождения, праздники, устраивали застолье, песни пели. Никогда друг на друга не обижались, переживали за каждого, делили печали и радости. Всё как-то было мирно, душевно, спокойно. С таким коллективом можно было горы сдвинуть.

Вот так мы и проработали всю жизнь. В 1996 году вышла на пенсию, но продолжала работать. С 1996 ещё проработала 11 лет там же на этой должности. Работала до 2007 года. Всего рабочего стажа 44 года. И всё в медицине.

После выхода на пенсию часто заходила в поликлинику, моё сердце учащённо билось. Многие мамы, их дети до сих пор узнают меня и уважительно здороваются. А это приятно, что труд не пропал даром, что не зря сделан выбор.

«Профессия, приносящая людям здоровье и добро»

Из воспоминаний Корикаловой Антонины Николаевны

Родилась я в 1943 году в городе Каменске-Уральском. Жили по улице Столяров. В семье было четверо детей.

После окончания девятого класса школы № 7 продолжила учёбу в вечерней школе рабочей молодёжи.

Свою трудовую деятельность начала в 18 лет в Общепите заводоуправления КУМЗа. Потом перешла кухонным работником в цеховую столовую. Но меня привлекала медицина, и я поступила на курсы Красного креста и Красного полумесяца. Курсы проходили в здании, где сейчас расположено педагогическое училище. Днём работала, а вечером шла на занятия, которые начинались с 18.00 и заканчивались в 22.00.

В 1966 году, после окончания двухгодичных курсов, как и многим другим, мне предложили поехать работать в деревню. В те годы таким молодым специалистам выдавали свидетельство, по которому они могли бесплатно получить жильё. Но я осталась в городе, ведь нужно было ухаживать за мамой. Устроилась работать в Детскую поликлинику участковой медсестрой.

В то время это было детское отделение, которое располагалось во взрослой поликлинике. В небольшом закутке принимали 6 участков. Потом к 50-летию октябрьской революции открылась новая детская поликлиника. Всё было красиво, нарядно, красочно. В коридорах и кабинетах панно и игрушки. Оборудовали всё так, чтобы маленьким пациентам было удобно и не страшно. После небольшого помещения, где мы ютились раньше, такое светлое отдельное здание, новенькие кабинеты нас порадовали и впечатлили. На новом месте так же было 6 педиатрических участков. До 1973 года мы все относились к больнице. В состав детской поликлиники также входили все детские сады и школы посёлка, в которых были свои медработники. Затем они отошли в отдельную организацию.

Главврачом работала Кляшторная Тамара Лазаревна. Для неё все вопросы жизни больницы были очень важными, жизнь коллектива – это её жизнь. Все, кто трудился с Тамарой Лазаревной, благодарны судьбе за то, что она свела их с этим удивительным человеком.

Свои первые шаги в медицине я начала с фельдшером Валентиной Васильевной Сапоговой. Пять лет мы обслуживали участок Силикатного посёлка. Когда впервые пошла на участок, ещё плохо знала его территорию. А там кругом карьеры, песок... Вот и заблудилась. Забрела куда-то в огород, выйти никак не могу. Время уже к трём часам подходит, приём скоро начнётся. С трудом выбрела, но не опоздала.

Мой участок в посёлке Силикатный находился далеко от поликлиники, автобусы ходили плохо, приходилось ходить пешком. Поэтому, когда освободилось место на 1-ом участке, куда входили деревня Волково и посёлок Красная звезда, я решила перейти туда. Участковым фельдшером была Мальцева Любовь Анатольевна. Так с 1970 года и до конца своей трудовой деятельности проработала на этом участке.

С теплотой вспоминаю своих коллег: заведующую Тамару Дмитриевну Низовских, ветерана фельдшера Нину Сергеевну Хусаинову, медсестру Валентину Степановну Дурову, старшую медсестру Тамару Ивановну Устюжанину. Долгое время работником молочной кухни была

Клавдия Андреевна Шабанова. Дети получали разнообразное питание: молоко стерильное, кефир, творог, дрожжевой напиток.

Много фельдшеров перебивало на моём веку. Менялся и медперсонал, приходили интерны, которые через два месяца уходили и приходили другие.

В 80-х годах после окончания института к нам пришла врач Савченко Галина Алексеевна. Она внимательный специалист, с добротой относящийся ко всем детям. У неё на приёме всегда царил комфортная атмосфера.

Посчастливилось мне работать и с замечательным фельдшером Светланой Валерьевной Тюшевой. Её мягкость, теплота, отзывчивость и ласковое обращение с коллегами, пациентами и их родителями никого не могли оставить равнодушным.

Работать нравилось. В обязанности участковых медсестер входил патронаж новорожденных, навещали беременных, приглашали на прививки, на плановый осмотр тех, кто стоял на учёте. Когда только начинала работать, очень много было маленьких пациентов, заболевших корью. После кори осложнения и воспаления. Часто болели кишечными инфекциями. К таким семьям приезжала дезинфекция, и обязательно

обрабатывала помещение. Иногда мы сдавали кровь, но статуса донора я не имею. Чтобы поддерживать свой профессиональный уровень, проходила курсы повышения квалификации. Получила высшую категорию. Конечно, были и трудности. Всякое случалось.

Помню, шла я как-то по улице Штукатуров на патронаж к новорожденному. Вдруг выскочили собаки. Я испугалась, кричу: «мама, мама!». Ко мне на помощь выбежала женщина, схватила рейку и отогнала собак.

К работе относились очень серьёзно и ответственно. А к праздничным датам проводились торжественные собрания, выступала художественная самодеятельность лечебных учреждений, организовывались танцы.

Так прошла моя трудовая деятельность, за которую имею грамоты и благодарственные письма. На заслуженный отдых ушла в 2007 году, проработав в системе здравоохранения 41 год. За многолетнюю работу и трудовые заслуги присвоено звание «Ветеран труда».

Многому я научилась в родной поликлинике, где лечились маленькие дети посёлка Чкалова. Я очень довольна и горжусь, что выбрала эту профессию, приносящую людям здоровье и добро.

Примечание:

1. Авторский коллектив данного проекта «Жизнь в белых халатах» получил 3-е место в Областном краеведческом конкурсе «Неизвестный Урал-2021»

* * *

Н. А. Пуголовкина, ведущий библиотекарь
Библиотека № 17 МАУК ЦБС
г. Каменск-Уральский

«Мимо сердца не получается...»

Сегодня мне бы хотелось познакомить всех с известной каменской поэтессой Ириной Борисовной Шляпниковой. И говорить я буду ее словами.

«Так получается, что стихи про детство и детей приходят с возрастом. Я сделала такое открытие: в молодости об этом не думается, там есть другие моменты – первая влюбленность, какие-то душевные переживания. Но постепенно становишься старше, уходишь от юного возраста, уже имеешь жизненный опыт. Вот тогда приходят стихи о детстве, и память, как калейдоскоп, возвращает тебя туда.

Первые строчки сложились в начальной школе – в четвертом классе. Маленькие, коротенькие. Получались сперва различные четверостишия в стенгазету на прогульщиков, нарушителей дисциплины. В тот момент я точно не собиралась становиться поэтом. А потом как-то у меня сложились строчки коротенького стихотворения про осень. К большому сожалению, этого стихотворения нет, но в памяти сохранилось вот что:

*«Люблю я осень очень
С шумящей листвой,
Люблю я очень дождик
Мелкий проливной.
Но больше всего на свете,
Скажу вам по секрету,
Больше всего на свете
Люблю я конфеты».*

Вот такое стихотворение, которое до сих пор живет в памяти. Это было самое начало поэтической жизни моей.

В пятом классе на уроке истории Людмила Федоровна Беспалова рассказывала нам о восстании Спартака, и меня настолько впечатлило ее эмоциональное повествование, что я не осталась в стороне и написала большое стихотво-

рение почти гекзаметром. Этого стихотворения тоже сейчас нет. Мой Спартак выглядел просто так по-чапаевски. Я его таким представляла. Помню, прочитала его перед всем классом с гордостью. Конечно, меня похвалили, видимо, «авансом». Вот с этого как-то и пошло.

В десятом классе, как любой максималист, решила, что уже чего-то достигла. Послала три стихотворения в газету «Комсомольская правда». И я надеялась на огромный успех. Мне пришло письмо от Сергея Наровчатова – это был тогда знаменитый литератор. И вот он не поленился, ответил не казенно, не просто в виде отписки. Он буквально разобрал все три моих стихотворения, указал мне на ошибки. Единственная положительная фраза из этого почти убийственного письма была такой: «У Вас есть потенциал, нужно писать дальше». Но в тот момент мне писать не хотелось совершенно точно. Казалось, что жизнь закончена... Однако это тоже был опыт. Сейчас я улыбаюсь, вспоминая себя семнадцатилетнюю.

Выбор будущей специальности со стихами и связывала. Была цель – поступить в Шадринский педагогический институт на учителя русского языка и литературы. Перед глазами был пример учителей, на которых хотелось быть похожей. Я всегда удивлялась, как они могли рассказать свой предмет так, что все мы слушали с открытыми ртами. Для меня это было основополагающим при выборе будущей профессии. Тем более что эти предметы мне очень нравились. Я знаю, что дети, которым я преподавала литературу и русский язык, тоже стали учителями и до сих пор трудятся в этом звании.

Но от судьбы или от таланта не уйдешь. Именно в институте мне повезло. На факультете был литературный кружок, который вел Александр

Михайлович Виноградов – известный поэт, член Союза писателей не только Курганской области. Я волей судьбы попала в этот кружок. У нас на факультете многие писали. Но, как сказала наш куратор Вера Николаевна Бекетова, я из всех оказалась самая «писучая». Прямо такими словами. Александр Михайлович и критиковал, и советовал, где-то что-то исправлял. Через все прошли: и через графоманию, и через ошибки, и через большие несовершенства. Стихи появлялись в местной газете «Филолог», и было большой честью напечататься в ней. Из этого кружка я очень много вынесла для себя. Больше я никогда не занималась в литературных кружках.

Примерно в 1977 году я писала стихи про свое детство. Мне было девятнадцать, и я скучала по дому. Этот начальный опыт вошел в мою первую книгу «Босая душа».

После 5 лет работы в школе пришлось уйти по состоянию здоровья. Я стала работать в детском саду. Немного другой возраст детей, иная специфика работы. Но все равно меня окружали дети. До пенсии работала с дошколятами. Писать на тот момент я продолжала для себя, «в стол». Лишь изредка для занятий с детьми.

Бывало так, что во время прогулки дети бегают, играют, а я стою, наблюдаю за ними, и в голове рождаются строчки. Например, весной один ребенок подошел ко мне и сказал: «Как надоела эта зима! Скорей бы весна!». Так родились строчки:

*«Уходи, зима, уходи
И свои снега уноси...»*

Мы с ребятами потом даже выучили это. Стихи коротенькие, как закличка, получились. И мы ее иногда использовали в различных игровых моментах в детском саду.

В 1996 году я написала «Уральскую мозаику» – цикл стихов для детей, своего рода азбуку. На каждую букву алфавита было стихотворение на определенную уральскую тему. На букву «Б» – «Бажов», буква «К» означала Каменск-Уральский, «Я» – «Ирбитскую ярмарку», «Ф» – «флот».

*«На Урале нет морей,
Нет красавцев-кораблей.
Но сказать, друзья, охота –
Без Урала нету флота!»*

«Уральскую мозаику» можно использовать для знакомства детей с родным краем.

Я очень любила вместе с детьми рифмовать слова. Я задавала слово, а дети в течение дня рифмовали его с другими. Например, «комар-кошмар». Эта игра продолжалась целыми днями. Ребята – большие выдумщики, и я иногда записывала их рифмы, а потом использовала в стихотворениях. Так дети были моими добровольными помощниками.

Каждый ребенок при выпуске из детского сада получал свое именное стихотворение-напутствие с упоминанием того, как прошла его детсадовская жизнь. И эти мои подарки не оставались без ответа. Вот история стихотворения «Подарок», вошедшего в мой первый сборник.

Максим Мартюшев, уже будучи первоклассником, пришел ко мне с палочкой. На первый взгляд она была обыкновенной, очень гладкой с отверстием внутри, похожей на дудочку. Он подарил мне эту палочку со словами: «Ирина Борисовна, я Вам дарю не просто палочку. Это волшебная палочка. Все, что задумаете, все исполнится!». И я была настолько тронута таким незамысловатым подарком, что родилось это стихотворение:

Для меня это было так волшебно, так искренне!

Как ни странно, у меня не получалось писать о своих детях, для них. А вот для чужих ребят стихи ложились ровной строчкой. Не могу этого объяснить.

С внуками было иначе. Первый внук для меня – это радостное чувство. На день рождения я ему писала стихотворение в духе Маяковского. О внучке у меня тоже есть упоминание в одноименном стихотворении.

В 2003 году я робко послала свои стихи на «Рождественский поэтический конкурс». Хотя я ни на что не надеялась, меня отметили призом. Начало было радостным, и меня это очень вдохновило. В 2013 году я уже заняла 3 место.

Писать для детей гораздо сложнее, чем для взрослых. Люди, которые это делают, совершают поэтический подвиг. Это я говорю с полной откровенностью. Стихи для детей должны быть либо хорошими, либо их вообще не стоит

писать. Потому что это особый мир, особая стилистика, особые образы, даже техническая сторона стихотворения совсем иная. Надо чтобы дети приняли эти стихи всей душой.

Я мало пишу для детей, это сложно и ответственно. Я предпочитаю «околодетскую» тему со своими личными впечатлениями о детстве. Пишу всегда через себя. Мимо сердца не получается. Это те моменты, которые пережиты мною. И когда ребенок прочитает эти строки, они будут ему понятны.

Мое детство... Хорошо, что оно было, чтобы согреть меня в холодные дни, чтобы окунать в радостные воспоминания. Дорогая память о днях, которые я храню в своем сердце. Удивительный мир, который так близок, но при этом

остался так далек, и недоступен теперь. Волшебная страна, поездку в которую так приятно вспоминать.

Детство живет в каждой строчке, значит, детство будет жить в читателе, который читает раз за разом эти стихотворения. Возможно, кто-то, прочитав мои стихи за кружкой чая, вспомнит свое детство, и на душе его станет тепло. Нет, детство не ушло, не забыто. Оно живет в воспоминаниях, в каждом ребенке. В каждой строчке стиха».

У Ирины Борисовны Шляпниковой уже вышло две книги: первая – «Босая душа» и вторая – «Счастливый билет». Откройте их и окунитесь в светлый мир ее стихотворений!

* * *

Л. А. Сарабанская
Зав. библиотекой № 17 МАУК ЦБС
г. Каменск-Уральский

Старая Красногорка глазами фотографа-любителя Анатолия Тихоновича Мальгина

Анатолий Тихонович Мальгин родился 7 февраля 1929 года в небольшой деревеньке Кокорино Уральской области. Как известно, в 1923 году Пермская губерния была упразднена, а её территория включена в состав Уральской области с центром в Екатеринбурге. А с 8 марта 1940 года по 2 октября 1957 года деревня входила в состав Молотовской области. Именно по-

этому в аттестате зрелости, который выдали в 1947 году юному выпускнику Анатолию, написано «Родился в деревне Кокорино Молотовской области». В средних и старших классах он учился в поселке Боровске, который являлся пригородом Соликамска, в школе № 12, потому что в родной деревне была только начальная школа. Сохранилась единственная фотография этого

выпуска, на которой он сам себя отметил крестиком.

В октябре 1945 года Анатолий вступил в члены ВЛКСМ. Его комсомольский билет – важная частичка нашего семейного архива. А после окончания средней школы он поступает на дневное отделение Горьковского индустриального института имени А. А.Жданова, чтобы стать инженером, так как эта профессия в те времена ценилась очень высоко.

Студенческие годы знаменательны тем, что именно тогда Анатолий Мальгин впервые взял в руки фотоаппарат и сделал свои первые снимки. Его самый первый фотоаппарат, который хранится в нашей семье, – немецкий Voigtlander [Фойгтлендер, Фохтлендер] Virtus. В свое время это был элегантный складной среднеформатный фотоаппарат. Он выпускался с 1932 по 1935 годы, и было выпущено всего 10000 штук.

Первые снимки – это, конечно, пейзажи города Горького, а также себя и своих друзей. Теперь эти фотографии являются исторической редкостью, а тогда – поводом для радости и ... учебы. Анатолий тщательно изучает, как правильно составлять проявитель и закрепитель, постепенно приобретает все необходимое для печатания снимков. Например, в нашем семейном архиве имеются старые монеты, использовавшиеся им как гири для взвешивания химикатов: гидрохинона, фенидона, сульфита натрия безводного, бромистого калия, тиосульфата натрия и т. п., которые долгое время хранились у нас дома в стеклянных банках. А еще имеются книги по фотоделу, в которые вложены листы с разными рецептами для качественной проявки и закрепления пленки и собственно фотографий. Сохранившиеся с тех времен фотографии наглядно показывают, как от снимка к снимку росло его умение правильно выбрать точку съемки, как менялся ракурс и тип фотобумаги, как тщательно он подходил к использованию разных рецептов для печатания фотографий.

В 1952 году, успешно сдав выпускные экзамены, молодой инженер Анатолий Тихонович Мальгин получает диплом о высшем образовании № 266483 (регистрационный номер 4098), где черным по белому было написано, что он

окончил полный курс Горьковского политехнического института им. А. А.Жданова по специальности литейное производство. Решением Государственной комиссии от 11 июля 1952 года ему была присвоена квалификация «инженера-механика».

И вот новоиспеченный инженер-механик по направлению приезжает в город Каменск-Уральский Свердловской области и поступает на работу на завод, который тогда назывался «п/я № 4 (почтовый ящик № 4)». Ныне это Каменск-Уральский металлургический завод. Анатолий получает место в маленькой гостинице, располагавшейся в квартале, ограниченном улицами Исетская, Строителей, Жуковского, Октябрьская. Там в те годы проживала так называемая «заводская элита».

Работа инженером на крупном заводе была трудной, но интересной, да и свободное время тоже было. И вот с фотоаппаратом молодой человек начинает сначала исследовать сам город и его окрестности, а потом на его снимках, на фоне различных пейзажей появляются и люди: сначала друзья и товарищи по работе, а потом и любимая девушка Нина и члены ее семьи. В то время Анатолий Тихонович использовал для съемки фотоаппарат «Киев».

Именно этим фотоаппаратом сделаны многие фотографии 1950-1970-х годов. В свободное от работы время Анатолий Мальгин вместе со своим «Киевом» обошел многие улицы и красивые места нашего города и запечатлел их на память.

Конечно, сейчас эти снимки стали раритетами. А в то время фотограф просто любовался красотой города, в котором ему довелось прожить всю свою жизнь. Улицы Октябрьская, Жуковского, Аллюминиевая, Исетская, Строителей, Набережная, старый парк в Красногорке, центральная площадь, детский стадион и стадион «Металлург», скверы у ДК УАЗа и у школы № 5... Все то, что когда-то составляло их гордость, осталось запечатленным на века. И это делает их поистине уникальными!

Почему же фотограф оставил столько снимков именно старой части Красногорского района? Дело в том, что молодой инженер сначала получил комнату в самом начале так

называемой «Китайской стены», а затем примерно в 1963 году двухкомнатную квартиру в доме № 5 по улице Жуковского. А когда в семье появились дети, то количество фотографий близлежащих окрестностей резко возросло.

Вглядитесь в эти фотографии. Сколько в них особой красоты и притягательности! И пусть они были сделаны не профессиональным фотографом, от этого они не становятся хуже. Их духовная ценность только растет с годами.

Примечания:

1. Материалы из семейного архива Мальгиных.

* * *

Т. В. Судакова
Директор филиала ГКУСО «ГАСО»
г. Каменск-Уральский

Каменский чугуноплавильный завод 1917–1923 гг.

До октябрьской революции 1917 года Каменский чугуноплавильный завод подчинялся Уральскому Горному Управлению. По извещению Уральского областного Совета от 22 декабря 1917 года перешел в разряд национализированных заводов. 18 января 1918 года введено новое управление – Деловой Совет. С этого времени и до начала Гражданской войны на заводе продолжали работать старые опытные кадры: управитель Н. С. Жебелев, инженеры, техники, служащие.

За 1917 год были проведены работы по капитальному ремонту: токарных станков с устройством нового привода, ремонт доменной печи с газопроводами и ремонт рабочего прореза при заводской плотине. Построено новое каменное помещение для артиллерийской приемной, новое каменное помещение для устройства трансмиссионной станции, устроена ограда вокруг завода с легкодоступной стороны и проходной. На территориях приписанных заводу построены две пожарные вышки, два барака

для рабочих, углевыжигательные печи и склад для припасов на реке Рефть .

В ноябре 1917 года из Каменского завода по железной дороге был отправлен: литейный и передельный чугун, чугунный лом и изделия на Пермский пушечный завод на сумму 85 620 рублей, на Воткинский завод на 254 880 рублей. В течение года основными заказчиками продукции Каменского завода были: Пермская и Омская железные дороги, Главное Артиллерийское Управление, Общество механического завода Братьев Бромлей.

Литейный цех выпускал чугунные отливки из домны и вагранки. Вагранка, как и домна – печь для переплавки чугуна, отличается своей конструкцией и тем, что в ней не происходит химических реакций, изменяющих состав чугуна. За декабрь 1917 года доменных отливок – 25, за весь год – 581. Получено чугуна из доменной печи в декабре 2076 пудов, за год – 56 022 пуда, причем годных – 47 628, брака – 8 393, что составило 14,9 %.

В труболитейном цехе производились работы по приготовлению тела труб, сердечников, формовка и очистка труб. В снаряжном цехе были изготовлены бомбы фугасные к пушкам в 120 и 190 пудов с очком для ударной трубки образца 1915 года за год – 30 000 штук, бомбы сталистого чугуна для гаубиц французского образца.

Кузнечно-слесарный цех завода выпускал следующую продукцию: колодки тормозные, фасонные части водопроводов, футляры для набивки сердечников снарядов, модели для отливки снарядов, фурмы чугунные доменные, заклепки железные, опоки для припасов угля, железная проволока, гвозди, железо полосовое и круглое. В столярном цехе изготавливали ящики для упаковки снарядов. На заводе действовала центральная электрическая станция, производилась выработка огнеупорного кирпича.

В ведении завода были каменноугольные и рудничные операции: разведка, разработка, ремонт и содержание шурфов и шахт, добыча и перевозка. В 1917 году добыча руды шла на пяти рудниках: самое большое количество добывалось на Закаменном, далее Разгуляевском, Логовском, Исетско-Кодинском и

Сипаво-Новиковском. В отчете о заготовке горючего за декабрь 1917 года: на заводе имеется 28 углевыжигательных печей, рабочих при печах 241 человек.

14 января 1918 года прошло заседание членов комитета Каменской группы Союза профессиональных технических организаций Урала по вопросу реорганизации Управления Каменского завода. На заседании заслушан проект программы коллективного управления, по которому в коллегию должны входить 5 членов: 1 инженер, 1 техник, 1 член от союза служащих и 2 рабочих.

Коллегиальное управление заводом принято по предложенной форме. Кандидатами от рабочих выдвинуты: Я. Прокопьев, Н. Цикарев, В. Головин. По продовольственному отделу кандидаты: Ф. Абрамов, Н. Байнов, А. Корюков. От Союза служащих единогласно избран Харчевников Д. А. Коллегиальному управлению присвоено общее для всех заводов Урала наименование – Деловой Совет. Деловой Совет решал вопросы приема и увольнения служащих, назначения окладов, заготовки хлеба и продовольствия.

Параллельно с Деловым Советом вел свою работу Профессиональный Союз Metallистов. В состав правления в разное время входили: Н. С. Жебелев, В. Ф. Головин, Я. Ф. Прокопьев, В. К. Тележников, И. Я. Суворков, М. А. Кознов, Чемезов, Зыков, Медведев.

Союз Metallистов рассматривал вопросы об урегулировании окладов, кадровые перестановки, рабочие вопросы, как например, о выдаче спецодежды, установление платы за добычу руды, рассматривал заявления служащих. В вопросах о назначении окладов между Деловым Советом и Союзом Metallистов бывали разногласия.

Действовал в Каменском заводе и Фабрично-заводской комитет, который решал те же вопросы. 27 марта на общем собрании рабочих и служащих Каменского завода рассматривали вопрос «об излишних органах и многовластии на заводе». После обсуждения единогласно постановили оставить Деловой Совет и Фабрично-заводской комитет в прежней власти и силе,

и если Фабрично-заводской комитет найдет излишней администрацию на заводе – то уволить.

Кандидаты в деловой Совет и Фабрично-заводской комитет избирались на общем собрании рабочих и служащих.

Состав руководящих служащих Каменского завода на апрель 1918 года: Управитель – Н. С. Жебелев. Помощник Управителя – В. К. Тележников. Заведующий доменно-литейным цехом – В. Н. Косяков. Доменные мастера – Б. И. Косяков, Ф. С. Медведев, Елфимов. Литейный мастер – К. Ф. Заостровский. Механический цех мастер – Ожгибесов. Кузнечно-слесарный цех мастер – Ерышев. Поденно-строительный мастер – А. К. Набережнов. Электромонтер – В. М. Чернокутов. Мастер модельного цеха – А. Н. Кузнецов. Смотритель Каменской копи – Карасев. Десятники – Черновский, Осипов, Голошейкин, Лямин, Гоглачев, Надеин.

В начале 1918 года производство снарядов было остановлено, и начата отливка водопроводных труб. Так, в деле «Сведения об отливке чугунных изделий по заказам учреждений и частных лиц» содержится переписка канцелярии Каменского завода с такими организациями, как например: Барнаульская городская Управа, Управление Томской железной дороги, Управление Ташкентской железной дороги, Камышловский уездный продовольственный отдел, Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество.

На запрос Комиссариата Челябинского городского народного самоуправления от 10 мая 1918 года о возможности выполнения заказа Деловой Совет Каменского завода ответил, что «Каменский завод заказами обеспечен до 1 января 1919 года, а потому Ваш заказ может быть взят лишь на очередь с 1 января 1919 года. О последующем благоволите уведомить».

В мае 1918 года с началом восстания чехословацкого корпуса в виду катастрофического положения на железной дороге вывоз снарядов с завода был прекращен. Управитель завода Николай Семенович Жебелев захвачен в плен и увезен отрядом красноармейцев. С приходом колчаковцев техник Тележников был назначен заведующим по исполнению заказов военного

ведомства. В октябре он усиленно занимался оборудованием бронированного поезда для белых. В период нахождения Н. С. Жебелева в плену управителем завода был Мельман Э. Н. После возвращения из плена и восстановления в должности Жебелеву Н. С. было выдано жалование за период его отсутствия и вознаграждение за успешную деятельность завода.

В декабре 1918 года от Уральского промышленного комитета в Управление Каменского завода пришло письмо о потребности запасных частей для железных дорог Сибири и Урала. Каменский завод им в ответ написал: «Из прилагаемого списка можем готовить тормозные колодки до 3000 штук в месяц, которые мы сейчас уже готовим по заказам Пермской и Омской железной дороги».

В начале 1919 года завод вел переписку с организациями, ранее сделавшими заказы, так как все заказы, поступившие еще при большевиках, были аннулированы, а продукция заводом уже изготовлена. Второй проблемой являлось то, что за период, прошедший с момента заказа до полного исполнения, цены увеличились в несколько раз.

Завод выпускал мелкую продукцию по индивидуальным заказам. В январе 1919 года для Рефтинских и Воронобродских углевыжигательных печей были изготовлены в заводской кузне скребки, чугунные дверные полотна для печей. В марте 1919 года по требованию заведующего куренной операцией станции Грязновской были отлиты чугунные наугольники для свинок моста на реке Рефть и колеса для тачек.

По многочисленным документам можно предположить, что конец зимы – весна 1919 года стало меняться положение на заводе и в поселке. В делах подшиты удостоверения, выданные работникам с уведомлением об увольнении с завода в связи с сокращением работ. Мастер механического цеха С. М. Ожгибесов в заявлении указал причину своего увольнения – «по ухудшающемуся положению завода».

Цеховой надзиратель доменно-литейного производства Василий Петрович Чернобородов после прекращения доменного производства в феврале 1919 года был уволен со службы и

вынужден обратиться с прошением к управителю завода. «Прослужив более 50 лет и имея слабое здоровье за увольнением в такое тяжелое время и трудное время вообще и по дороговизне самых насущных продуктов остался без средств к существованию». Еще одно неприятное обстоятельство, усугублявшее его положение – это то, что он состоял членом в горнозаводской кассе только последние 5-6 лет, которых еще не достаточно для получения пенсии. Его прошение было частично удовлетворено – «за долголетнюю и ревностную службу на заводе выдано 2-х месячное содержание».

После прекращения работы доменной печи отливка продолжалась только на вагранке.

В июле 1919 года после ухода белых из города машинные части в 5 ящиках предназначенные для эвакуации и оставленные на товарном дворе станции Синарской были возвращены на завод. Начался ремонт доменной печи и воздухонагревательного аппарата.

Из запасов чугуна завод продолжил выполнять заказы на отливку тормозных колодок, водопроводных труб и фасонных частей, гидравлических кранов. По запросам Продовольственного отдела Каменского горисполкома для частных лиц: чугунные плиты для печей и очагов, колоды для бани, печные заслонки и вьюшки, трубы, рамы, косицы и шестеренки для молотилки и другие.

Встречаются и очень интересные заказы: по прошению военного комитета отливались гантели 3-х фунтовые, и чугунные блинки для штанги, для фельдшерских пунктов отливались дезинфекционные камеры, по заказу комитета продовольствия для телег колесные втулки.

По решению Бюро отдела металлов на Урале от 2 декабря 1919 года Синарские рудники вместе с добытыми рудами и всем рудничным имуществом переданы в ведение Каменского завода.

На основании распоряжения Екатеринбургского Гублескома вывозка дров и угля гужевым транспортом с мест заготовок до Каменского завода в виду дальнего расстояния от 67 до 70 верст была прекращена, она стала производиться только до складов железнодорожной станции Грязновской.

Производственная программа по Каменскому заводу на 1920 год начиналась со строки: «Домна работать не будет за недостатком горючего». На 1 марта на заводе в наличии всего 339 коробов древесного угля, дров нет совсем. Для необходимой производительности ежемесячно нужны 800 коробов угля и 16 кубов дров. В январе и феврале отлито 1700 и 1800 пудов тормозных колодок и частей для гидравлических кранов, и можно довести выплавку до 8000 пудов в месяц в условиях полной доставки горючего. Кадры рабочих можно легко найти на месте, тогда как в настоящий момент работает всего 150 человек.

Заведующий Каменским заводом Борисенко Андрей И. направил в Комиссию Всероссийского Союза металлистов отчет по заводу за 1920 год. Каменский чугуноплавильный завод оборудован одной доменной печью с ежегодной выплавкой чугуна до 500 000 пудов и тремя вагранками, причем из двух однотипных обычно работает попеременно одна в зависимости от запасов горючего. А третья остается запасной. Доменная печь закончила свою кампанию 1 марта 1919 года. Ремонт печи закончен к 1 января 1920 года, но задувка домны отложена на неопределенное время по недостатку древесного горючего.

По производственной программе на 1920 год требовалось приготовить литья 20 000 пудов, в действительности же получили 33 767 пудов, то есть больше заданного на 13 767 пудов или на 69 %. Результаты были бы еще значительно выше, если бы не было препятствием успеху работы отток большего числа квалифицированных рабочих в ряды армии, значительным уменьшением пайка с 36 до 25 фунтов, а конторским служащим даже до 18 фунтов муки в месяц и крайне недостаточным снабжением рабочих одеждой и обувью, нужда в чем все более обостряется. Кроме того, нельзя не отметить значительную убыль в истекшем году технического персонала завода: в мае отказался от службы единственный уставщик завода В. Н. Косяков, прослуживший около 40 лет, а в сентябре по причинам от завода не зависящим выбыли технический руководитель и заведующие цехами, вследствие чего, до приезда

в ноябре вновь назначенного технического руководителя, завод около двух месяцев оставался без технического надзора и руководства.

Из общего заключения: для успешного выполнения программы на 1921 год необходимо поспешить, поддержать завод, доказавший свою жизнеспособность, своевременное удовлетворение его острых нужд, планомерного снабжения необходимыми материалами, кадрами квалифицированных рабочих.

В 1921 году заведующим заводом назначен Кочнев Григорий Матвеевич. Производственный план на 1921 год был утвержден в количестве 55 000 пудов, что больше против действительной выработки на 62 %. Уже по результатам первого месяца стало ясно, что средняя выработка за одну поденщину в литейном цехе упала с 1,61 пудов до 0,91 пудов. На проведенном в феврале заседании Техничко-нормировочного бюро совместно с представителями заводоуправления, цеховых отделов и выборных от основных цехов по вопросу уменьшения выработки выяснили следующие причины: переход опытных литейщиков на новые работы, где потребовалось потратить много времени на разные ремонты при возобновлении литейного чана, не работавшего более двух лет. Вторая причина – условия труда, когда рабочие уходят с работ ранее положенного времени в следствие переутомления и от недостаточного питания, а также незаинтересованностью денежной премией, так как купить буквально ничего нельзя, а отпускаемого хлебного пайка недостаточно .

По производственному отчету за март на заводе всего отлито 6437 пудов, рабочие получали пайком по 34 фунта муки и 4 фунта мяса, также разных материалов: рукавиц, вачег, полущубков, ботинок, белья нательного и других. В апреле паек составил от 28 до 22 фунтов муки, соль, сахар, кофе и план выработки составил 4704 пуда. В мае при таком же пайке всего на заводе отлито 3666 пудов. В июне – 3779 пудов.

Управление Каменского завода было обеспокоено его судьбой на ближайшее будущее. Из дополнительного доклада в Управление заводов Екатеринбургского района: «в виду того, что запас имеющегося литейного чугуна в заводе

обеспечивает чугунолитейное производство в том виде и масштабе в каком оно существует в настоящее время, но когда запас чугуна иссякнет, и если к тому времени не будет возобновлен или обеспечен, то и существующее чугунолитейное дело прекратится, а это вызовет остановку и других цехов со всеми его тягостными последствиями, подобно тому, как уже на изломе ряда Уральских заводов прекративших свою производительность по этим же причинам...

Мы осознаем, что нельзя ожидать переоборудования завода в ближайшем времени по условиям современного состояния промышленности России... в целях обеспечения чугунолитейного дела своим чугуном, не затрагивая интересов других уральских заводов, и потому вопрос о возрождении доменной плавки считаем служебным долгом поставить на очередь.

Доменная печь со всеми вспомогательными необходимыми ей устройствами отремонтирована и каких-либо особых капитальных затрат и материалов не вызывает, кроме частичных ремонтных работ и переделок. Руды в заводе имеется около 120 000 пудов, кроме того на Каменской группе в расстоянии 4-5 верст добыто 425000 пудов. Принимая среднее содержание железа в руде 42 % и задаваясь условно работой домны хотя бы в течение года для выплавки 500 000 пудов чугуна потребуется 1 200 000 пудов руды, следовательно, не достает. Согласно подсчетам горного инженера Ф. И. Контыкина, производившего исследования руды вблизи Каменского завода в 1915 году общий подземный запас исчисляется в 800 миллионов пудов!

Угля потребуется для выплавки 500 000 пудов чугуна, принимая коробовый выход по действующим данным в 15 пудов – 33400 коробов. Вопрос этот первостепенный, но мы полагаем, что чугунолитейное дело в Каменском заводе, обеспеченное своим чугуном на период в ближайшие 4-5 лет действительно будет признано заслуживающим поддержки, то необходимы своевременные мероприятия в обеспечении завода углем.

Затраты завода по чугунолитейному производству: в сентябре 1921 года выпущено

годных изделий 234 пуда в виде жаровен, чугунок, дверок печных, шестерен, сковородок, ступок, досок очажных, втулок и прочей продукции. Считая по рыночной стоимости, то составило 603 рубля. Исключая затраты завода 542 рубля, получаем прибыль 61 рубль. По кузнечно-слесарному и механическому цеху общее получение 229 рублей, исключая затраты завода 149 рублей, прибыль составила 80 рублей. Вся прибыль уходила на закупку муки и пшеницы для рабочих и служащих завода.

В связи с проведением в жизнь новой экономической политики заводы и предприятия стали переходить на хозяйственный расчет. В феврале 1922 года Каменский завод вошел в Свердловский горно-металлургический трест «Гормет». Кроме нашего завода в его состав вошли еще 23 завода, рудники, торфяники, совхозы по выращиванию зерновых и огородных культур. Правление Треста контролировало и согласовывало все заказы между заводами, доставку топлива и продовольствия.

В начале 1922 года завод продолжает отливать по нарядам районного управления чугунные трубы, тормозные колодки. Так, приемщик Верхисетского завода в присутствии заведующего Каменским чугунолитейным заводом Кочнева Григория Матвеевича и технического руководителя Губанова Павла Павловича составил акт технической приемки, что 560 штук чугунных труб «оказались приготовленными согласно чертежей, а потому признаны годными и мною приняты».

Вторая половина 1922 года характеризуется вывозом с завода больших партий чугуна, остатков изделий и инструментов, сокращение производства, увольнение рабочих. С 1 июня по 1 июля количество рабочих сократилось со 193 человек до 83, из них штатных 33 человека на хозрасчете 13 и по ремонту плотины 37 человек.

7 мая 1923 года в правление заводами Екатеринбургского треста «Гормет» Управление Каменского чугунолитейного завода направило акт о передаче завода Огурцовым В. С. новому заведующему Зырянову Петру Михайловичу. 25 июля он пишет доклад об отливке чугунных

труб. Первоначальная плавка была произведена на коксе и ни одной годной отливки не получилось. Вторую плавку произвели из кокса и древесного угля. В результате из 16 штук годных получилось 8. Для этого он просил разрешения приобрести 3 вагона угля в Грязновском райлесхозе.

Вторая часть доклада посвящена реализации материалов, продуктов и сырья с завода. Так, к 24 июля вывезено на железнодорожную станцию Синарская 49 699 пудов, из них отправлено передельного чугуна Каслинскому заводу 18550 пудов, чугуна лома Верх-Исетскому заводу 16596 пудов, остается не погруженной 14553 пуда. Кроме чугуна на станции скопилось много леса разных размеров и сортов, песка, руды, старого лома, котлы, сердечники газовых труб, печки, части токарных станков, сельскохозяйственных машин, все они загромождают место на складе. Для перевозки сырья на станцию заведующий предлагает арендовать участок железной дороги и скорейшее восстановление моста через реку Исеть. О наличии инструментов для горной промышленности прилагается большой список. Местными жителями проводятся пробные разведки в окрестностях Каменского завода. К докладу прилагается кусок железной руды, добытой у «Чирьего Лога».

Больше документов о попытках отливки чугуна на домне нет. Вскоре завод поставлен на консервацию и проведена оценка остатков материальных ценностей, движимого и недвижимого имущества.

Из-за неудовлетворительных результатов оценки, не проработанности материалов, недостаточной подготовкой комиссии была проведена повторная переоценка материалов по действительной современной стоимости. Комиссия по проведению осмотра 10 августа 1924 года выявила, что некоторые сооружения, постройки по своей ветхости и ненадобности за год были разобраны на дрова, разобран рельсовый путь от домны и вагранок, сверлильный станок разбит в чугунный лом.

Еще в хорошем состоянии остаются многочисленные постройки: два кирпичных корпуса под доменную печь и две вагранки, каменные

одно- и двухэтажные здания под литейный цех, кузницу, сушилку, механическую фабрику, помещения под гидравлический пресс, динамо машину, воздухонагревательные аппараты и другие, всего в количестве 22 построек.

Так почему же имея такое большое хозяйство, запасы руды, более двухвековой стаж работы Каменский завод был ликвидирован? 22 мая 1925 года окружной исполком в своем письме в райком металлистов подвел следующий итог: «В состав Треста «Гормет» входит Каменский завод, включенный в число консервированных заводов с момента организации объединения. До 1903 года основным производством завода было доменное, которое с этого времени было остановлено за полным отсутствием лесных дач. С 1905 года там было организовано чугуно-литейное дело с переплавкой готового чугуна в вагранках и отражательной печи. Главным продуктом производства была отливка водопроводных труб. Отсутствие топлива, примитивность оборудования и отсюда экономическая невыгодность производства тормозили планомерную работу, и завод работал с перерывами. Во время гражданской войны завод лил чугунные снаряды и бомбы, но и это производство естественно прекратилось с окончанием войны навсегда. Так как современная техника военного дела совершенно отказалась от чугунных снарядов.

В настоящем виде Каменский завод не имеет никаких данных к возобновлению на нем доменного и чугунолитейного производства.

Домна одна из самых малых на Урале устарелой конструкции. Паровое хозяйство настолько устарело, что к дальнейшей работе не может быть допущено. Оборудование труболитейного таково, что в настоящее время таким способом трубы нигде не льют.

Если к этому прибавить полное отсутствие в районе завода топлива, то станет понятным, что у завода в ближайшее время нет никаких перспектив к возобновлению упомянутых производств.

Если говорить о минерализации производства, то одновременно надо говорить и о совершенно новой домне и, следовательно, о совершенно новом оборудовании завода.

Имея в виду указанные соображения, а также считая бесцельным дальнейшую затрату средств на консервацию завода, Правление Треста намерено в ближайшее время завод ликвидировать, а потому согласно распоряжению УОСНХ, просит назначить в нашу ликвидационную комиссию Ваших представителей для выезда в Каменский завод и согласования там плана ликвидации. Выезд комиссии намечается на 24 -25 мая, а поэтому просим Ваших представителей заблаговременно зайти в Правление треста для окончательного согласования дня выезда».

Но каменцы не теряли надежду на восстановление производства, продолжая делать запросы в Свердловский Совет Народного Хозяйства: «нужда рабочих заставляет их спрашивать об этом каждый день, так как источник заработка и средств для существования им даст только этот завод».

Еще в 1925 году на складах завода продолжали оставаться готовые чугунные изделия, которые отправлялись на другие заводы по ордерам Гормета. Также по ордеру Гормета в Уфалейский завод была отправлена динамо машина, в правление Треста прибор для определения количества дутья и другие измерительные приборы из доменного цеха.

Из переписки Гормета с Каменским заводом можно выделить еще только два документа: о прекращении продажи добываемого из отвалов чугуна, отправка такового только по нарядам Гормета, и небрежном заполнении сведений и предоставлении их с опозданием.

Из протокола заседания президиума Уральского Областного Совета Народного Хозяйства от 9 февраля 1926 года:

«По Каменскому заводу. Возобновление доменного производства на древесном топливе считать невозможным. Выплавку чугуна на каменном угле, а связи с этим возобновление труболитейного производства в заводе признать целесообразным, предложить правлению треста «Гормет» проработать детально вопрос о возобновлении доменной плавки на каменном угле и труболитейного производства с 1926 -1927 годов. Удастся ли осуществить эту программу, повторяем, будет зависеть от финансовых

возможностей. Проект переоборудования разрабатывается в Техническом отделе Правления и в недалеком будущем будет представлен в Областной Совет Народного Хозяйства».

По пятилетней программе, составленной Областным Советом Народного Хозяйства, пуск Каменской домны и труболитейного производства

намечен на 1927-1928 годы. Хотя и с опозданием на несколько лет, но производство труб началось уже на вновь выстроенном заводе. Синарский трубный завод стал продолжателем литейного дела каменных мастеров. Но это уже другая история.

Примечания:

1. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 39-52.
2. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
3. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 137 – 141.
4. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.
5. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.
6. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.
7. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.
8. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 3. Л. 158.
9. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 об.
10. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 8. Л. 33 об.
11. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.
12. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 41. Л. 31
13. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 8. Л. 58.
14. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 38. Л. 22.
15. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 41. Л. 71.
16. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 41. Л. 101
17. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 65. Л. 19, 27, 46
18. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 53.
19. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 68. Л. 23.
20. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 95. Л. 18.
21. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 95. Л. 28-37.
22. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 95. Л. 31-32об.
23. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 135. Л. 2 об, 3 об..
24. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 156. Л. 85.
25. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 150. Л. 26, 29.
26. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 168. Л. 10-13.
27. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-6, 65-67.
28. ГАСО Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 208. Л. 62 об.
29. ГАСО Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 208. Л. 3.
30. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 238. Л. 22, 27.
31. ГАСО (ф) Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 181. Л. 68, 73.
32. ГАСО Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 208. Л. 14.

О доменном работнике Прокопии Плотникове, назвавшем себя Христом

В ноябре 1745 г. в Каменском заводе произошло событие, ставшее предметом долгого разбирательства и Главного Правления Сибирских казенных заводов, и консистории Тобольской митрополии. Крайне пагубно сказались происшествие на его виновнике – доменном работнике Прокопии Плотникове и его семье.

Начало действия понятно нам, людям 21-го века. Заводские конюхи Тимофей Сажавев (1) и Андрей Гобов (2) 14 числа ноября, в 9-м часу вечера узнали, что у их коллеги Зотья Орлова (3) есть пиво. Нравы, видимо, были простые, и дуэт конюхов ничтоже сумняшеся направился к Орлову в дом.

Дальше, как увидим, манеры людей 18-го века сильно разнились с нашими. Войдя в дом, они не стали сразу кричать: «Зотя, наливай!», а обратились к образам «и стали молитца Богу».

Здесь то и произошло нечто. «Того же завода доменный работник Прокопей Плотников (4), сидя в переднем углу в одной рубашке и в портках, подчерняя лицо сажей, разметав руки и голову положи на правое плечо выговорил, что, де, я Христос, и молитесь де мне». Многие годы жалел потом Плотников об этой пьяной глупой шутке.

Конюхи отреагировали на увиденное и услышанное, совсем не так, как нам представляется. Они не посмеялись над пьяным охальником и не дали ему по шее. А, забыв о выпивке, «того Плотникова взяли и в Каменскую контору свели и под караул взяли». А на следующий день, а потом 20 ноября, дали официальные показания по инциденту.

Плотников в расспросе затем показал, «что он в тот день был в разные при том заводе домах и напился пьян, и в доме Орлова был, и до-

носителей видывал, и что говорили не помнит. И от того пьянства проснулся, тогда как уже в Каменской конторе под караулом».

Каменская контора вынуждена была начать следствие. Опросили свидетелей, караульных солдат, соседей. Выяснилось, что «1) хозяин и свидетели три человека сказали, о Плотникове таких слов как доносители показывают не слышали, а что тот говорил, о том доносители им извещали; 2) хозяин, де, сказал: Плотников в переднем углу в одной рубашке, подчернил лицо, разметав руки и голову положив на одно плечо, сидел; 3) иные свидетели сказали: Плотников впереди в одной рубашке почерняя лицо сидел и руки были не разметаны, а положены на колени; 4) караульные солдаты два человека сказали, Плотников в Каменскую контору приведен весьма пьян; 5) соседей 5 человек сказали, Плотников у них в доме был, и вино и пиво пил и у последних двух был пьяной; 6) соседей же четыре человека сказали, оной Плотников в церковь божью ходит, прежде ни в каких подозрениях не бывал».

Того ж завода церкви Трех Святителей бывшей дьячок Степан Богомоллов доложил, что оной Плотников на исповеди в этом году был.

Сам же Прокопий в расспросе показал: с семилетнего возраста во все годы на исповеди и причастии бывал, кроме 1744 года, «затем что при заводе попа не было». Отцами духовными ему были Екатеринбургские «бывший протопоп Федосей Иванов, поп горнощитский Ефим, каменские Семен Евдокимов, Семен Парамонов, и ныне это ж Парамонов». Не имеет с православно кафеолической (5) церковью никакого раздору, «и по изображении крестного знамени сложение троеперстное имеет».

Канцелярия Главного Правления Сибирских казенных заводов, сообщая о происшествии Преосвященному Антонию митрополиту Тобольскому и Сибирскому, перечислила и возможные наказания за богохульство, предусмотренные законодательным уложением. Самое лютое: язык раскаленным железом прожечь, и потом голову отсечь. Если богохульство совершено по легкомыслию, то минимальное наказание – «четырнадцать дней в железо заключен быть и жалование его на месяц в шпиталь вычтено, или гонянием шпицрутен наказан же». (6)

Лучшим для Плотникова вариантом было отсидеть по «минималке» две недели в железе и потерять месячную зарплату. Однако Правление казенных заводов перемудрило и решило передать дело митрополии. Ибо «оныя произнесенные от Плотникова слова рассмотрение и решение в духовном правительстве быть надлежат». О чем была составлена промемория от 28 февраля 1746 года и направлена в Тобольскую консисторию. (7) Промеморию подписали столпы горнозаводского Урала Никифор Герасимович Клеопин (8) и Игнатий Никитич Юдин (9).

Консистория Тобольского митрополита проявила к делу Плотникова интерес. Уже 10 марта владыка затребовал Прокопия в Тобольск «под крепким и секретным арестом в немедленном времени». (10)

9 апреля 1746 г. Никифор Клеопин секретным письмом сообщил, что «означенный Плотников при сем за караулом сибирского гарнизона тобольского полку солдата Филиппа Кузовникова с товарищи послан в консисторию». (11)

Означенный Плотников по доставке его в Тобольск закован в колодки и содержится в Архирейском доме, видимо, в подвальной его части. Следствие идет неспешно. На допросе выясняется:

«Вроде ему тридцать три года, родился он Екатеринбургского ведомства в Каменском заводе, отец его был в том же заводе подмастерье Федосей Перфильев сын Плотников который назад тому лет с пятнадцать и помре, а оной же Прокопей еще до смерти отца своего взят в Екатеринбург в словенскую школу (12), в которой также и в арифметической школе был

восемь лет безотлучно, а в 1733 году определен в Каменский завод в доменные работники, где он и поныне безотлучно, в том шлется на старост мирских и протчих обывателей». (13)

Неожиданно и для нас: у Прокопия Федосевича приличное образование. Восьмилетний срок обучения соизмерим с гимназическим (там учились семь лет). Учился он вероятно в горной школе (открыта в 1724 г.). Обучение было связано с многими испытаниями. «Ученическое жалование было очень невелико, многим школьникам приходилось голодать, ходить по миру и просить милостыню. За любой проступок, «непонятливость», неявку на учебу дети подвергались жестоким физическим

наказаниям. Провинившихся учеников били лозами, розгами, а иной раз и держали в помещении школы закованными в цепи». (14)

Вполне возможно, что Прокопий примерил на себя колодки еще в школе. Но от этого не легче.

«Женат он Прокопей назад тому лет з десять Камышевской слободы Белоносовой деревни на крестьянской Ивана Прокопьева сына, а прозвание ему не знает, на дочери ево девке Анне, детей у себя имеет женска пола: Прасковья четырех, Вера полугодовая, на исповедь и к святому причастию ходит и жена его Анна повсегодно в приходской своей церкви к священнику Семёну Евдокимову и Семёну Парамонову, а в Екатеринбурхе [когда учился] в школе, то на исповедь ходил к протопопу Ивану Федосееву иль отцу его Федосею Фроловскому, впрочем же он, Прокопей, утверждается на прежнем своем допросе, каковой произведен в канцелярии Главного управления Сибирских казенных заводов /.../ за собой никакого как он Прокопей, так и жена его не имеют и креститца троеперстно и в раскол быть не хошут... Прокопей Плотников руку приложил». (15)

Проверяют показания Прокопия по исповедным ведомостям. Оказалось: в 1741, 1743 и 1744 годах, он исповедовался, но не причащался («по совету духовника»), а в 1742 г. его имени и жены в росписи совсем нет. «А в допросе в консистории... Плотников между прочим показал: на исповедь и святое причастие ходит он Плотников и жена его Анна повсегодно...»,

замечает служитель консистории. (16) Вывод: значит и к другим его показаниям нужно относиться, как к фальшивым...

Главное Правления Сибирских казенных заводов не ожидало, что в простом деле духовные будут разбираться так долго. 9 июля 1746 года Никифор Клеопин письмом к митрополиту требует от консистории уведомление: де, «с Плотниковым что учинено?». (17)

Но обращение главы горного ведомства следствие не ускорило. Лишь 22 октября с Плотникова берут объяснение про уклонение от причастия. «Иного году причащался, а иного не причащался за недостатком пощения и ко приуготовлению себя к причастию святых даров времени, понеже обращался в непрестанной в заводской работе... в том приносит он Плотников [извинение]». (18)

Как на зло, 17 января 1746 г. Синодом был опубликован указ о розыске 60-летнего лже-Христа Степана Васелева из Ярославской губернии. В консистории зачем то всерьез сравнивают его внешность с внешностью тридцатилетнего Плотникова, составив соответствующий акт. Благодаря этому осталось описание Прокопия Федосеевича.

«Ростом средней, толст, а мерою в два аршина в шесть вершков (ок.162 см), лицом бел прищадровит, волосы на голове и бороде светлорусые, прямые, борода круглая, глаза серые, плоско нос, который поврежден в болезни и на левой ноздре рубец. У правой ноги в посеку на берце и на лопасти по рубцу на левом колене рубец, на правой руке на завите рубец же от порезу косою. Летами тридцати трех лет». (19)

Лишь 23 декабря 1746 г консистория заслушала дело и вынесла приговор. Факт дачи ложных показаний о ежегодном причастии навел её на вывод: то, что богохульные слова им «говорены за пьянством [и] он [их] не помнит..верить [тому] не надлежит...».

Значит, наказание по полной программе. И жестокость наказания удивляет.

«Приговорили означенному Плотникову за означенные тягчайшие слова /.../ богохуления, произнесенную в пьянстве продерзость, вместо положенного в воинском уставе в 3,7 и

8 артикулах штрафов учинить в консистории его Преосвященства жесточайшее плетью наказание; [отправить] под караулом в Успенской Далматов монастырь при указе в покаяние и в тяжкие монастырские труды на пять лет, где содержать его неисходно и велеть ходить ему повседневно в церковь святую по всякому славословию божью и то славословие паче же божественную литургию слушать ему с самого начала и до окончания со всим вниманием и кротостью; в среды же и пятни употреблять себе в пищу хлеб токмо да воду, а хмельного пития во все пятилетнее покаяния своего время отнюдь не употреблять и повсегодно [...] исповедываться и святых Христовых тайн, повсегодно ж и во святую и великую четырехдесятницу преобщаться; неотменно вовремя собрания на службе людей в церковь стоя вне дверей церковных входящих просить прилежно: да помолятся господу Богу оне и о прощении вышереченного и прочих грехов его. Чего велеть над ним наблюдать и какое во оном монастыре иметь будет оный Плотников жития своего состояния о том ежегодно его Преосвященству рапортовать и сей приговор представить его преосвященству на слушание». (20)

Наказан обязательным посещением церковных служб... Наказан обязательным исповедованием грехов... Наказан обязательным принятием Святых Христовых тайн... Это явное и очевидное богохульство консисторских судей. А именно, Тобольского Знаменского монастыря архимандрита Порфирия, дому архиерейского эконома казначея иеромонаха Иосифа, иеромонаха Иоаникия Павлуцкого. (21)

Митрополит Антоний (22), подписав приговор, вынес и частное определение в адрес канцелярии горных заводов: дабы в четырехдесятницу рабочие «в определенное время были увольняемы от работ (для причастия), чтоб не могли иметь отговорок...». (23)

7 января 1747 года означенному Прокопею Плотникову в консистории строжайшее наказание учинено, сообщил в доношении владыке экономом иеромонахом Иосифом. (24) А 10 января битый плетью (думаю, полуживой) колодник отправлен в Далматово.

Однако прибыл он туда только 4 марта. Из чего можно сделать вывод, что эти два месяца он провел в Каменском заводе, зализывая раны и оплакивая предстоящую разлуку с семьей, оставляемой на произвол судьбы.

«Указанный оной колодник 4 марта 1747 года получен, у посланного за ним Каменского завода пономаря Федора Парамонова принят и посилен [указа]в неисходные монастырские труды определен. Архимандрит Сильвестр. Марта 4 дня 1747 г».(25)

В феврале 1749 г 17 дня архимандрит Сильвестр направляет «Репорт о колоднике Прокопее Плотникове». Тот, де, пребывает в покаянии и в трудах монастырских послушно так как и повелено...(26)

Кажется, монастырь относился к Плотникову, сочувственно. Во всяком случае, настоятели не сообщали в Тобольск о каких-то нарушениях колодником режима. Ведь при желании придаться можно всегда. Монастырские дьячки помогали Прокопию составлять прошение к митрополиту об освобождении. Митрополит, кстати, уже другой. Вот текст прошения.

«Великому господину преосвященному Сильвестру (27) Митрополиту Тобольскому и Сибирскому

Всепопданнейшее доношение

С прошлого 1747 года марта с 3 числа за некоторые мои пригрешения содержусь я нижайший по указу в Успенском Далматове монастыре в покаянии и в неисходных трудах. И за прошлые 1747, 748 и 749 годы от платежа подушных и роскладных денег за себя впал я нижайший в долги и пришел во всеконечную скудость и разорение от чего имеющиеся жена и дети мои скитаются меж дворы не имея дневной пищи.

Того ради Ваше Преосвященство покорнейше прошу, дабы соблаговалено было Вашим архипасторским /.../ Благословением ис помянутого монастыря меня нижайшаго ис трудов свободить и в погрешениях моих простить и разрешить и отпустить на прежнее жилище, впредь для зарабатывания подушных денег и о том обо всем молю паковой указ учинить.

О сем доноситель, имеющийся в Успенском Далматове монастыре в трудах, Екатеринбургского ведомства Каменского завода доменной

работник Прокопей Федосеев сын Плотников 1750 года генваря дня

К сему доношению руку приложил (подпись Плотникова)».(28)

Уже минуло 4 года после «события» и три года после приговора. Опостылевшая обитель, нищенствующая жена с дочерьми...

«Променял я на жизнь беспросветную Несусветную глупость свою...».

Эти строчки из песни Высоцкого и про его судьбу.

Новый митрополит с обстоятельствами не знаком и его резолюция «Представить дело. Февраля 1750 года Сильвестр М Т (митрополит Тобольский – Ю.С.)».

Говорят, милосердие – поповское слово. Может быть. Но дело милосердия Тобольскому архиерейскому дому того времени было чуждо совершенно.

«Указ ЕИВ ...консистерии Преосвященного Силвестра МТиС в Успенский Долматов монастырь наместнику иеромонаху Митрофану. Сего февраля дня присланы к его Пресвященству доношение: содержащейся в том монастыре в покаянии и монастырских трудах колодник Екатеринбургского Каменского завода доменный работник Прокопей Плотников просит об увольнении его от трудов и об отпуску из оно-го монастыря по прежнему [месту жительства и просит] благорассмотрительного определения. А по справке в реченной консистории, что оный Плотников [наказан] за некоторую тяжечайшую произнесенную им в пьянстве продерзость. О чем значит именно по учинению ему [приговору], которому сего 750 году генваря минуло только три года... а не пяти лет. Того ради его Преосвященство ... приказал: оно-го Плотникова по силе преждеучиненного антецессором (29) его Преосвященства преосвященным Антонием митрополитом определено содержание в том монастыре еще два года неисходно. И тако будет сполна пяти лет. А по прошествии определенного ему в труды времени до отпуску его Плотникова представить обстоятельное его Преосвященству доношение, на которое тогда и резолюция будет учинена...

750 году февраля».(30)

Прошло еще два года. Митрофан, Успенского Далматова монастыря архимандрит, день в день, 5 марта 1752 г. пишет митрополиту Сильвестру «покорнейший репорт», где сообщает, что «оное пятигодное время и минуло». Что, де с Плотниковым делать? Домой отпустить или к Вам в Тобольск?(31)

Ответ написан 18 марта. Значит, в Далматово он поступил ближе к апрелю.

«Оного Плотникова от содержания монастырского свободить и отпустить в команду. При

отпущении велеть ему ...исповедываться приобщиться святых тайн, а ему впредь быть ... [не допускать] таковых продерзостей, каковы от него тогда безсташно произошли».(32)

Представим бредущего по весенней распутице из Далматово в Каменск Прокопия Плотникова. Он возвращается к порушенному дому, к измученной семье...

Здесь мы и прощаемся с нашим героем, ибо иных сведений о его судьбе нет...

Примечания:

1. Ревизские сказки 1747 года Каменского завода. Написанной в прежнюю перепись в Китайском остроге конюх Тимофей Григорьев сын Сажаев, 33 лет. У него дети: Андрей 9 лет, Петр 7 лет, Антон 4 лет, Пантелей 2 лет. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.899 л.160 об.);
2. Там же, л. 161. Рекрутские дети. Андрея Осипова сына Гобова сын Филип 3 года.;
3. Там же, л. 160. Написанной в прежнюю перепись в Колчеданском остроге конюх Зотей Вавилов сын Орлов 32 лет, после переписи рожденной у него сын Зиновей ½ года;
4. Там же, л. 157 об.. Написанной в прежнюю перепись доменной работник Прокопей Федосеев сын Плотников 32 лет.;
5. Кафолическая (от греч. καθ – по и όλη – целая ; όκοιμένη – вселенная) означает Вселенская.
6. Тоб. арх. Ф.156. Оп.1 Д.212 Лл.2-3;
7. Там же;
8. Клеопин Никифор Герасимович(1700-после 1771). Организатор горного дела на Урале и в Сибири. Потомственный дворянин. С 1722 г. – на Урале (прибыл в команде Геннина). В 1723 –1724 гг. – на строительстве Екатеринбурга; личный порученец Геннина). В 1745 -1754 и 1756–1758 гг. исполнял обязанности главы горного ведомства на Урале. В 1753 г. – один из организаторов строительства Березовского золотопромывального завода. В 1758–1761 гг. – управитель Нерчинского завода. С 1761 г. – в отставке в чине коллежского советника.
9. Юдин Игнатий Никитич (1690-1772). Горный деятель. Разночинец, сын офицера Семеновского гвардейского полка. Выпускник Московской инженерной школы. В 1717 —1718 гг. по личному распоряжению Петра I составил планы сухопутных путей и плана г. Дербента к предстоящему персидскому походу российской армии. С 1720 г. — в горном ведомстве, служил на Олонецком заводе. С 1721 г. — на Урале. Служил на Алапаевском, Верх-Исетском, Полевском, Ягошихинском заводах. В 1749—1752 гг. командовал Нерчинским заводом. В 1754 —1759 гг. служил в Московской монетной канцелярии. В 1744 —1745 и 1760—1763 гг. исполнял обязанности главы горного ведомства на Урале. С 1763 г. — в отставке в чине коллежского советника.
10. Тоб. арх. Ф.156. Оп.1 Д.212 Л.4;
11. Там же Л. 6
12. Слова подчеркнуты в документе;
13. Там же, Л.7;
14. Дашкевич Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — Вып. 6. — С. 139-155.
15. Тоб. арх. Ф.156. Оп.1 Д.212 Л.7;16
16. Там же, Л.8;
17. Там же, Л.10;
18. Там же, Л.11;
19. Там же, Л.12;
20. Там же, Лл.13-17;

21. Иоанникий, иеромонах, позже епископ Воронежский и Елецкий (Павлуцкий Иван Степанович). Родился в 1699 году в городе Тобольске в дворянской семье. Образование получил в доме родителей при помощи ученых монахов. В 1715 году (16 лет от роду) тайно ушел от родителей в Козинский (Котский) монастырь. В 1719 году пострижен в монашество и оставался в монастыре на различных послушаниях. В 1723 году вызван в Тобольск, рукоположен во иеродиакона и оставлен при архиерейском доме, где в продолжение 25 лет занимал должность казначея и эконома. В 1743 году рукоположен во иеромонаха. С 1744 года – член Тобольской духовной консистории. В 1750 году возведен в сан архимандрита Енисейского Спасского монастыря. Вскоре был назначен членом Московской синодальной канцелярии. В 1758 году перемещен настоятелем Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. 6 декабря 1761 хиротонисан во епископа Воронежского и Елецкого. Скончался 2 января 1763 года.

22. Антоний (Нарожницкий), митрополит Сибирский и Тобольский, род. в Малороссии, ум. 9-го октября 1748 г. Образование получил в Киевской духовной академии и в 1739 г. был наместником Троицкой лавры, а с 1742 г. митрополитом сибирским и тобольским. Антоний потребовал, чтобы все дети тобольского духовенства обязательно были представлены в Тобольскую славяно-латинскую школу, а в 1744 г. открыл Тобольскую семинарию, для чего выстроил каменное здание и выписал из Киевской академии четырех опытных преподавателей; Антоний положил также основание семинарской библиотеке, пожертвовав для этого свою собственную библиотеку, по тогдашнему времени весьма ценную. Из литературных трудов Антония известны: „Слово“, изд. в Москве в 1741 г. и другое, говоренное 4-го августа 1742 г.

23. Там же, Л.18;

24. Там же, Л.19;

25. Там же, Л.28;

26. Там же, Л.29;

27. Сильвестр, митрополит Суздальский и Юрьевский (Главацкий или Гловатский Стефан) По окончании Киевской духовной академии определен учителем академии. С 1732 года – префект Казанской духовной семинарии, где и пострижен в монашество. В 1742 году возведен в сан архимандрита Свяжского Богородицкого монастыря. 6 июля 1749 года хиротонисан во епископа Тобольского и Сибирского с возведением в сан митрополита. С 9 октября 1755 года – митрополит Суздальский и Юрьевский. Скончался 20 мая 1760 года.

28. Тоб. арх. Ф.156. Оп.1 Д.212 Лл.30-30 об;

29. Антесессор (ново-лат., от лат. ante - прежде, и cedo - иду, уступаю). Предшественник.

30. Тоб. арх. Ф.156. Оп.1 Д.212 Лл.31-31 об;

31. Там же, Л.32;

32. Там же, Л.33.

* * *

Прокудин-Горский из села Тамакульского

Несколько лет назад в Далматовский районный архив пришло вот такое письмо из Барнаула, от Сергея Анатольевича Прокудина:

«Обращаюсь к вам по просьбе моей мамы, Нины Вадимовны, которая разыскивает своего деда Прокудина-Горского Александра Михайловича. Жена у него Евгения Ивановна, в девичестве Бурлакова (1880-1944). Жили они до революции в селе Тамакул Камышловского уезда. Там, предположительно, был заключен их брак, и там же родились их дети: Юрий Александрович, Вадим Александрович, и моя мама, Нина Вадимовна. По семейной легенде дед был родным братом Сергея Михайловича Прокудина-Горского – знаменитого фотографа дореволюционной России.

В нашей семье долго хранился альбом с цветными фотографиями С. М. Прокудина-Горского, а также его портрет в рабочем кабинете. Со временем открытки были утеряны, розданы, подарены, так как никто не видел в них какой-либо ценности. Не осталось никакого документа и о пребывании деда в Тамакуле, так как семья в 1930-е годы спешно переехала в Иркутск, а затем в Омск. Деда уже не было вместе с семьей, предполагают, что он убит кем-то из родственников жены. Был он владельцем молотанки, и у него была богатая усадьба. Так и не знаем, где его могила. Тогда же, опасаясь репрессий, вторую часть фамилии у младших детей убрали. Помогите, пожалуйста. Нас устроят любые сведения о нашем родственнике Прокудине-Горском Александре Михайловиче».

Письмо меня заинтересовало, тем более оно связано с именем С. М. Прокудина-Горского (1863-1944) – всемирно известного ученого, члена Русского географического и Русского технического обществ, пионера цветной фотографии, создателя удивительной коллекции

достопримечательностей Российской Империи [1]. Современному читателю и зрителю творчество С. М. Прокудина-Горского стало известно сравнительно недавно. В 2001 г. в Библиотеке Конгресса США были отсканированы и выложены в интернет тысячи его чудесных цветных фотографий с изображением памятников культуры, истории и модернизации разных уголков дореволюционной России. Среди них Бухара и Бородинское поле, Ясная Поляна и Пермский край, фотопортреты Льва Толстого, Федора Шаляпина, членов царской семьи.

В 1912 г. С. М. Прокудин-Горский посетил Зауралье, проехал вдоль реки Исети и сделал цветные фотографии Каменского Завода, сел Колчеданского и Катайского, Далматовского монастыря, храмов города Шадринска и строительства железной дороги. После Шадринска путь его лежал на Камышлов. Но о том, что у него был брат в селе Тамакульском и, вероятно, они там встречались, ни в одном источнике не указывалось. Начались поиски.

В Далматовском ЗАГСе подтвердили, что Нина Вадимовна Прокудина действительно родилась 5 апреля 1927 года на выселке Михайловка Тамакульского сельсовета, родители – Прокудины Вадим Александрович и Лидия Михайловна. Но в метрических книгах Тамакульской церкви о браке Александра Михайловича с Евгенией Ивановной и о рождении у них детей никаких записей не нашлось.

Обратился за помощью к родоведам Уральского историко-родословного общества, и спустя некоторое время пришел первый долгожданный результат от знакомой исследовательницы Л. В. Рябухо. Людмила Викторовна в Государственном архиве Свердловской области просматривала копии документов, представляемые в учебные заведения Камышловского уезда, и

нашла выписку из метрической книги Свято-Троицкого собора Алапаевского Завода Верхотурского уезда. В ней запись о рождении 2 января 1903 года сына Вадима у потомственного дворянина Владимирской губернии Александра Михайловича Прокудина-Горского и его законной жены Евгении Иоанновны. Восприемниками были главный врач Алапаевской заводской больницы, потомственный почетный дворянин Орловской губернии, Александр Гаврилов Корсак-Кулаженко и города Верхотурья купеческая жена Любовь Федорова (в других источниках – Петровна) Бурдакова [2].

А историк Михаил Сергеевич Бессонов, автор биографического словаря севера Свердловской области, добавил, что Любовь Петровна – жена купца 2-й гильдии Ивана Капитоновича Бурдакова, владельца мануфактурных лавок в Турьинских Рудниках (ныне г. Краснотурьинск), Надеждинском Заводе (ныне г. Серов) и золотого прииска Вознесенский на реке Вагран. Евгения Ивановна – его старшая дочь. После смерти И. К. Бурдакова прииск перешел его жене, а затем зятю А. М. Прокудину-Горскому. Тот в 1906 году заплатил налог за строения на прииске, о чем есть запись в «Журнале Верхотурского уездного земского собрания» [3].

Вот это поворот! Оказывается, Александр Михайлович был зятем богатого верхотурского купца, и сын его Вадим родился не в Тамакуле, а в Алапаевске. Но как он оказался на Урале? Да ничего удивительного: Бурдаковы тоже выходцы из Владимирской губернии, земляки познакомились и породнились.

Но вскоре в жизни А. М. Прокудина-Горского всё круто изменилось. Вероятно, из-за споров за наследство с родственниками жены его семья вынуждена была перебраться в Камышловский уезд. Их второй сын, Юрий Александрович, родился в 1907 году уже в селе Шутино (ныне Катайского района), о чем есть информация в интернете на сайте ОБД «Мемориал» [4]. Затем они поселяются на выселке Костроминых Тамакульского села, где Александр Михайлович, по сведениям родственников, держал небольшое маслодельное предприятие.

Последнее сообщение об Александре Михайловиче Прокудине-Горском мне передал

председатель совета Уральского церковно-исторического общества А. В. Печерин. Связано оно с событиями Гражданской войны в Зауралье, а точнее, с крестьянским восстанием в Камышловском уезде в июне-июле 1918 года. В это время белочехи и белогвардейцы захватили Шадринск и продвигались дальше. Готовясь к отступлению, члены Тамакульского волисполкома решили вывезти в Камышлов документы и денежную кассу. В ответ крестьяне подняли бунт, разогнали волостной Совет. На подавление «кулацкого мятежа» Уком (уездный комитет) направил два отряда красноармейцев, которые в селе Кривском попали в засаду и едва не были разгромлены. В своих дневниках будущий маршал, а тогда боец отряда Кучмея, Филипп Голиков писал: «Мрачные и печальные к вечеру 10 июля вернулись мы в Тамакул. Снова провели здесь обыски. И не зря. Ищем теперь более тщательно и зорко. Уже знаем цену беспечности. У некоторых богатеев нашли спрятанные наганы, винтовки, патроны. Самых активных врагов народной власти расстреляли. Остальных арестовали и повезли с собою в Камышлов» [5]. Тогда вместе с другими забрали священника Падеринской церкви В. С. Милицына и потомственного дворянина А. М. Прокудина-Горского.

В Свердловской областной библиотеке им. Белинского Андрей Владимирович Печерин отыскал газету «Зауральский край» от 30 августа 1918 года. В хронике дается сообщение о том крестьянском восстании и жестоком его подавлении. Опубликован список 53 граждан города Камышлова и его уезда, «убитых большевиками, осмотренных членами следственной комиссии, врачами и судебным следователем и погребенных в общей братской могиле на городском кладбище в городе Камышлове 3 августа 1918 года» (дата по новому стилю) [6].

В списке много крестьян из сел Тамакульского и Падерино, деревень Ошурковой, Летягиной (ныне Бабиновой) с описанием полученных ими ран. Под номером 40 значится: «священник с. Падерино Милицын Василий Степанович 56 лет, рубленая рана на голове, отрублены четыре пальца правой руки». Под номером 12: «Прокудин-Горских Александр Яковлевич, проживал в селе Тамакульском, 50 л., штыковая

рана на спине и излом черепа». Не совпало только отчество, но, несомненно, это он, брат известного фотографа. Так были установлены время трагической смерти А. М. Прокудина-Горского, причина и место погребения.

После смерти Александра Михайловича его жена с детьми оставалась на выселке Костроминых. По переписи 1920 года там проживало еще шесть семей. Евгения Ивановна записана как Прокудинагорская. Семья имела 5 десятин земли и 2 рабочие лошади [7].

Вадим Александрович подростом, взял в жены Лидию Михайловну Кочегарову, из деревни Ошурковой. Здесь у них родились дочери Ия, Нина и сын Игорь. Младший сын Александр родился в 1939 году уже в Омске. Работал на Омском машиностроительном заводе, где собирали ступени ракет, на одной из которых полетел в космос Юрий Гагарин. Последнее время он жил в Крыму, в Алуште. Всю жизнь пытался разыскать своих родных, но отец никогда не говорил о дедушке Александре. В семье боялись, отсюда и потеря второй (указывающей на дворянское происхождение) части фамилии.

Александр Вадимович долго хранил фотографию, на которой запечатлен его дед Александр вместе со своим братом Сергеем Михайловичем и его старшим сыном Дмитрием. Предполагают, что это фото 1912 года, когда С. М. Прокудин-Горский был в экспедиции по Уралу, и после Шадринска по дороге в Камышлов заехал к брату в Тамакул.

В районе ЗАГСе нашлась запись о браке в Тамакульском сельсовете 2 марта 1926 года Прокудина Юрия Александровича, 02.02.1907 г.р., и Приваловой Натальи Афанасьевны, 28.08.1906 г.р.

Вадим Александрович и Юрий Александрович Прокудины в 1931 году со своим скудным имуществом вступили в сельхозартель «Красный Восток», но затем вскоре были исключены, и еще до раскулачивания выбыли в неизвестном направлении [8].

На фронт Юрий Александрович Прокудин призывался из Новосибирска, воевал в 303-й стрелковой дивизии наводчиком орудия, награжден орденом Отечественной войны

1-й степени, орденом Славы 3-й степени, медалью «За отвагу». Погиб за месяц до Победы, 10 апреля 1945 года, похоронен в Австрии [9]. Вадим Александрович Прокудин в годы войны работал в городе Калачинске Омской области начальником школы по подготовке снайперов для фронта.

В марте 2011 года в Санкт-Петербурге прошла презентация книги «Семейная сага», написанной внучатой племянницей известного фотографа, Натальей Андреевной Нарышкиной-Прокудиной-Горской. В книге представлена поколенная роспись рода Прокудиных-Горских – от татарского князя Мурзы, участника Куликовской битвы, и внука его, Прокуды, до наших дней. В роспись не успело попасть сообщение о смерти Александра Михайловича, зато о внучке его, Нине Вадимовне, написано подробно:

«110/91. Нина Вадимовна Прокудина. Родилась 05.04.1927 года в селе Тамакул Уральской области. Живет в Барнауле.

Когда началась Великая Отечественная война, Нине Прокудиной было 14 лет. Трудилась в тылу для фронта, для победы. В феврале 1945 года с ней произошло несчастье, поездом отрезало обе ноги.

Но трагедия не сломила ее дух. Уже на протезах, после войны окончила школу рабочей молодежи. Затем Омский сельскохозяйственный институт, экономический факультет. Работала все годы, вплоть до пенсии, экономистом. Стала начальником Крайплана Алтайского края. За время работы награждена нагрудным знаком «Отличник народно-хозяйственного планирования», медалями «Ветеран труда» и «За доблестный труд». Вышла замуж, но фамилию не изменила. Воспитывает внуков и правнуков.

Ее муж: Анатолий Сергеевич Оберт. Родился в Омской области, в селе Люблино, 25.10.1933 г. Окончил Омский медицинский институт. Работает в Алтайском государственном медицинском университете. Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач России, член-корреспондент Сибирской академии наук высшей школы.

Семейное хобби: путешествия. Вместе объездили всю Россию, а также страны ближнего

и дальнего зарубежья. Маршруты их семейных путешествий проходят от Кореи до Испании, от Норвегии до Африки.

Сила духа Нины Вадимовны против силы судьбы и одновременно ее душевная мягкость и деликатность вызывает восхищение всех тех, кто с ней встречался. В юбилейный для Нины Вадимовны год областная газета напечатала посвященное ей стихотворение «Мужественная женщина».

У Нины Вадимовны Прокудиной и Анатолия Сергеевича Оберта два сына: Сергей (1955 г.р.) и Константин (1957 г.р.)» [10].

Вот такие нашлись подробности о пребывании в наших краях Александра Михайловича Прокудина-Горского и его детях. Брат его, Сергей Михайлович, умер вдали от Родины, в Париже, в сентябре 1944 года. Похоронен при православной церкви на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Его большую фотоколлекцию семья продала Библиотеке Конгресса США.

Примечания:

1. URL: <http://www.prokudin-gorsky.org/rightpages.php%3Ffname%3Dbio>
2. ГАСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1а. Л. 194 об., 195.
3. Бессонов М.С. История Северного Урала в лицах. – Екатеринбург, 2011.
4. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4457184>
5. Голиков Ф.И. Красные орлы (Из дневников 1918-1920 гг.). – Москва: Воениздат, 1959.
6. По Уралу. Камышлов // Зауральский край. 1918. 30 августа.
7. ГАС. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 42. Л.49.
8. Далматовский районный архив. Ф. 80. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; Д. 13. Л. 18.
9. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie47246768/
10. Нарышкина-Прокудина-Горская Н.А. Семейная сага. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010.

* * *

Е. В. Тепикин
 Директор МАУК «ЦБС»
 г. Каменск-Уральский

Поэт Юрий Каплунов в воспоминаниях земляков

26 ноября исполнилось бы 77 лет Юрию Каплунову – поэту, члену Союза писателей России, председателю Каменск–Уральского литературного объединения с 1978 по 2021 год. Не будет преувеличением сказать, что Юрий Михайлович сделал наш город литературным. Его стараниями изданы комплект из семи книг «Поэты Каменска–Уральского» (1991), антология «Вечный огонь. Поэты одного города о войне» (2005; 2015). С 1993 года в городе начал проводиться Рождественский поэтический конкурс, ныне получивший областной статус. Не единожды в Каменске-Уральском проходили совещания молодых писателей всероссийского и международного уровня.

Сегодня в городском литобъединении 11 членов Союза писателей России, и большинство из них могут назвать себя учениками Каплунова.

Ко дню рождения поэта воспоминаниями о нем поделились земляки – друзья, коллеги, товарищи по литобъединению.

Николай ТОРОПОВ, инженер–технолог, преподаватель, близкий друг Юрия Каплунова:

– С Юрой Каплуновым мы встретились 1 сентября 1959 года, когда поступили в Каменск–Уральский алюминиевый техникум, в группу механиков. Красивый, с густой копной волос, с приветливой улыбкой – Юра выделялся из всех в группе. И сразу был колхоз. До октября мы жили и работали в Сипавском. Спали на полу, на матрасах, набитых соломой. Было нелегко, но выжили. Потом были науки. О них Юра написал в своих стихах «Математик дедушка Сокольский...». Писал Юра много. По вечерам мы бродили по Алюминиевой, и он читал вслух:

*Ночь по гулким кварталам плывёт!
 Кто сказал, что ночь – это поздно?*

*И влюблённые ночь напролёт
 Щедро дарят друг другу звёзды.*

Мы тогда уже знали, что Юра будет большой поэт. И благодаря ему мы приобщались к поэзии. Часто собирались у него в квартире, где Юрина мама Раиса Вениаминовна кормила нас разными форшмаками. После техникума мы поехали с Юрой по распределению в город Орск на Южуралмашзавод. 1963–й – голодный год. Не было ни продуктов, ни доброго вина. Достали где-то шаровку 0,8 л плодово-ягодного. Сели в поезд – напротив два сермяжных мужика. Мы достали свою 0,8, у них бутылка хорошей фетяски. Мы открыли, они открыли. Мы поморщились, они поморщились. Юра был без комплексов и говорит мужикам:

– Может, поменяемся?
 – А сколько градусов?
 – 18.
 – Добро!

Они довольны, и мы довольны... В Орске Юра не остался и вернулся в Каменск на КУМЗ. 26 ноября 1963 года я приехал к нему на день рождения. Через несколько дней и ему и мне предстояла армия. Три года отслужили от звонка до звонка.

После армии у нас был бурный этап жизни. Ударились в туризм, а, точнее, увлеклись спелеологией. Пошли спецкомбинезоны, оборудовали каски с фонариками. Облазили близлежащие пещеры, прежде всего, облазили вдоль и поперек Смолинскую. Недалеко от Смолинской обнаружили новую, перспективную дыру. Начали исследовать, а там камни-чемоданы висят, качаются. Ходили туда каждую субботу, как на работу. Хлебнем для храбрости спирта – и вниз. Прошли метров 20, разбирая завалы.

А однажды пришли после дождя, а там все обвалилось.

И всего—то нам тогда надо было:

Да шалаш на семи ветрах.

Да луна семенит в ветвях.

Звёзды в небе,

Вода в реке,

Остальное всё в рюкзаке.

Именно «семенит в ветвях» было в первоначальном варианте. Потом Николай Мережников настоял, чтобы стало «на синих ветвях».

Потом были институты, свадьбы. Мне на свадьбу Юра подарил чеканку с Серебряным Копытцем и текстом:

А наказ мой таков:

Через годы и годы —

Лёгких вам рюкзаков

И хорошей погоды!

Так и шагали мы всю жизнь рядом в рюкзаках. Через Камышенку, Ключики, Тыгиш, родниковую поляну, Смолино. Пили сок березовый-белорозовый, охотились по груздям, белым, опятам, заготавливали чабрец, душицу, зверобой, любовались золотым новогодьем.

И вот теперь Юры нет. Внезапно... Трудно это осознать, трудно удалить его номер телефона. Но его прекрасная поэзия будет вечно звучать рефреном всей его жизни, великой его любви к Родине.

Нина БУЙНОСОВА, поэт, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России, почетный гражданин города Каменска-Уральского:

— Мы были первыми, и потому — любимыми «птенцами гнезда Мережникова»: Коля Голден, Женя Кузеванова, Алёша Сиголаев, Володя Андреев, Юра Томилов, Юра Каплунов, я...

На областных семинарах молодых поэтов каменская команда и тагильчан, и первоуральцев «побивала». Разве что со свердловчанами на равных шла. А причина была в том, что Коля Голден и Юра Каплунов — тогдашние студенты-заочники Московского Литинститута — завели в литобъединении железное правило деловой работы: не захваливать, но и не затапывать друг друга. Только — деловой разбор стихов. За слова «мне нравится» или «мне не нравится» — штраф — 20 копеек: не болтай, а доказывай, что

именно интересно и ценно или следует переделать в конкретных строчках и строфах.

В то время бутылка сухого рислинга стоила, по-моему, 1 рубль 80 копеек. Набирается означенная сумма — покупаем бутылку на всю компанию и идем в лес. И там, сидя где-нибудь под березой или сосной, до одури читаем стихи — свои, чужие...

Мы вообще любили «выбираться на природу» по самым разным поводам. В свое время Мережников посоветовал первокласснику Юре Каплунову попробовать писать стихи о природе. Он и не предполагал, в какую страсть выльется исполнение этого совета сначала у самого воспитанника, а потом и у всего литобъединения, потому что именно Каплунов весной тащил нас в лес за березовым соком, летом — за грибами, осенью — на речку Камышенку.

Эти путешествия, конечно, отзывались новыми стихами. И тот же Каплунов обидное неумение рисовать красками научился замечательно заменять умением рисовать словами. Чего только стоит картинка: «Лишь светит над холодной пашней желток соломенной копны!»

А потом мы шли со стихами в цеха, заводские общежития, в школы, в техникум...

Александр ШАЛОБАЕВ, поэт, член Союза писателей России, заместитель начальника управления культуры Каменск-Уральского городского округа:

— Я познакомился с Юрием Михайловичем Каплуновым весной 1983 года. Впрочем, познакомился — громко сказано.

Встречал регулярно в газете «Каменский рабочий» объявление — всегда одно и то же. Например: «6 января в 14:00 в ДК «Юность» состоится занятие городского литературного объединения». У меня к тому времени накопилось стихотворений двадцать уже настоящих, как мне тогда казалось. Об Афганистане. Написанных в Афганистане... Нужно было кому-то показать, убедиться, что не только мне они кажутся хорошими, сильными, а другим — тоже. В общем, хотелось признания, как и каждому начинающему автору. И вот как-то решился, пришёл.

Занятия проходили на втором этаже ДК «Юность». Сейчас там, кажется, «Каскад» занимается. Впрочем, могу ошибаться. Помню, выходили окна во внутренний двор. Было много солнца – весна, наверное. Вёл занятие Николай Яковлевич Мережников. Как проходило занятие: накануне, видимо, были назначены обсуждаемые. И сейчас они выходили – один, другой, – читали стихи, а присутствующие «разбирали» эти стихи «по косточкам». Технология мало отличалась от современной. Кстати, и в Литинституте я столкнулся с той же формой работы над стихами, с теми же подходами, требованиями, заблуждениями... Это и понятно: среди членов литобъединения было два выпускника Литературного института: Юрий Каплунов и Алексей Сиголаев. Одним из обсуждаемых в тот день был как раз Алексей Сиголаев, второго не помню. «Били» Сиголаева крепко. Помню, меня поразило его спокойствие. Выслушав очередной оскорбительный (на мой взгляд), да что оскорбительный – убийственный! – выпад, он, не меняясь в лице, задавал уточняющий вопрос или соглашался, или не соглашался, но больше молчал, слушал. Это было необычно для меня, но понравилось. Потом уже Каплунов разъяснил, подтвердил правильность такой позиции. Принимать критику необязательно, попытаться понять – необходимо. И вообще, с благодарностью относиться к любой критике: ведь человек не поленился – прочитал твои стихи – думал над ними, пытается тебе помочь. Спасибо за потраченное время, как минимум. А иногда и глаза открываются. На себя, на мир... Для меня такое отношение автора к обсуждению своих стихов стало навсегда образцом, примером. Я и теперь стараюсь с холодностью постороннего выслушивать чужие (иногда чуждые) мнения, и пытаться понять, что критик хочет сказать. Почему он говорит именно это? Именно такими словами?

Новые люди появлялись на занятиях литобъединения, видимо, не часто, поэтому я чувствовал на себе взгляды, чувствовал интерес. Наконец женщина лет сорока, показав глазами на мой блокнот, спросила: «Стихи?» Я кивнул. «Дай-ка посмотреть». Обсуждение чьё-то идёт,

а мне не до того – мои стихи читают! Пробегав глазами несколько страниц, Нина Ивановна Буйносова (а это была она) передала блокнот сидящему рядом мужчине. Теперь уже он стал вчитываться в странички моего блокнота. А в перерыве (перекуре) уже поговорили и познакомились с Ю. М. Каплуновым (а это был он). Впрочем, повторю, познакомились – громко сказано. Для меня Каплунов был тогда и на протяжении всей жизни оставался мэтром, настоящим, большим поэтом–шестидесятником. Уровень его поэтического мастерства и тогда, и сейчас остаётся для меня недостижимым. А его осведомленность как о литературе, так и о мире литературы, околотитулярной жизни была в то время для меня действительно (как ни банально это прозвучит) окном, которое вдруг распахнулось и ворвался – свежим ветром – целый мир – незнакомый, яркий. Прекрасный!..

Так я стал приходить в ДК «Юность» два раза в месяц по воскресеньям. Ждал этих воскресений. Обычно, начинали обсуждение люди менее опытные, молодые, затем – кто уже «потёрся в литературных жерновах», а заканчивали в таком порядке: Буйносова, Каплунов, ну и последний, подводил итоги обсуждения, Мережников.

Разбор Каплунова был очень профессионален: он не только отмечал слабые стороны, но и всегда находил для автора выход, вплоть до подбора конкретного «не дававшегося» автору слова, хода, образа... Было понятно, что дай он себе волю, и на тему обсуждаемого стихотворения написал бы другое, намного глубже, изощрённее, талантливей... Но нужно было, чтобы автор сам понял, как надо, как могло бы быть. Сам дошёл. Тогда это будет не чьё-нибудь, а его стихотворение. Вообще Каплунов не «тащил себя» в чужие стихи. Любил говорить: «Надо исходить из законов именно этого стихотворения. Автор создал в стихотворении мир, придумал его законы. Мы не должны их нарушать. Правильно стихотворение можно в рамках законов этого стихотворения!» Надо сказать, что Каплунов был жёстким критиком, редактором. Если «поэт» был бездарен, то Юрий Михайлович, честно сделав несколько попыток помочь, натываясь на непонимание бездари, терял к нему

интерес. Называл вещи своими именами. Если штамп – так и говорил: «Штамп!» Самолюбия не щадил. Интересы поэзии, поэтической правды, приоритет таланта всегда были для него выше обид человеческих. Он искренне не понимал, когда на него жаловались (а жалобщиков было не мало) за излишнюю суровость: «Так что мне его – хвалить, что ли?»

Зато если обнаруживал талант, даже в небольшой концентрации, готов был возиться с ним, помогать, выращивать, пестовать, развивать...

Со мной тоже возился. С самых первых дней моих в лито. Помню, заканчивается занятие, и мы с Октябрьского – пешком – идем до Челябинской. До каплуновского дома с магазином «Спорттовары». Постоим, разговаривая. Потом ещё пройдемся – до площади Горького. Обрато – до Челябинской. И говорим, говорим... Говорит – то, собственно, Юрий Михайлович. А я слушаю с открытым ртом. О Литинституте, о редакциях столичных журналов, называет имена, имена, – десятки, сотни имён валяются на меня ворохом. Большею части я никогда и не слышал. А он цитирует, читает на память целые стихотворения. Неизвестные стихи известных поэтов. Стихи неизвестных мне поэтов. От него я, парень из простой рабочей семьи, литературные познания которого ограничивались школьной программой, впервые услышал стихи Мандельштама, Пастернака, Межирова, Кирсанова, Цветаевой, Заболоцкого, Рубцова...

А ещё, когда я впервые побывал у него в гостях, я увидел жилище поэта! Там вместо стен были книжные полки, там было накурено, там горбилась на столе пишущая машинка. Машинписные листы, папки, рукописи лежали тут и там. На столе – ручной работы пепельница из берёзового капа, многочисленные закладки в книгах, книгах... А книги – то какие! Библиотека поэта – большая серия, малая серия – много! Это была на уютнейшая однокомнатная берлога поэта! Литературное логово! Как мне нравилось там!

Именно там я увидел знаменитый «Поэтический словарь» Квятковского. Культовая книга советской эпохи! Словарь силен был тем, что

в нём, изданном в период «Оттепели», в качестве примеров к словарным статьям, приводились в изобилии цитаты многих запрещенных или замалчиваемых в те годы поэтов. Цитаты, подобранные с любовью и знанием дела. Своего рода – учебник для поэтов. Словарь Квятковского, по словам самого Каплунова, он украл в библиотеке. «Там он всё равно никому не нужен». Словарём «с криминальным прошлым» Юрий Михайлович дорожил, но мне его почитать дал. И это было ещё одно окно, которое открыл (распахнул!) для меня Каплунов.

Слушая рассказы Юрия Михайловича о Литературном институте им. Горького, я и не думал, что могу туда поступить. Студенты Литинститута казались мне не менее легендарными и даже мифологическими персонажами, чем слушатели какого-нибудь ИФЛИ или деятели ВХУТЕМАСа. Однако, как-то во время одной из наших с Каплуновым прогулок (вместе со Стасом Чадовым, тоже, кстати, интересным поэтом (кто не знает)) Юрий Михайлович сказал: «Я тебе советую поступать в Литинститут. Творческую работу помогу подготовить». Я аж дар речи потерял. Я? В Литинститут? И Стас потом уже добавил – давай!.. А почему бы и нет!

И началась подготовка творческой работы. Основной конкурс при поступлении в Литинститут – это конкурс творческих работ. В 1985 году, когда я поступал, конкурс был – 25000 человек на место. Это не опечатка. Прописью: двадцать пять тысяч! А что? Самая читающая страна в мире! Соответственно, и самая пишущая. А тем, кто этот конкурс прошёл, уже обычные для вузов экзамены нужно было сдавать. И тут конкурс уже 2–3 человека на место. Всего. Это из, так сказать, избранных. Как же стать одним из двадцати пяти тысяч?

И снова целая наука от Каплунова. Ведь что такое творческая работа? Фактически нужно составить рукопись поэтического сборника, книги. 350 строк. Половина авторского листа. А как составить? Как подступиться даже? Я принёс Каплунову всё, что у меня тогда было – стихотворений сорок. Половина была безжалостно выброшена, отложена в сторону. Другая же половина тасовалась почти бесконечно:

оказывается, как попало стихотворения не расставишь: они могут мешать друг другу, противоречить, даже разрушать друг друга. А могут поддерживать, развивать, добавлять друг другу оттенки, предварять, полемизировать... Азы составления книг – от Каплунова. Составили творческую работу, выслал, жду. Ждём, вернее. Каплунов, может, больше меня. И вот – вызов в институт! Радости было!..

Так Юрий Михайлович определил в значительной степени мою судьбу. Да только ли мою!

Думая о роли Юрия Каплунова в городской жизни, в истории города, вспоминается и многодесятилетнее руководство городским литературным объединением; и придуманный им и возглавляемый и продвигаемый Рождественский поэтический конкурс, открывший сотни новых поэтических имён теперь уже по всей стране; проведенные совместно с Ассоциацией писателей Урала совещания молодых писателей, давшие Каменску вторую по величине в области ячейку Союза писателей России; первое «многотомное» издание каменских поэтов «Поэты Каменска–Уральского» – семь книг под общей суперобложкой – идея и воплощение Каплунова. Да много всего: за без малого сорок лет, что я его знал, – рассказать есть о чём!

Но главное, что было в Юрии Каплунове, – это его поэтический дар. Помноженный на высокую требовательность к себе и, как следствие, высочайшую техническую оснащенность, и в то же время сдержанность в выборе художественных средств, утонченный вкус, чувство стиля и гармонии. И именно дар, его призма, делает каждое воспоминание о Юрии Михайловиче значительным, важным. Потому что это воспоминания о жизни настоящего большого поэта. А что может быть интереснее жизни поэта!

Владислав УСТЮГОВ, поэт, член Союза писателей и Союза журналистов России, руководитель медиа-группы «Компас»:

– Юрий Михайлович Каплунов... Он был для меня в каком-то смысле крестным отцом. Наставником... В литературе – точно. Без него меня как поэта просто бы не было. По крайней мере, публикации в журнале «Урал», альманахе

«Поэзия», коллективных сборниках, выходящих в Свердловске–Екатеринбурге и Москве, обе мои книжки – это целиком его заслуга. Как и то, что меня и еще нескольких каменских авторов приняли в Союз писателей России.

Мы познакомились, кажется, в 1984 году. Незадолго до того мы с ребятами из группы, а я тогда учился в алюминиевом техникуме, ездили в Ленинград. Так вот, будучи в Ленинграде, я зашел в редакцию журнала «Аврора». Я его читал, мне нравилось, какие стихи там печатают. И, конечно, я подумал, что вот приду, покажу свою тетрадку со стихами – и там сразу напечатают и мои. Эх, не взяли. Но поговорили – литконсультант не пожалел времени, почитал, что-то похвалил, что-то покритиковал, посоветовал заняться стихами всерьез, отнестись к этому не как к забаве, а как к важному делу. Которому нужно учиться и учиться. Если есть амбиции быть не очередным графоманом. Графоманом быть не хотелось, ведь я тогда зачитывался Блоком, Брюсовым, Ахматовой, Станиславом Куняевым, Николаем Дмитриевым...

Вот так я пришел в городское литобъединение. Им тогда руководил Николай Мережников. И я очень благодарен ему за первые уроки мастерства, за доброжелательную критику. Планка изначально была поднята высоко. Ну а Юрий Михайлович поднял ее еще выше. Он почему – то сразу решил, что после техникума мне надо поступать в Литературный институт в Москве. Ну, может, не сразу – в процессе общения. А общаться мы тогда начали довольно часто. Как учитель и ученик. Я приносил новую порцию стихов – он устраивал разбор, я уходил переделывать. Иногда мы спорили: мне казалось, что вот эта конкретная строчка или вот этот конкретный образ – вау, почти шедевр. А он так не считал. Порой это было обидно. Но в конечном счете я всякий раз убеждался, что Юрий Михайлович прав. Он был не просто талантливым поэтом, а еще и талантливым наставником, мастером профессионального обучения. «Каменская поэтическая аномалия» – это ведь его заслуга...

Постепенно наше общение переросло в дружбу. Мы и выпивали иногда вместе, и в лес по грибы ездили. А потом, это уже году в 2008,

когда Юрий Михайлович вышел на пенсию, он пришел работать к нам, в медиа-группу «Компас». И стал очень толковым менеджером по рекламе. Специализировался на продажах наружки, работал с самыми крутыми московскими и екатеринбургскими рекламными агентствами. Сказывался его огромный опыт работы на КУМЗе, в ПО «Октябрь». Работящий, ответственный человек...

Он работал у нас до пандемии. В конце марта прошлого года, как велел Путин, ушел на самоизоляцию. И уже не вышел из нее... Я теперь думаю, что затворничество отчасти ускорило его уход. Пока он приходил в редакцию, пока работал – писал письма, разговаривал по телефону, составлял медиа-планы, общался с коллегами, – он держался. И мог бы держаться, наверное, еще. Возможно, мне надо было настоять, чтобы он все-таки хотя бы время от времени приезжал в офис. Пусть в маске, пусть на такси. И я предлагал оплачивать ему такси. Но, видимо, это надо было делать раньше. Он как-то быстро стал сдавать, а я, а мы просмотрели...

И все же мне казалось, что он еще поживет. Разве это возраст? Вон в Америке Трампы и Байдены постарше будут, а государством рулят, судьбы мира решают. Пол Маккартни с Миком Джаггером всю концерты дают... Известие о смерти Юрия Михайловича ошарашило. Ну как это возможно? Вот ведь я видел его на днях. Он подарил свою новую книжку. С автографом... Он так радовался этой книге! И в тот день он ходил в парикмахерскую – подстригся, подправил бороду – помолодел, посвежел... И все? И все. Нет человека.

«Но весь я не умру...» Юрий Михайлович останется в нашей памяти – всех тех, кто знал его. Банально? Думаю, его стихи будут читать те, кто еще не родился, кого нет на свете. В Каменске–Уральском – точно. Потому что всю свою жизнь, все свое творчество он посвятил родному городу. И, на мой взгляд, вполне заслужил звание почетного гражданина города. Я бы проголосовал за это. И не только в Каменске, думаю, будут читать Каплунова. Он не слишком известен за пределами Урала – это да, но ведь и Куняев с Дмитриевым не слишком известны за

пределами Переделкино. Для меня так: Юрий Михайлович уже вошел в историю российской словесности, для ценителей поэзии в России он останется реально самобытным автором, сумевшим емко и образно выразить эпоху, послевоенное время, душевные переживания, невыносимую прелесть бытия на фоне провинциальной жизни заводского города и уральской природы. Поэзия, настоящая поэзия – вне географии, вне времени, так ведь?

Дмитрий КОЧЕТКОВ, поэт, прозаик, драматург, руководитель творческого объединения «Феникс»:

– Среди моих знакомых Юриев Михайловичей было четыре. Получается, для меня это самое популярное имя–отчество. Один – просто мой коллега по прежней работе, дай Бог ему здоровья. Остальные мои «юриимихайловичи» уже ушли...

Ушел художник Северухин. Ушёл Ерёмин, написавший когда-то текст для гимна УАЗа.

Теперь не стало и Каплунова...

Наша разница в возрасте с Юрием Михайловичем Каплуновым – 20 лет. Не так уж много, казалось бы, но поколения всё-таки разные. Он – дитя военного времени, я – родился после войны. В год моего рождения он окончил алюминиевый техникум, а его стихи о космосе ещё за два года до моего появления на свет прозвучали по Всесоюзному радио...

Юрий Михайлович вырос и мужал в то время, когда оно, это самое время, измерялось не днями–месяцами–годами, а целыми эрами и эпохами. Было довоенное время, потом военное, потом послевоенное... Он напишет об этом в своём «Летосчислении». Была докосмическая эра – наступила космическая... Всё это так и воспринималось тем поколением: неслись по рельсам поезда, летели за облаками самолёты – а за окнами мелькали эпохи. И в отрывных календарях появлялись новые красные даты, которыми обозначались вехи, рубежи, конечные и отправные точки... то самое летосчисление!..

Может быть, именно поэтому для Юрия Михайловича было так важно отмечать эти рубежи – и в своём творчестве, и в творчестве поэтов

руководимого им литобъединения: вот твой допечатно–докнижный период, вот тебя издали, а вот – ты уже член Союза писателей... И это всё твои личные вехи, твои эпохи, они значимы и для тебя, и для твоего учителя.

Меня, чьё взросление проходило во времена позднего Брежнева, когда уже никакие эпохи не менялись, долго удивляло – зачем в своих публичных выступлениях Юрий Михайлович постоянно заостряет внимание на том, что лично мне казалось пустой суетой. Потом, как следует вчитавшись в его стихи, я понял: в системе координат Каплунова это действительно очень важно. И со своей точки зрения он абсолютно прав... Что, разумеется, не умаляет правоту и иных точек зрения.

Мы впервые встретились на заседании городского лито, кажется в конце 90-х... возможно, в начале нулевых... не могу вспомнить точно. Сначала я просто присматривался, прислушивался, потом что-то принёс... В то время серьёзных стихов я почти не писал – сочинял шуточные вирши да ещё юмористические рассказы (в то время на этом можно было даже заработать). Помню, на одно из заседаний лито я принёс литературную пародию на... самого Юрия Михайловича. Юрий Михайлович, как обычно, пустил листочек по кругу, а потом и сам почеркался на полях.

Из той пародии я сейчас могу вспомнить лишь первые строки. Она была на тему: как переложил бы в стихотворную форму Юрий Михайлович Каплунов русскую сказку о Колобке. Началось так:

*Хорошо замешенное тесто,
Результат упорства и труда,
Колобок, мучное совершенство,
Ты давно ль на свете?
– А всегда!*

Юрий Михайлович, усмехнувшись, дал мне несколько дельных советов. Думаю, это был редкий в истории случай, когда поэт редактировал чужую пародию на самого себя.

К сожалению, моё пребывание в городском лито было недолгим. В тот период в коллективе лито зрела определённая оппозиция – увы, это так, из песни слова не выкинешь. Постоянно

доводилось слышать, что «пора свалить Каплунова», что он «изжил себя как руководитель». Мне эта атмосфера не нравилась, я стал реже появляться на заседаниях, а потом перестал приходить совсем. Может быть, и зря, теперь трудно об этом судить...

Перефразируя Юрия Михайловича (если оценивать течение времени из его системы координат – из его «летосчисления»), можно сказать, что у нас, в нашем городском литературном процессе, наступает теперь эпоха «после Каплунова». Ушёл поэт, ушёл руководитель. Кто-то из собратьев по перу назовёт себя его учеником, кто-то нет, – но, наверное, ни один не скажет, что общение с этим непростым талантливым человеком было бесполезным.

Его последняя книга называется «Шуга», а в одноимённом стихотворении – тоже про рубежи. Между осенью и зимой, между жизнью и нежизнью. Вот только сама шуга – что такое? Всего лишь мелкие льдинки, плывущие в холодной воде.

Что хотел нам сказать поэт, назвав так свою последнюю книгу?..

Возможно, когда-нибудь поймём.

Андрей ТОРОПОВ, поэт, член Союза писателей России:

– Юрия Михайловича Каплунова я помню с самого раннего детства. Близкий друг моего отца, он постоянно находился рядом с нашей семьей. Это совместные праздники, походы выходного дня, поездки за грибами, в баню и тому подобное. Здесь, конечно, особо выделяются традиционные ежегодные вылазки за березовым соком по маршруту от Бекленищево до Кодинки. Волнующие ребенка вещи: Ревун, Смолинская пещера, висячие мосты, обед на костре – все это было тесно связано с Юрием Михайловичем. Из поэтического на этом этапе отложились в памяти различные строчки из его стихов, которые мой отец часто читал при мне вслух. Эти строчки и сейчас всегда со мной. Например, такие, как эти:

*Декабрь вышагивает в гору,
И за делами помним мы:
Над деревьями*

*В эту пору
 Столбятся белые дымы.
 Слетает
 изморозь с берёз,
 Ярее дни в краю родимом.
 И даже в городе
 Мороз
 Слегка припахивает дымом.*

Другое воспоминание о Ю. М. Каплунове связано с 1989 годом – выборами народных депутатов СССР. Одним из кандидатов был директор нашей школы № 16 Владимир Петрович Шевалев – тоже один из важнейших людей в моей жизни, но близко общался с ним я уже, разумеется, позднее, когда стал постарше. Но речь сейчас о другом. В школе тогда висел большой плакат со строчками Юрия Каплунова:

*Воды не пей, травы не жуй,
 Исчезла рыба, нету клёва.
 Пока не поздно голосуй
 За кандидата Шевалёва!*

Этот политический лозунг, явление тогда совершенно новое, навсегда отложился в моей памяти. Интересно, сохранились ли эти строки где-то в письменном виде?

Когда я уже стал подростком, нам в школе дали домашнее задание написать стихотворение. Я написал, сдал и забыл. Вернее, не забыл (это стихотворение я помню до сих пор), но не придавал этому сочинению никакого значения. Примерно в то же время к нам в гости пришел Каплунов, и отец рассказал ему об этом моем поэтическом опыте. Юрий Михайлович попросил меня несколько раз прочитать «стихотворение», а потом около часа проговорил со мной о поэзии. В ходе этой беседы он попросил меня принести имевшийся в нашем доме томик Пастернака, прочитать из него «Сосны» и долго пытался объяснить мне красоту шедевра. Причем разговаривал он со мною не как с ребенком, а как с равным. Таким был мой первый поэтический урок, его я очень четко помню и теперь. Таких бесед тогда случилось несколько, и они сильно повлияли на меня.

Через несколько лет, «заболев» Николаем Гумилевым, я начал писать свои первые стихи, отправлять их на Рождественский поэтический

конкурс. Без особого успеха, хоть и был отмечен в номинации «Надежда». Ознакомившись с моими теми творениями, отправленными в первый раз на конкурс, Каплунов позвонил мне персонально, разгромил их, но отметил наличие у меня поэтического таланта. Помню, что он сказал, что в мои те годы (мне было 16 лет) он писал примерно также. Тогда же он и позвал меня приходить на занятия городского литобъединения. На занятия я начал регулярно ходить уже тогда, когда учился в университете в Екатеринбурге, но приезжал в Каменск–Уральский на выходные домой. В те годы (вторая половина 1990–х) каменское ЛИТО было в самом расцвете сил, самыми активными участниками литобъединения были Владимир Андреев, Михаил Минин, Иван Паздников. Бывали Дмитрий Кочетков, Наталия Санникова, Сергей Симанов и многие другие талантливые и очень интересные люди. Юрий Каплунов, как руководитель объединения, давал всем возможность высказаться по поводу предложенных для обсуждения текстов, но после устраивал подробный разбор. Разбор чаще больше походил на разгром, но Юрий Михайлович всегда отмечал то, что казалось ему творческими удачами автора. Литобъединение того периода отличалось очень горячими спорами, но его костяк почему-то сохранялся, никаких «смертельных» обид не случилось. Мы расходились разгоряченные после занятия, но практически в том же составе встречались вновь, через две недели. На занятиях царили принципы, заложенные «цехом поэтов», которые принес Юрий Михайлович, получив их в свое время от Н. Я. Мережникова и учителей из Литинститута.

Позже я побывал на занятиях у самых знаменитых поэтов и не со всеми литинститутскими принципами согласен теперь, считаю многие из них вредными. Но факт остается фактом – из литобъединения тех лет, да и других лет тоже, несомненно, вышло много литераторов, получивших известность за пределами моего родного города. Причем эти авторы с годами совершенствовались свое мастерство, именно вырастали в творцов прекрасных произведений. И советы, полученные участниками ЛИТО

от своего многолетнего руководителя, сыграли в этом процессе становления, как я ясно понимаю теперь, очень важную роль.

Со временем я стал редко приезжать в Каменск-Уральский, но иногда все-таки попадал на занятия литобъединения и в новом веке, окунаясь уже с некоторой ностальгией в ее оригинальную атмосферу. Юрий Каплунов выступил в конце «нулевых» составителем моей второй поэтической книги «На нашей стороне», которую я смог издать благодаря Рождественскому поэтическому конкурсу. Совместная работа с ним над этим поэтическим сборником стала также интересным и важным опытом в моей жизни.

Любопытно было наблюдать за Юрием Михайловичем на всероссийских совещаниях молодых писателей в Каменске-Уральском, в которых я принимал участие дважды и в результате попал в Союз писателей. Поэт Юрий Каплунов, несмотря на свою некоторую отстраненность от современного литературного процесса, чувствовал себя на этих мероприятиях совершенно комфортно, сразу же находил общий язык с приезжающими знаменитостями, общался с ними абсолютно на равных, прекрасно зная себе цену.

Стоит назвать еще одно полезное совместное дело. Одно время я по просьбе моего друга собирал материалы для исследования о творчестве Николая Мережникова. Одним из каналов этих сборов стало телефонное общение с Юрием Михайловичем. Мы провели несколько долгих бесед, Каплунов рассказал мне много интересного и неизвестного о своем учителе. Благодаря чему я стал не только гораздо лучше понимать творчество и литературную деятельность Николая Яковлевича, но и узнал, какое уважение, какую любовь испытывал к нему его ученик. Кстати, Мережников тоже в свое время, когда я встречался с ним в журнале «Урал», всегда спрашивал меня: «Как там Юра?».

В последние годы мы общались в основном по телефону, но в наших разговорах много говорили о поэзии. Я рассказывал ему о своих новых успехах и публикациях. Юрий Михайлович – о новых событиях каменской поэтической жизни. Изредка мы встречались на разных литературных

мероприятиях в Каменске-Уральском и Екатеринбурге. Из этих встреч мне очень дорого екатеринбургское выступление каменских поэтов в Доме Писателя несколько лет назад. В новом веке Юрий Каплунов почти не писал стихов и читал на таких вечерах свои старые хиты. В этот раз происходило то же самое – он читал «Послевоенную музыку» и другие свои хорошо известные вещи. Но вдруг неожиданно он начал читать совершенно новое для меня стихотворение. И, самое главное, что это стихотворение меня сильно «зацепило», абсолютно не уступая по силе его стихам времен всесоюзной известности.

*Дуреет воздух от шмелиных пуль,
Июнь переливается в июль,
Июль переливается в Илью;
Позволь, мой друг, и я тебе налью
Несовершеннолетнего вина –
Не допьяна, ведь и моя вина
В том, что в твои сегодня двадцать лет
Ты – всё ребёнок, и ещё – поэт,
Что на Руси повязано жестоко
С земным предназначением пророка.*

Я очень рад, что это стихотворение, которое Юрий Каплунов посвятил одному из своих учеников – поэту Илье Ненко, вошло в последнюю книгу поэта «Шуга». Книгу, прекрасно составленную его другим известным учеником Евгением Черниковым. И я очень рад, что эту книгу Юрий Каплунов успел увидеть изданной.

Несмотря на достаточно почтенный возраст, он умер для меня совершенно внезапно. Еще недавно я поздравлял его по видеосвязи с днем рождения в ноябре, потом получил от него краткую смс с поздравлениями уже с моим днем рождения в январе. А в апреле его не стало. Когда я ехал с его похорон обратно из Каменска в Екатеринбург на автобусе, то проезжал речку Камышенку и другие его любимые места. Как раз в это время в апреле здесь появляется березовый сок. Само собой, прямо в автобусе, сложилось это стихотворение:

Памяти Юрия Каплунова

*Теки река Камышенка
В другие берега,*

*Кому досталась вишенка,
Кому – одна шуга.
Мы пили сок березовый:
Бесплатный и сырой,
Мы павлика морозова
Увидели весной.*

*Пока речушка теплится,
Он тоже будет жив,
И солнышко не сердится,
Себя и всех простив.*

*В походном настроении
Апрельские деньки,
От литобъединения
Остались лишь пеньки.*

*Но коль они останутся,
То можно посидеть.
Березы вновь потянутся
И будут соком греть.*

О поэтическом творчестве поэта Юрия Каплунова мне нужно будет написать отдельно. Для этого нужно выждать какое-то время. Но то, что он был настоящим поэтом, творцом «живых» строк, было известно уже его первым поэтическим учителям, хорошо понимается и нами – его учениками. Именно это в совокупности с признаваемыми всеми огромным талантом и колоссальным опытом литературного наставника и является, на мой взгляд, главным ответом на вопрос, откуда из каменского ЛИТО, как грибы, росли талантливые литераторы. Как грибы, которые очень любил собирать известный уральский поэт Юрий Каплунов.

Евгений ЧЕРНИКОВ, поэт, член Союза писателей России, руководитель Каменск–Уральского городского литературного объединения:

– Впервые стихи Юрия Каплунова я прочел, поступив в политехнический колледж – бывший алюминиевый техникум, который когда-то окончил и сам Юрий Михайлович. Прочел со сцены – наш классный руководитель Раиса Григорьевна Лагутина включила их в сценарий выступления группы на праздновании Дня первокурсника. Это было стихотворение «В армию»:

*Перрон, неровный строй ребят,
Всё так похоже, так знакомо:
Ещё гражданские стоят
Перед бывалым военкомом.*

Тогда, в двухтысячном году, я не мог даже представить, какую роль сыграет автор этих строк в моей жизни. Учитель, собеседник, старший товарищ... Работая над составлением последней книги Юрия Михайловича, я вновь вернулся к этим стихам и, сопоставляя варианты, с удивлением обнаружил, что военком был сначала «очкастым», затем «сутулым» и только потом сделался бывалым. Так поэт работал над стихотворением, пока не нашел нужное, единственно верное слово.

Высокое мастерство – отличительная черта Каплунова–поэта. Ранние его стихи, без сомнения, талантливы, но значительно уступают зрелым в точности, силе, глубине. Это свидетельство огромной душевной работы, проделанной автором. Как руководителя литобъединения, Юрия Михайловича часто упрекали в завышенных требованиях – но это ровно те требования, которые поэт предъявлял к самому себе. Их выполнение – единственный честный пропуск в большую литературу.

Нужно сказать, что в начале двухтысячных я уже сам пробовал писать стихи – сначала это были школьные тетрадки, потом самиздатовские сборники. В городских газетах публиковались стихотворения, присланные на Рождественский конкурс (тоже, кстати, идея Каплунова). Поучаствовать в нем я в ту пору не рискнул, но пару раз приходил на итоговую церемонию. Помню оттуда Евгению Кузеванову, Михаила Минина... Каплунова почему-то не помню.

Мое знакомство с ним состоялось в 2007 году – на Всероссийском совещании молодых писателей, куда я попал по рекомендации Сергея Симонова. Юрий Михайлович с интересом прочитал мои стихи и пригласил на занятия городского литобъединения, проходившие в Социально-культурном центре. Тогда это был совсем другой СКЦ – с дышащими холодом аудиториями, в которых зимой не спасала даже верхняя одежда, с дверными замками, открывавшимися волшебным (и не всегда

печатным) словом. Впрочем, атмосфера была действительно творческая. В то время занятия посещали Владимир Андреев, Михаил Минин, Иван Паздников, иногда приезжал из Екатеринбурга Андрей Торопов. Навсегда запомнились разборы Каплунова, который невероятным образом умел вдохнуть жизнь в казалось бы безнадежное стихотворение. Наши суждения о стихах часто совпадали, чему он всегда радовался, показывая листок со своими пометками. Именно Юрий Михайлович научил меня всматриваться в каждую собственную строку. Фигурально выражаясь, дал в руки вёсла.

После занятий я обычно провожал его на остановку. Он рассказывал о литобъединении времён Николая Мережникова, об учёбе в Литературном институте (благодаря Юрию Михайловичу я через одно рукопожатие знаком с Николаем Рубцовым, через два – с Анной Ахматовой). А однажды попросил подменить его на занятии. Потом ещё и ещё – сказывалась, видимо, усталость, накопленная за 30-летнюю вахту. И в какой-то момент сказал: «Женя, ты прекрасно справляешься, веди сам».

С 2016 года я стал вести занятия на постоянной основе. При этом руководителем литобъединения оставался Юрий Михайлович – и де юре, и де факто. В 2015 году при его непосредственном участии была открыта мемориальная доска поэту Михаилу Минину, в 2016-м мы вместе ходатайствовали о присвоении звания почетного гражданина города Нине Ивановне Буйносовой. Каплунов живо интересовался литературным процессом, успехами молодых авторов, председательствовал в жюри Рождественского конкурса, неизменно отмечая все самое яркое и интересное – даже если эти стихи были далеки от его эстетических предпочтений.

В последние годы Юрий Михайлович начал поговаривать о том, что хорошо бы издать итоговую книгу. Слово «итоговая» в наших разговорах не звучало, но мы прекрасно понимали: по сути своей книга будет именно такой. Её составление Каплунов доверил мне, что я воспринял как огромную ответственность – и в то же время как своеобразную награду. Работа над книгой растянулась на долгих три года: нужно

было перелопатить архив поэта, сверить многочисленные машинописные страницы, газетные и журнальные публикации, утвердить «канонические» варианты стихотворений, набрать их на компьютере. Но это еще полдела – предстояло найти «правильную» последовательность стихов, раскрывающую всю глубину и своеобразие Каплунова-поэта, отражающую пройденный им творческий путь от «официальной» советской поэзии со всеми её достоинствами и недостатками к вершинам традиционной русской лирики. Для меня это был очередной урок литературного мастерства, даже не урок – экзамен, который я, зная требовательность Юрия Михайловича, боялся провалить.

Я рад, что мы успели издать эту книгу, что Каплунов подержал её в руках и остался доволен результатом. По его настоянию мы назвали сборник «Шуга» – так называлась дипломная работа Юрия Михайловича в Литинституте. Мелкие кристаллики льда, смешанные с водой, появляющиеся на поверхности реки перед ледоставом, – эту «субстанцию», в любой момент готовую перейти в новое состояние, Юрий Михайлович считал метафорой поэзии с её неожиданными образами и ходами.

В сборник включены стихотворения разных лет – не только проверенная временем каплуновская классика, но и некоторые малоизвестные и ранее не публиковавшиеся стихи. При этом немало интересного осталось «за кадром» – например, отбракованное нами стихотворение «Перед снегом»:

*Всё, осень кончилась, усталость,
Костёр осин сгорел дотла.
Как на душе, в лесу осталось
Всего два градуса тепла.*

*Всего два слова – до прощанья,
Когда слезы внезапной стыд
Не означает обещастья,
Что будем помнить. Бог простит.*

*И всё, чем живо было лето,
Назавтра с вами и со мной
До запоздалого рассвета
Шагнёт незряче в мир иной:*

*Где чисто выбелены стены,
Надолго прибраны полы...
И мы привыкнем постепенно
В душе не ворошить золы.*

*Как должно, примем эту участь,
По арифметике простой
Живя и радуясь, и мучась
Уже за нулевой чертой.*

С уходом Юрия Михайловича эти стихи как будто стали объемнее, приросли смыслами, значимыми для понимания личности и творческой судьбы поэта. Лишь потому я решаюсь привести их в своих воспоминаниях.

Символично, что «Шуга» выпущена санкт-петербургским издательством «Маматов» – для Юрия Каплунова, родившегося в семье эвакуированных ленинградцев, это стало своеобразным возвращением к истокам. «Живительная сила природы, ход времени, любовь и сопричастность жизни – основные мотивы творчества уральского поэта», – написал я в аннотации к книге. Как мне кажется, правильно написал. Это сущностные начала стихотворений Каплунова, даже если сюжетно они посвящены покорению космоса или Великой Отечественной войне (см. «С пригретых пригорков...», «Баллада о блокадем одеяле», «Однокрылый» и др. стихи).

Напоследок – о личном. Судьба как будто сводила нас с Юрием Михайловичем, подкидывая

курьезные совпадения. Алюминиевый техникум, стихотворение «В армию», которое досталось именно мне... Позже оказалось, что в бывшей квартире Юрия Михайловича по Октябрьской теперь живут родственники моей жены (это в городе на 170 тысяч населения!). Наконец, разбирая его архив, я наткнулся среди стихов на приказ начальника цеха № 32 Каменск–Уральского металлургического завода о наложении взыскания на т. Каплунова – строгий выговор своему заму вlepил... мой дед Юрий Русаков. Какие-то тракторы у них 40 минут порожняком простояли...

На эту тему мы с Юрием Михайловичем еще успели посмеяться. Каплунов рассказал, что и жили они с дедом неподалеку (это уже на Алюминиевой), а однажды тот даже подарил ему щенка для сына Андрея. С Андреем мы познакомились через несколько месяцев после того разговора – когда Юрия Михайловича не стало...

* * *

Работая над книгой поэта, я обратил внимание, что одно из самых часто употребляемых слов в его стихах – «свет» и его производные: «Светился мокрый лист на сапоге»; «Горы светлые»; «И свет, казалось, кончился навеки»; «Придите, светлые слова»...

Свет поэзии Юрия Каплунова навсегда останется с нами.

* * *

«А жизнь продолжается...» об участнике Великой Отечественной войны Бердинских Петре Александровиче

«Нет неизвестного солдата, есть те, о которых еще не рассказано»

2021 год – год 80 – летия со дня начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Победа в Великой Отечественной войне вошла в историю навечно. Советский народ, закаленный в труде, завоевал ее в боях. Так он выразил любовь к своему народу, к своей стране, к малой родине. Но сколько жизней унесла война, сколько погубила семей.

«За четыре года войны наш военкомат отправлял на фронт 31533 жителя города и окрестных деревень. Не вернулись 9366 тысяч человек. Почти каждый третий» [3, с.23].

Сухие цифры статистики вряд ли смогут отразить горе и душевную пустоту, когда домой приходила похоронка. Но дома знали, что отец, сын или брат погибли не напрасно – они были настоящими героями. Именно такими воспитали их, прежде всего, родители. И возвращавшиеся солдаты говорили им «Спасибо». За то, что ждали, что молились и что дали им любовь и надежду, которую бойцы пронесли через всю войну.

Я хочу рассказать об отце нашей читательницы Цыбиной – Бердинских Евстолии Петровны – Петре Александровиче, погибшем в 1942 году.

Библиотекари и учащиеся школы № 27 дружили с Евстолией Петровной, к сожалению, в апреле 2019 года ее не стало. Ярким примером для нас стала история жизни отца Цыбиной – Бердинских Евстолии Петровны, восхищение ее мужеством, терпением в поиске

места захоронения Петра Александровича. Ее отец Петр Бердинских в августе 1941 года был призван в Красную Армию и пропал без вести на Карельском фронте. Двадцать пять лет она по крупице собирала информацию о нем и его боевых товарищах. Воспоминания Евстолии Петровны легли в основу ее книги «А жизнь продолжается» [4, с.2]

В 2010 году администрация города Каменска–Уральского помогла издать книгу «А жизнь продолжается... Никто не забыт, ничто не забыто», прочитав которую и беседуя с Евстолией Петровной, мы хотим еще раз пролистать яркую, честную историю жизни участника Великой Отечественной войны, погибшего в 36 лет.

Бердинских Петр Александрович родился 21 января 1906 года в г. Советск Кировской области. Его отец Александр Тимофеевич был священником и осужден постановлением Тройки УНКВД, отбывал наказание и умер в Гулаге Плесецкого район, впоследствии реабилитирован. Мама – Татьяна Ивановна из сиротской бедняцкой семьи, красивая, рослая, трудолюбивая. После замужества выполняла почти всю мужскую работу. Семья Петра жила в деревне, работал он в «трудармии» на строительстве дороги Мокроусово – Емурчинка. Жили в основном на картошке, изредка была овсяная мука и молоко. Более – менее нормальная жизнь началась, когда семья в 1935 году поселилась в селе Чаща, где Петю приняли сапожником в подмастерье «Объединенный труд». Руководство промартели, видя старательность, честность, высокое качество сшитой обуви, приняло

Петра Александровича на постоянную работу сапожником, затем перевело в бригады. 25 мая 1940 года Курганский межрайпромсоюз переводит Петра Александровича на должность бухгалтера промартели «Заветы Ильича» в поселок «Красный Октябрь». Перед войной он работал главным бухгалтером промартели. О производственной деятельности Петра Александровича сохранилась справка, датированная 25 мая 1940 года. [6, с.3]

Из воспоминаний Евстолии Петровны – старшей дочери:

«Наши родители Клавдия Македоновна и Петр Александрович Бердинских искренне любили друг друга и своих детей, уважали своих родителей. У них было полное взаимопонимание. В сентябре 1940 года в семье родился пятый ребенок». [1, с.287]

В середине августа 1941 г. во многие семьи поселка «Красный Октябрь» станции Кособродск пришли повестки о призыве мужчин в Красную армию.

В соответствии с директивой Верховного Главнокомандования 18 августа 1941 года Командующим Уральским военным округом был издан приказ о формировании 367 стрелковой дивизии. Бердинских Петр Александрович был записан в 1217 стрелковый полк. В перерывах между занятиями бойцы помогали жителям с. Городище Шадринского района на сенокосе, уборке урожая, оказывали медицинскую помощь.

Дивизия была сформирована 5 октября 1941 года, 1217 стрелковый полк принял военную присягу и поклялся честно бороться за Родину. Несмотря на слабую военную подготовку, точнее на отсутствие ее вообще, новобранцы искренне верили в быструю победу над врагом [6, с.33] Соединение направили на Карельский фронт в состав Масельской оперативной группы, куда она прибыла 16 – 18 декабря 1941 года. Оно расположилось в поселке Айта – Ламба в трех километрах от Кировской железной дороги. Жили бойцы в лесах. Из веток делали шалаши на 3 – 4 человека. Согревались костром. Так как были одеты не по сезону, в сапогах, ботинках, шинелях, то появилось много простудных

заболеваний и обморожений. От холода бойцы распухали, порой друг друга не узнавали, говорили шепотом, так как голоса не было, гортани распухали. Однако врага громили, да еще как!

Финны вели наступление на север к Белому морю, чтобы окончательно отрезать от страны Мурманск с его незамерзающим портом. Осуществить эту задачу мешала 367 стрелковая дивизия, поэтому финское командование решило направить все свои силы против этой дивизии. Бой длился более суток, было отражено 24 атаки противника. Дорога, по которой подвозили боеприпасы и продовольствие, была перерезана врагом, попытка доставить снаряды, мины, продовольствие из тыла на волокушах по лесным тропам не увенчалась успехом. С 24-х часов 6 февраля 1942 года до исхода дня 7 февраля противник, обороняя занятые рубежи, одновременно вел непрерывные атаки (до 24 атак) района обороны. Личный состав полка под командованием Булгакова героически отстаивал каждую пядь земли, огнем и контратаками отбрасывая противника в исходные районы. Полк, не получив подкрепления живой силой и продовольствием, в жестоких схватках с противником героически погиб.

Петр Александрович погиб в этом бою, так как последнее письмо он писал 2 февраля за день до своего рождения. [4, с.2]

Евстолии – старшей дочери Петра Александровича на начало войны было 7 лет. Отца она помнила, но не знала, где он погиб. Будучи взрослой с 1985 г. Евстолия Петровна занималась сбором сведений о боевых действиях 367 – й стрелковой дивизии и 1217 стрелкового полка, где служил, воевал и погиб (пропал без вести) ее отец Бердинских Петр Александрович на Карельском фронте 6 февраля 1942 года. Историю о своем нелегком детстве, родителях, сестрах и братьях Евстолия Петровна описала в книге «А жизнь продолжается...». [3, с.2]

Родственники Петра Бердинских несколько раз побывали в Карелии и даже посетили место, где полк попал в окружение и принял последний бой. Они возложили венки к памятнику 367-й дивизии на станции Масельская к мемориалу в Медвежьегорское, а также на братские

захоронения в районе озера Коммунаров. На братских могилах в последние годы, благодаря поисковикам появляются новые имена. Останки их отцов будут найдены и захоронены. Правда, опознать бойца Бердинских вряд ли удастся, он еще на призывных сборах в Шадринске выбросил свой медальон, сказав жене, что это плохая примета носить его при себе. [5, с.3]

Поклонный крест установлен 22 июня 2002 года в честь 367-ой стрелковой дивизии, сформировавшейся в годы Великой Отечественной войны в г. Шадринске. Поклонный крест высотой 7 метров, деревянный, резной, с инициалами и ликом Иисуса Христа, словами: «Сей крест установлен в память шадринцев, воинов 367 – ой дивизии. 1941 – 1945 гг.», «Вечная слава павшим воинам».

Из воспоминаний Евстолии Петровны: «Как сильно мы ждали нашего папу. Был, наверно, уже 1943 год, похоронка, точнее извещение с фронта, уже было получено, но была надежда, что не убит, а только пропал без вести. Вдруг окажется, что ранен, но живой. Однажды вечером все были дома, разговор зашел, конечно, о папе. Одиннадцатилетний брат говорит: «Пусть бы папа без руки, но вернулся», я (мне 9 лет) добавляю: «Без руки и без ноги», – младший брат пяти лет говорит: «Пусть без обеих рук и без обеих ног, но чтоб папа вернулся домой». А младшая сестра, 1940 года рождения, заявляет: «Пусть без рук, без ног, без головы, но, чтобы папа был дома». Все опешили вначале, но потом расхохотались. Горьким был тот смех–смех, смешанный со слезами».

«Надо отдать должное нашей маме, в том, что она сумела оставить добрую память и о папе, и о себе. Только корове в стайке она могла выплакать свою боль, просить прощения у нас и у папы за суровое воспитание. Старший брат до самой своей смерти (умер в 2004 году) считал маму святой, несмотря на то, что ему

чаще и крепче доставалось от маминого сурового воспитания. Мы все пятеро благодарны маме за то, что ценой огромных трудов, отказывая себе во всем, она вырастила нас, всем дала среднее образование, не отпустила по дурной дорожке. У всех у нас трудовой стаж под сорок лет, имеем грамоты, благодарности, награды. В Каменск–Уральский мы приехали в 1956 году. Уже здесь, в Каменске, мама призналась, что всю войну берегла кусочек горючей серы на самый – самый безысходный момент жизни, чтобы бросить его в печь, закрыть вьюшку и утром всем не проснуться. Бог миловал нас от этого. А на последнем восьмидесятом году своей жизни мама сказала, что до сих пор ждет нашего папу. Увы, не дождалась ни мы, ни наша мама своего папку». [4, с.2]

В семье Евстолии Петровны сохранились извещение от 20.08.1942 года и справка о гибели отца и мужа.

На сайте «Память народа» о Бердинских Петре Александровиче одна строчка, но за ней судьба нашего земляка, воина, отца 5–х детей, которые хранит о нем память. [2, с.1]

Евстолия Петровна рассказывала о своем отце и проводила презентацию книги «А жизнь продолжается...» в библиотеке № 13 в клубе «Книгочей», встречалась с учащимися школы № 27 (воспитатель Гиматова Любовь Львовна).

Вот такая сложная, трагическая, но интересная судьба. Пусть никогда не узнаем мы ужасов войны, пусть не услышим взрывов снарядов, не почувствуем голода.

«Война продолжается до тех пор, пока погибший солдат не будет предан земле» – так считал и говорил А. В. Суворов.

Война... Неохотно отдает она свои тайны. Тайны боев, в которых погибли целые полки. Тайны последнего приюта тех, кто защищал отечество. Эти тайны нужны тем, кто погиб. Они, нужны нам, живым.

Примечания:

1. Буйносова Н. И. Война была у каждого своя / Н. И. Буйносова. – Текст: непосредственный. – Каменск-Уральский: ОАО Каменск-Уральская типография: МАУК СКЦ, 2015. – 498 с.

2. Бердинских Петр Александрович. Донесения о безвозвратных потерях. – Текст: электронный // Память народа. 1941-1945 гг.: [сайт]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 22.04.2020).
3. Кобец Г. В музее появилась книга памяти: В музее им. Стяжкина состоялось открытие виртуальной книги Памяти / Г. Кобец // Новый компас. – 2020. – 10 декабря. – С.23.
4. Котлова И. Нет неизвестных солдат...: [в краеведческом музее Каменска-Уральского прошла презентация книги «А жизнь продолжается...» Е.П. Цыбиной-Бердинских / И. Котлова. – Текст: непосредственный // Областная газета. – 2012. – 6 мая. – С. 2.
5. Литвиненко М. Дети погибших фронтовиков надеются, что имена их отцов не будут преданы забвению: [о своем отце, Бердинских Петре Александровиче – воине 367 стрелковой дивизии, дочь Е.П. Цыбина-Бердинских написала книгу «А жизнь продолжается...»] / М. Литвиненко. – Текст: непосредственный // Областная газета. – 2013. – 22 марта. – С. 3.
6. Цыбина - Бердинских Е. «А жизнь продолжается...». Никто не забыт, ничто не забыто / Е. Цыбина-Бердинских. – Текст: непосредственный. – Каменск-Уральский, 2012. - 90 с.
7. Цыбина - Бердинских Е. «А на хозяйстве оставались дети» / Е. Цыбина-Бердинских. – Текст: непосредственный // Война была у каждого своя / Н. И. Буйносова. – Каменск-Уральский: ОАО Каменск-Уральская типография: МАУК СКЦ, 2015. – С. 287-289.

* * *

К материалу Г. П. Аввакумовой

А.Г. Зырянов

П.А.Зырянов

В.С. Зырянов

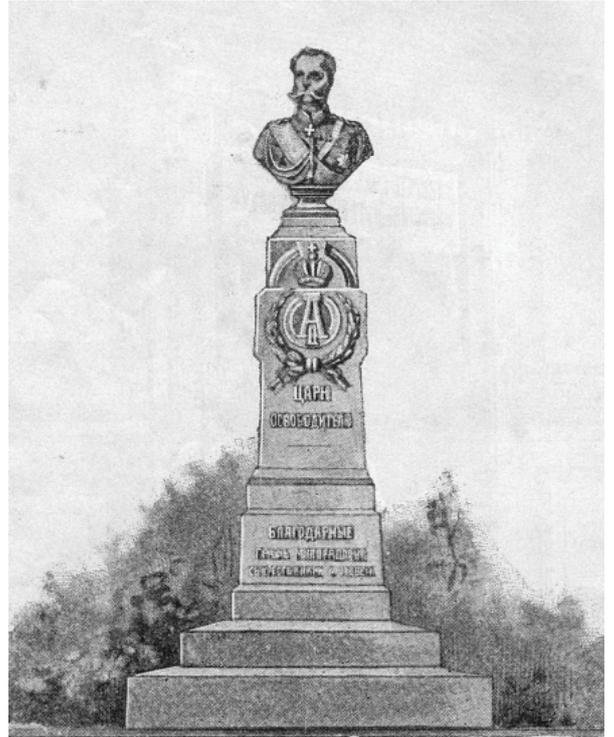

Родные Т.В. Прошкиной и Г.П. Аввакумовой

К материалу Д. М. Анчугова и А. П. Лыскова

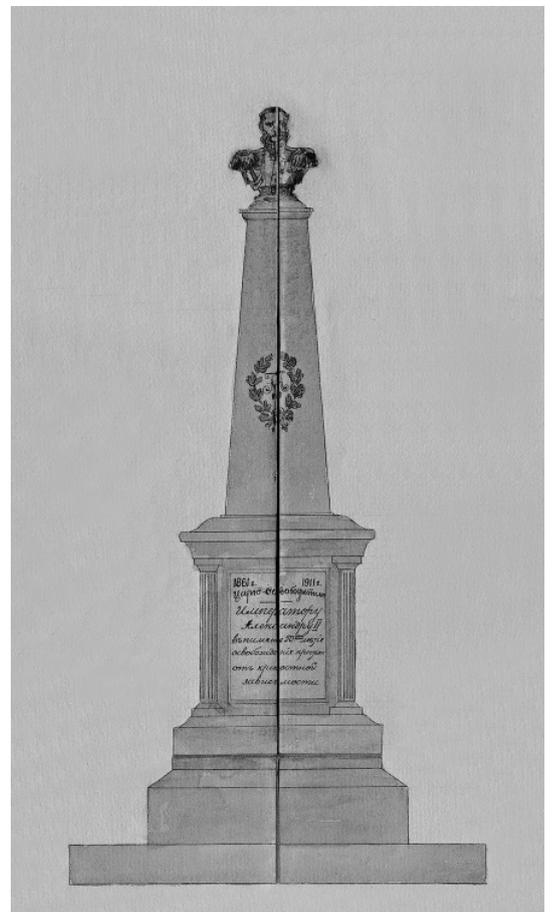
Памятник с иконой св. Александра Невского.

Памятник императору Александру II в Черниговской губернии.

Митинг, вероятно 1923 г.

Проект памятника царю Александру II в Полевском Заводе.

К материалу Е. А. Вагиной

Клементина Петровна Жданкович с подругой

Жданкович Клементина Петровна

Жданкович К.П. и Вагина Е.А

К материалу Е. С. Гусевой

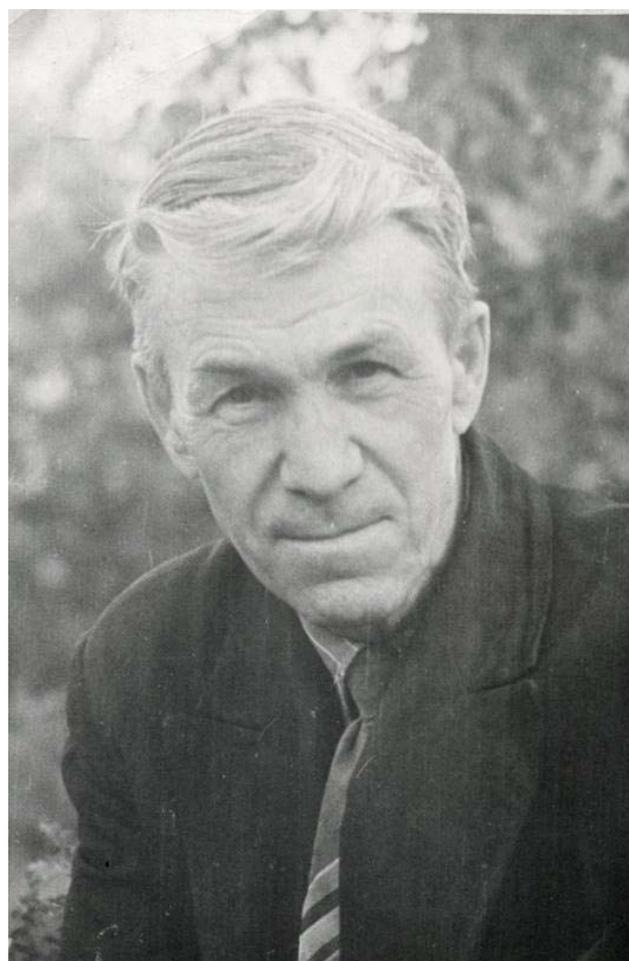
1920-е гг. Вознюк П.А.

1950-е гг. Вознюк П.А. с супругой Галиной Николаевной

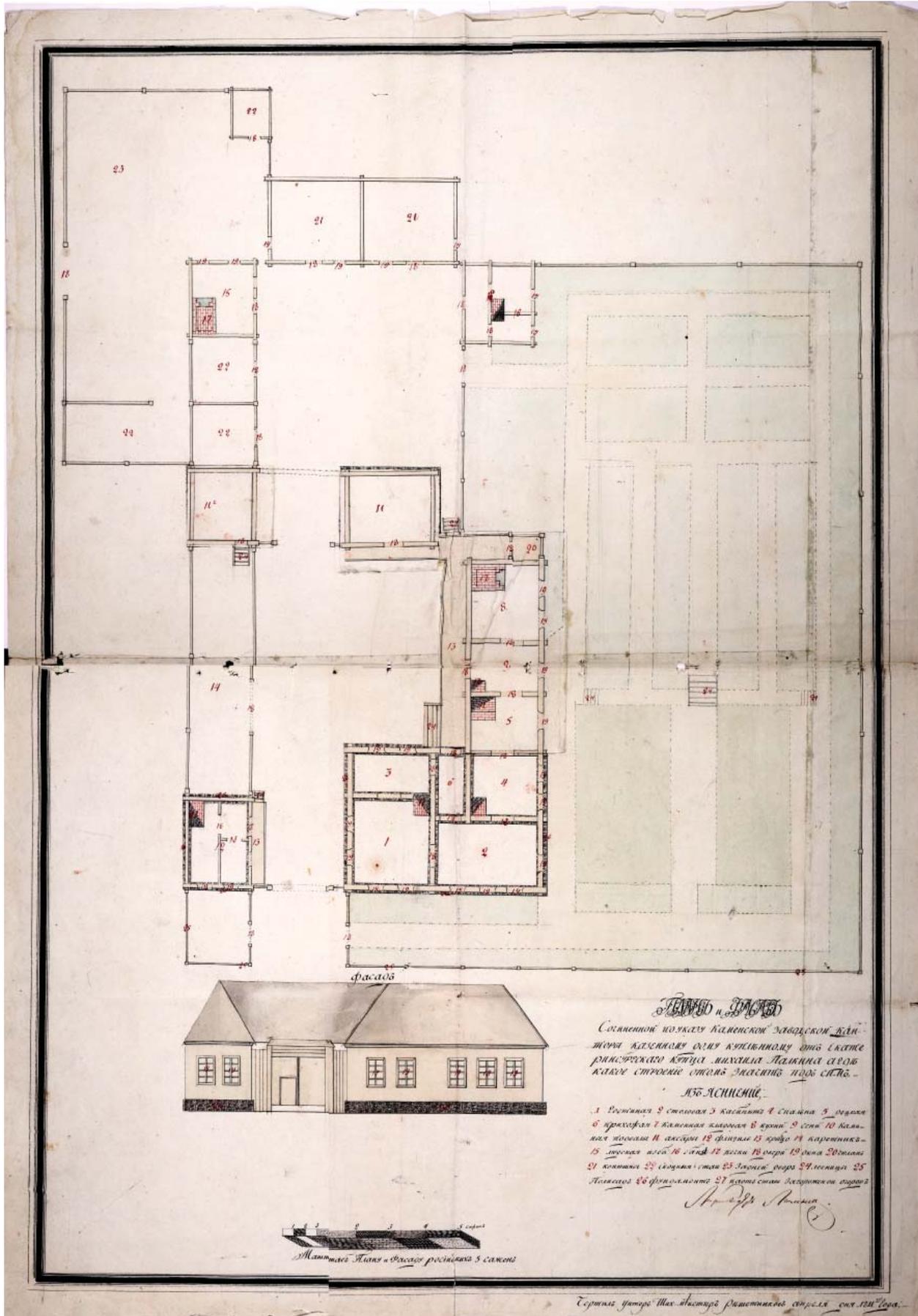

1950-е гг. Вознюк П.А. у себя дома

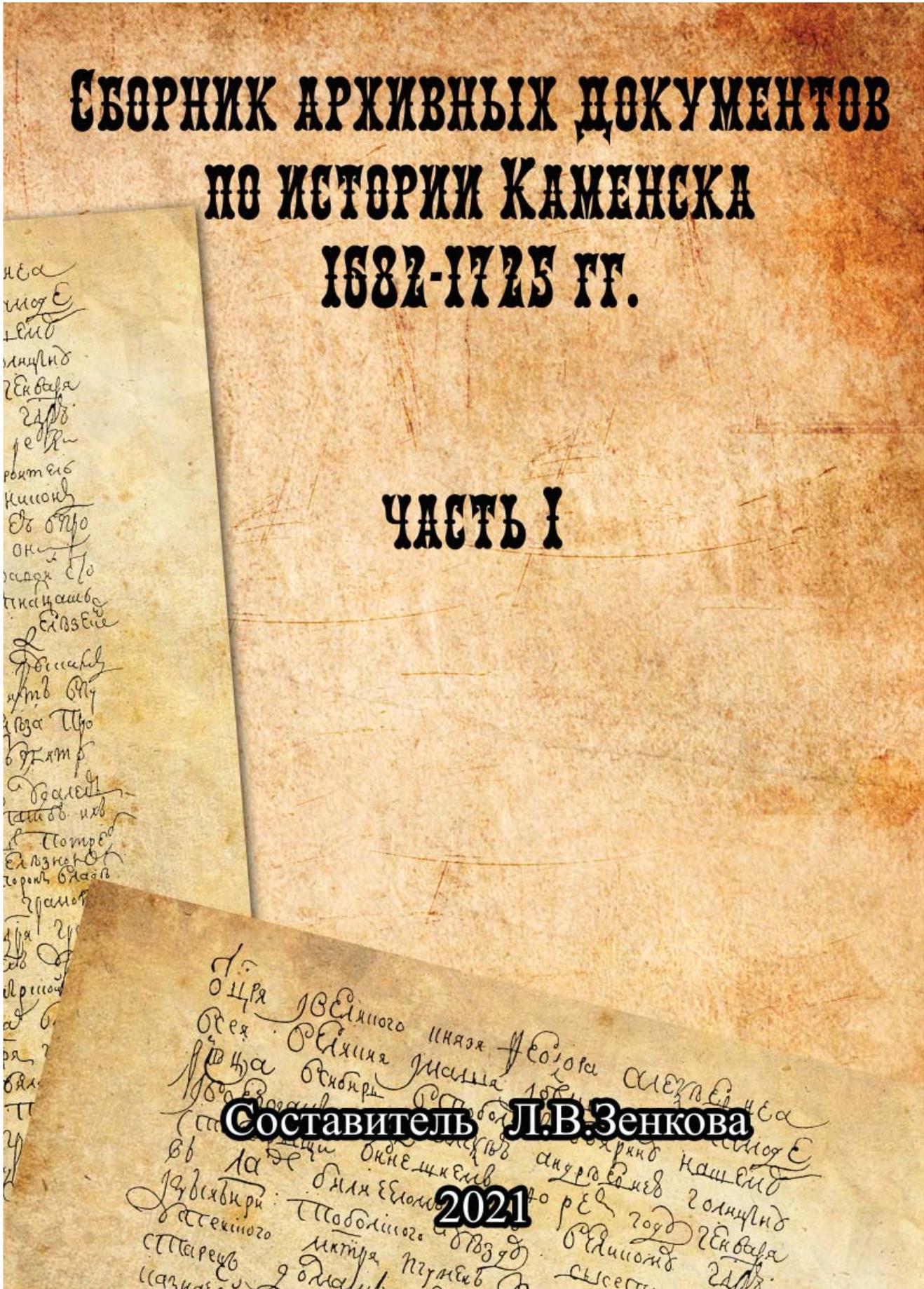
1962 г. Вознюк П.А.

К материалу Л. В. Зенковой

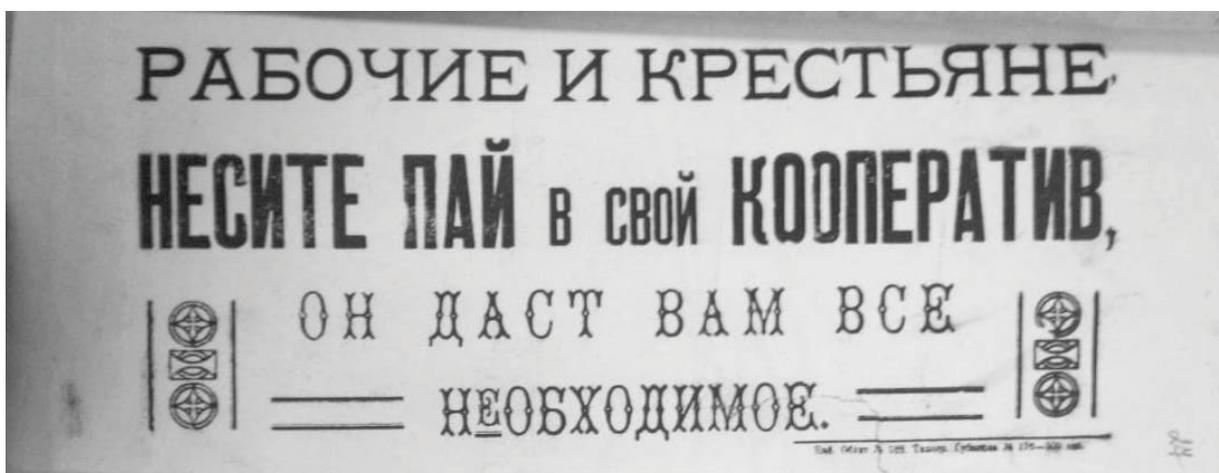
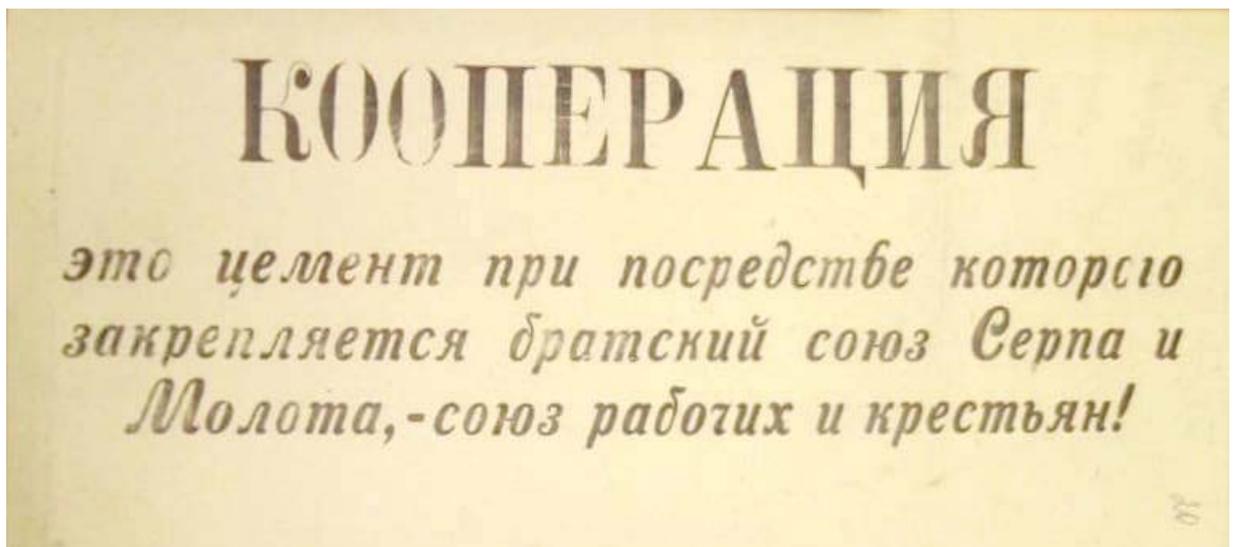
План усадьбы купца М.Палкина

К материалу Л. В. Зенковой

Обложка «Сборник архивных документов»

К материалу С. А. Корвяковой

К материалу А. Ю. Лесуновой

Кузница на правом берегу Каменки в Гнилом углу. 1960-е гг.

К материалу Е. Н. Пермяковой, Н. Н. Пермяковой, М. Ю. Серяк

Дурова Валентина Степановна,
медсестра в физ.кабинете

Корикалова Антонина Николаевна,
медсестра 1-го участка

Новое здание детской поликлиники
в посёлке имени Чкалова по улице
Трудовые резервы, 5А. Рассчитана
поликлиника на 150 посещений в смену

Ноябрь, 1967 год. Коллектив детской поликлиники пос. им. Чкалова в день её открытия

К материалу Н. А. Пуголовкиной

Поэтесса И.Б. Шляпкиова

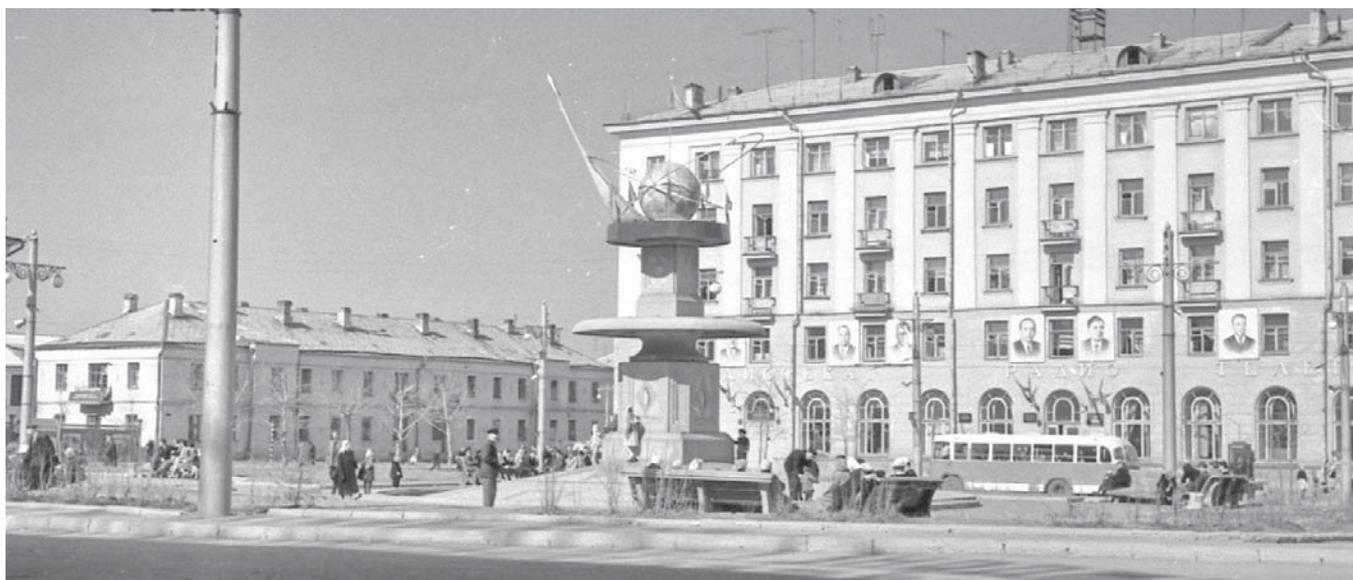
К материалу Л. А. Сарабанской

А. Т. Мальгин

Парк культуры и отдыха

Римский фонтан

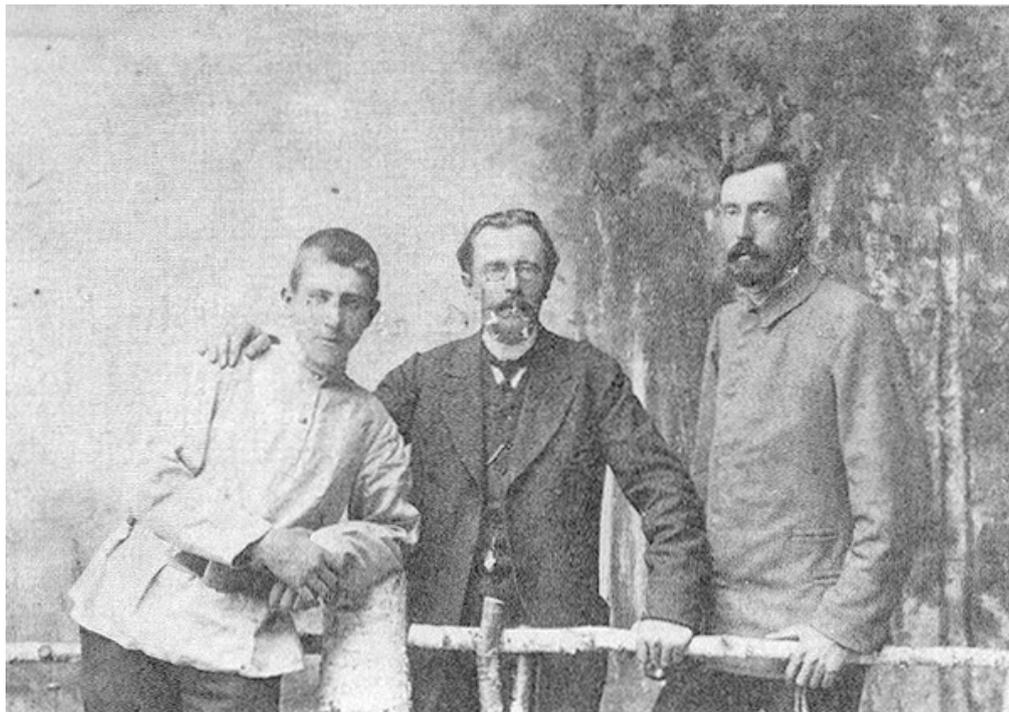

Сквер у ДК УАЗа

ул. Октябрьская

К материалу М. З. Телякова

Александр Михайлович Прокудин-Горский (справа) с братом Сергеем Михайловичем и его старшим сыном Дмитрием.

Анатолий Сергеевич Оберт и Нина Вадимовна Прокудина, Барнаул, 2016 г.

К материалу Е. В. Тепикина

1 мая 1962 года

Заседание городского литобъединения, 1960 год

Юрий Михайлович Каплунов

Николай Мережников и Юрий Каплунов

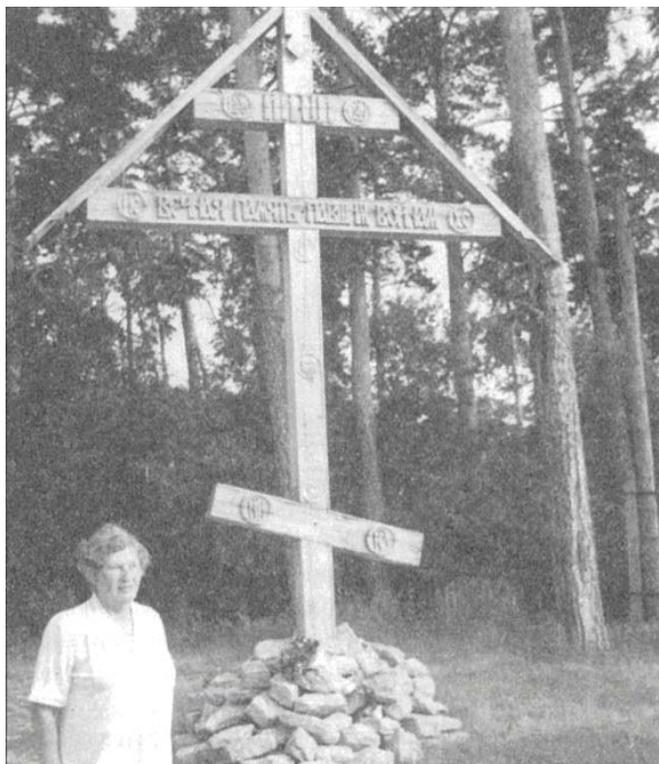
К материалу В. В. Ярославцевой

Бердинских П.А. Стрелок 1247 сп 367 сд. 1941г.
г. Шадринск

Семья Бердинских. Август 1941 г.

Евдолия Петровна у Поклонного креста г. Шадринск

Научно-просветительское издание

Восьмые
Каменские чтения

Редактор – Л. В. Зенкова
Дизайн и верстка – Е. А. Костромина

Творческая группа «Дизайн вовремя»
г. Каменск-Уральский, ул. Карла Маркса, д. 45
Подписано в печать 28.02.2021
Тираж 30 экз.